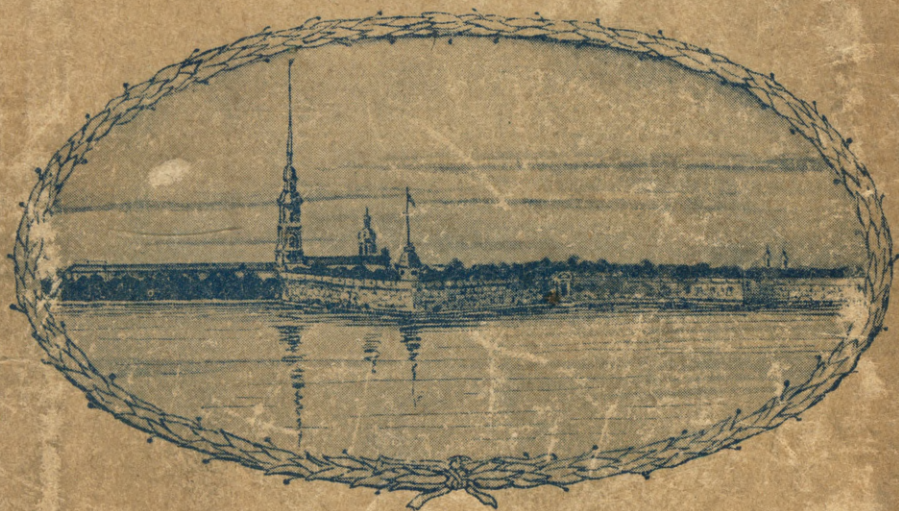

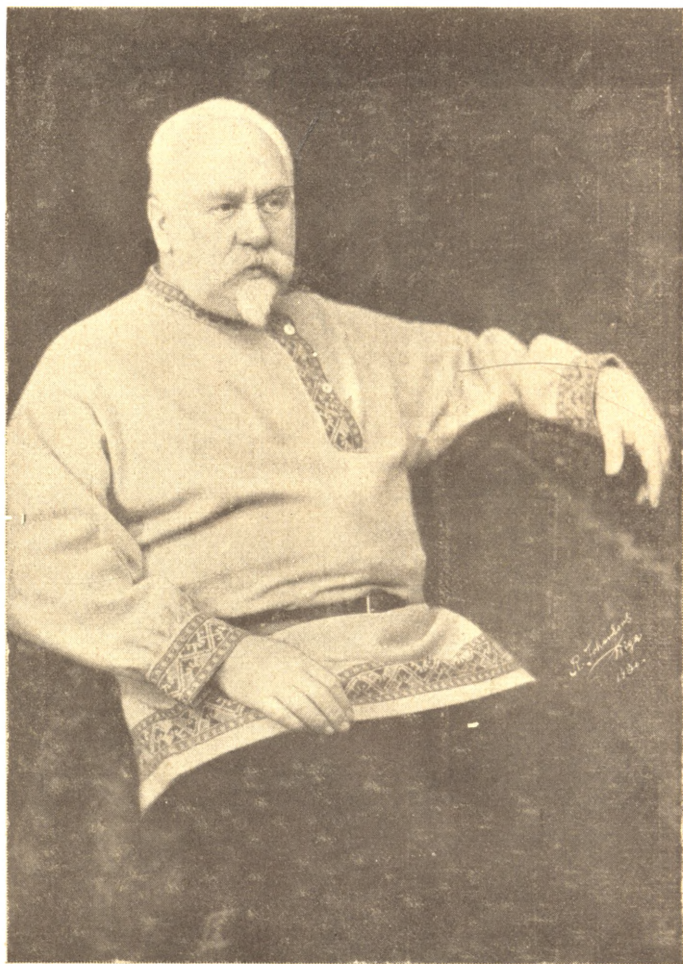
С. Р. Минцловъ

Петербургъ

Издательство

КНИГА ДЛѢ ВСѢХЪ РИГА

P. S. 1894

С. Р. МИНЦЛОВЪ

П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ

въ 1903 — 1910 годахъ.

Всѣ права укрѣплены за автором.

**Печатано в типографіи
Д. АЛТА,
Рига, Парковая ул. 1-а**

ПРЕДИСЛОВІЕ

За всю свою жизнь я никогда не состоял ни в какой политической партіи и не принимал участія в политических кружках и дѣлах. Я всегда оставался свободным человѣком и мои записи не подсказаны мнѣ партійной дисциплиной, а являются точным отраженіем того, что совершалось перед моими глазами и тѣх настроеній, которыя с каждым днем все глубже и шире захватывали всѣ слои общества и революціонировали его. Мы жили на вулканѣ и постепенно отравлялись его газами: вот точка зрѣнія, с которой должен будет смотрѣть на событія этих лѣтъ историк патолог нашего времени. Поэтому да простит мнѣ читатель тѣ, быть может излишнія, рѣзкости, которыя он найдет в моих записях и, которыя свидѣтельствуют не о моих убѣжденіях, а о степени нервнаго возбужденія, какое мы переживали четверть вѣка назад во дни первой революціи.

С. Р. М и н ц л о в.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Царь Берендѣй. Таёжная побывальщина.
За мертвыми душами. Очерки.
Сны земли. Роман-хроника.
Закат. Роман.
Святыя озера. Недавнее прошлое.
Мерцанье дали. Роман.
Чернокнижник. Рассказы.
Свистопуп. Юмористическіе рассказы.
Огненный путь. Роман.
Секретное порученіе. Путешествіе в Урянхай.
Под шум дубов. Историческій роман.
Волки. Историческій роман.
В грозу. Историческій роман.
Лѣсная быль. Историческій роман.
Приключенія студентов. Истор. роман.
То, чего мы не знаем. Рассказы.
Далекіе дни. Воспоминанія.
Петербург в 1903—10 годах.
Дебри жизни. Дневник.
Трапезондская эпопея. Дневник.
Прошлое. Из воспоминаній.
Клад. Повѣсть.
Мистическіе вечера. Рассказы.
Бѣглецы. Роман.
Синодик книгохранилищ.
Обзор записок, дневников и воспоминаній, относящихся к исторіи Россіи. 3 тома.

1903 год.

4 мая. Угрюмые всегда петербуржцы повеселѣли: сегодня разрѣшено женщинам ѣздить на верхах конок. Невольно улыбаешься, видя, как неумѣло, подобрав юбки, и сконфуженно, поднимаются по крутым лѣсенкам барышни и дамы; глаз не привык встрѣчать на имперіалах среди чужок и смазных сапогов нарядныя жакетки и шляпы с цвѣтами. Нынче обще-петербургское представленіе и первый женскій дебют.

7 мая. Телеграфъ принес вѣсть об убійствѣ уфимскаго губернатора Богдановича.

Вѣсть эта принята обществом довольно равнодушно: смерть Боголѣпова и Сипягина приучила уже к подобным событіям, да Богданович и не пользовался расположеніем.

В газетах, конечно, помѣщены трогательныя некрологи, гдѣ он выставлялся в нѣкотораго рода ореолѣ, но... чего не печатают в наших газетах!

8 мая. Дожди и дожди. Будет прискорбно, если празднованіе 200-лѣтія Петербурга пройдет при такой погодѣ!

Городской голова Леянов возил к министру внутренних дѣл церемоніалы торжеств для утвержденія; Плеве, увидав их, замахал руками и произнес: «короче, как можно короче!»

Есть слухи, что в юбилейные дни произойдут беспорядки; солдатам приказано выдать по 35 патронов на человека.

9 мая. П. П. Шенк, завѣдывающій библиотекой Императорскихъ Театровъ рассказал мнѣ любопытный случай с покойнымъ Д. Григоровичемъ. Онъ былъ предсѣдателемъ Литературно-театральнаго комитета и однажды явился в библиотечку, передалъ Шенку протоколъ засѣданія и ушелъ. Шенкъ пробѣжалъ протоколъ. Трактовалось о какой-то пьесѣ: раздѣляли ее, что называется, под орѣхъ: и не сценична, и дѣланна, и характеровъ нѣтъ, и т. д., и т. д.

Проходитъ нѣсколько дней — в библиотечку ураганомъ врывается Григоровичъ.

— Гдѣ протоколъ? гдѣ протоколъ? возбужденно спрашиваетъ онъ у Шенка. Тотъ отдалъ ему бумагу, и старикъ Григоровичъ стремглавъ бросился вонъ, какъ оказалось потомъ, опять в комитетъ.

На другой день является онъ в библиотечку и отдаетъ Шенку протоколъ о той же пьесѣ. Читаетъ онъ его и глазамъ не вѣритъ. Пьеса хвалится до небесъ — и сценична она и характеры выдержаны, и мастерски написана. Что за метаморфоза? Загадка скоро разъяснилась.

Передавъ в библиотечку первый протоколъ, Григоровичъ поскакалъ къ М. Г. Савиной: пьесу неизвѣстнаго автора представила она для своего бенефиса. У Савиной сидѣлъ А. С. Суворинъ.

— Помилуйте, матушка Марья Гавриловна, заговорилъ войдя Григоровичъ. Я сейчасъ из засѣданія, читали представленную вами пьесу: это простите, чертъ знаетъ что — никуда негодная вещь!.. и пошелъ честить ее.

Марья Гавриловна молчала и улыбалась. Наконецъ, Григоровичъ кончилъ.

— А вот позвольте вам представить автора этой пьесы, сказала Савина, указывая на Суворина.

Григоровича словно ужалило; он забормотал, залепетал, растерялся.

— Да вы про что, Марья Гавриловна? Про какую пьесу? Вы вѣдь представили их двѣ... (пьеса была представлена ею только одна, и М. Г. усмѣхнулась). Так это я вот про ту... а эта, Алексѣя Сергѣевича, она нѣтъ, она великолѣпна, она одобрена!..

Схватил шапку и убѣжал как мальчик, передѣлывать протокол*).

Сегодня опубликовано Высочайшее повелѣніе об увольненіи бессарабскаго губернатора фон Раабена за допущеніе им Кишиневскаго погрома евреев. Говорят, что истинный виновник погрома — Плеве, задумавшій, якобы, его с цѣлью отвлеченія вниманія общества от броженія и беспорядков, происходящих повсемѣстно на Руси.

10 мая. Петербург готовится к юбилею: не все их праздновать литераторам да чиновникам! На Невском и Литейном врывають в землю высокіе шесты с орлами, сооружают арки и т. д. Погода прояснилась, тепло. По городу во множествѣ рассылаются и раскидываются прокламаціи, призывающія всѣх примкнуть к беспорядкам, предположенным во дни празднеств. Думаю, что именно вслѣдствіе этих прокламацій ничего не произойдет, и листки эти предназначены лишь для отравленія спокойствія Плеве и градоначальника Клейгельса.

*) Эта исторія рассказана П. Гяѣдичем в январской книжкѣ (1911 г.) Историческаго Вѣстника, но в нѣсколько другой редакціи. Думаю, что рассказ Шенка вѣрнѣе: слишком уж он точный и положительный человек

14 мая. Усиленно говорят, что рабочих на петербургскія празднества не допустят и заставят работать под угрозой немедленной высылки. Сперва предполагалось торжествовать всѣ три дня, теперь «юбилей», продлится всего один — шестнадцатаго. В ночь на 17-е всѣ украшенія, флаги и пр. приказано убрать.

Стоило возводить и устраивать всю эту миллионную мишуру на один день! Лучше было бы не затѣвать совсѣм ничего и не приглашать заморских гостей за сто верст киселя хлебать!

15 мая. По фабрикам и заводам объявлено, что 16-го работы должны производиться; неявившіеся будут уволены и высланы немедленно.

Украшеній мало. На Невском разставлены какіе-то нелѣпыя, плохо окрашенные красные шесты с гербами; часть их окружена как бы круглой рѣшеткой, опирающейся на остовы кораблей; подставы под этими кораблями зеленые. Недурна арка на Англійской набережной; в основаніях ея два корабля со снастями и пушками типов Петровской эпохи. Прочія части города, кромѣ Невскаго, Морской и Сенатской площади, в смыслѣ украшеній пусты. Неизвѣстно зачѣм и для кого — для провинціи что ли — газеты врут об этих украшеніях. Прочитаешь их — кажется, сейчас выйдешь из дома — увидишь какую-нибудь сказку из 1001 ночи, а выйдешь — полное разочарованіе! С нетерпѣніем ждут всѣ вечера: 16-го предполагается феерическая иллюминація.

Настроеніе в городѣ тревожное, мало кто интересуется Петром Великим и юбилеем — до них почти никому дѣла нѣтъ, интересуются и говорят об ожидающихся скандалах. Кромѣ прокламацій раз-

сылаются и подметныя письма: один сенатор получил предупрежденіе, чтобы женщины и дѣти не выходили 16-го на улицу, так как помимо безпорядков будут производиться обливанія сѣрной кислотой*).

16 мая. Утро чудесное! Пошел по Невскому пр. пѣшком к собору Исаакія. Пестрѣют флаги и драпировки, магазины закрыты. Против Невского у Николаевского вокзала, стоит арка с тремя картинами: средняя изображает бурю на морѣ и Петра, спасающаго тонущих; лѣвая — вид Петербурга, правая—вид Невы до основанія города. Народ лился по обѣим сторонам густой и спокойной волной; много было простонародья, всѣ пріодѣты, чистенькіе, трезвые: винныя лавки были закрыты еще наканунѣ.

Нѣкоторые дома украсились художественно. Всероссійски извѣстный пройдоха — Генрих Блок весь футляр, закрывающій новостроющійся дом его, завѣсил гигантским полотном с цифрою 200 среди нарисованных цвѣтных гирлянд. Дурацкіе шесты обвили ельником; на панели против Гостинаго двора устроен сквозной зеленый трельяж, тоже перевитый ельником. Это мѣсто — лучшее в Петербургѣ. Против средних ворот устроен дикій уголок первобытной Невы: скалы, ели, и среди них с топором в рукѣ стоит Петр, как бы озирая простор перед собой. Задумана декорація и выполнена художественно. Нѣсколько на искосок, со стѣн Пассажа выдвигается нос оснащенного бѣлаго корабля с надписью «Россія»; на нем опять Петр. Дума украшена безвкусно: перед какой-то разма-

*) В виду тяжкаго времени, когда никто не гарантирован от обысков и арестов, никаких фамилій называть не буду.

занной по полотну яичницѣ, долженствующей изображать лучи восходящаго солнца, вычурно и напыщено стоит Петр, опираясь на трость; боковыя картины тоже аховыя, не выше работ домовых маляров; одна, представляет иллюстрацію к стихотворенію, о починкѣ Петром разбитой ядрами лодки рыбака; Петру сдѣлали такую фізіономію точно он не лодку чинил, а стрѣльцов рубил!

На углу Михайловской ул. устроен деревянный фонтан — скверно выкрашенный; вездѣ елки, елки без конца, словно на похоронах по первому разряду.

К Исаакію с Морской не пускали; на Неву доступа без билетов не было. Мосты были разведены, а через Николаевскій и Литейный публику пускали по разсмотрѣніи фізіономій полиціей. Многотрудныя обязанности возложены на нее бѣдную; и «тапши» и «не пушшай» и фізіономистом будь! Послѣднее слово, впрочем, трактуется по особому: бить по фізіям.

По окончаніи церемоніи освященія Новаго Троицкаго моста — долгонько строили его, сердешнаго! — через Машков переулок я пробрался к Невѣ, как раз в момент открытія пальбы. Вся рѣка вдоль лѣваго берега была покрыта разнокалиберными судами, увѣшанными гирляндами флагов; ясный день, многочисленныя суда, флаги на домах — все давало красивую картину. Бѣлые дымки, то и дѣло взлетавшіе над крѣпостью и с бортов судов, дѣлали ее еще болѣе величественной; громы орудій не смолкали.

Народа вездѣ море. Вдоль Невы, мимо трибун против Троицкаго моста, мимо памятника дикарю без штанов с надписью «Суворов», через Царицын

луг прошел я на Литейный пр. и направился домой.

Всюду было удивительно чинно и спокойно — ни свистка, ни шума, ни обычной на улицах семитажной брани нигдѣ не слышалось. Зато не видѣл и веселых лиц; казалось, что был не народный праздник, а просто приказали сотням тысяч людей вырядиться получше и явиться в центр города; они это исполнили и пришли нѣсколько удивленные, недоумѣвающие. Письма не подѣйствовали; барынь и барышень на улицах пестрѣло видимо-невидимо. Однако, нашлись и такія, что этим писаньям повѣрили и просидѣли дома, все время, ожидая чего-то ужаснаго.

Вечер. В девять с половиной час. вечера поѣхал прокатиться по Невскому и полюбоваться иллюминаціей. Народа — гибель. Частные общественные экипажи не ходили; конки набиты битком. По обѣ стороны улиц — тѣсная, едѣя двигающаяся, поразительно чинная лава людей. Ни шуток, ни смѣха — точно громадная процессія медленно движется за гробом, или крестным ходом.

Я проѣхал к памятнику Петра на Сенатскую площадь и обошел ее. Болѣе безвкусно-вельпых украшеній, чѣм какія стоят там, выдумать трудно.

Отступя от памятника, полукругом разставлены, начиная от царской палатки, увитые ельником мавзолеи со щитами на них. На каждом щитѣ — года смерти царей: 1725 — год смерти Петра, 1727 — Екатерины I, и т. д., и т. д... Не забыт и несчастный Іоанн Антонович: год его царствованія красовался тоже. На послѣднем мавзолеѣ видѣлся на щитѣ только вензель. Н. П. Впечатлѣніе было такое, словно мы попали на Александро-Невское кладбище. Чья фантазія родила эти мавзолеи — не знаю!

Зато площадь — еще недавно угрюмая, голая, вымощенная булыжником — предстала в новом, прекрасном видѣ: чудным цвѣтником, примкнувшим к парку. Работы над этой затѣей шли спѣшныя и были закончены только наканунѣ. Публика гуляла и ожидала зрѣлища, но иллюминаціи все не было. Только на темной Невѣ довольно эффектно освѣтились три судна: одно в видѣ звѣзды, на другом среди огненных рей краснѣла в воздухѣ огромная буква П. В толпѣ шныряли продавцы флажков, жетонов, платков; торговали этими вещами бойко.

Наконец, разнеслась вѣсть, что иллюминація отмѣнена. Как, зачѣм, почему?! Ничего неизвѣстно. Ожидавшая зрѣлища публика раздражилась, да оно и понятно! Юбилей Петербурга бывают не каждый день, и жители вправѣ были требовать и хотѣть, чтобы им дали возможность полюбоваться хоть чѣм-нибудь: «особы» были приглашены на разные спектакли и обѣды, а весь миллионный город, платя всякіе налоги, рассчитывал только на эту иллюминацію. Многие истратили значительныя для них суммы на проѣзд, на дорого стоявших извозчиках исключительно ради нея — и вдруг отмѣна. Мирная толпа наэлектризовалась, и достаточно было двух-трех смѣлых голов, рѣшительнаго какого-нибудь крика — и скандал был бы готов. Но смѣльчаков, или охотников, не нашлось, и лава из десятков тысяч людей продолжала течь по Невскому.

В 12-м часу вернулся домой. Только на кораблѣ Пассажа горѣл красный огонь и эффектно вырисовывал из мрака перваго революціонера земли русской. Получилась аллегорія: всеобщая тьма и среди нея — одинокій великій Петр. Не любят у

нас свѣта! И неужто власть имущим не придет в головы, или в то, что замѣняет их, что если бы захотѣла толпа учинить безпорядки, — учинила бы их и впотьмах, как и при свѣтѣ, и что, собственно говоря, сами же они подстрекали ее этой отмѣной к буйствам?

17 мая. Авторы подметных писем могут-таки поздравить себя с достиженіем цѣли: верхи терроризованы, и для широкаго доказательства этого отмѣнили иллюминацію.

Безпорядки, как оказалось, все-таки были. В Народном домѣ какіе-то карманники крикнули: «тигры вырвались», и бросились в толпу. Произошла паника, и в результатѣ, как говорят, — девять убитых и нѣсколько раненых. Передавали, что Клейгельс, узнав о творящемся в Народном домѣ, с перепугу принял это за начало настоящих безпорядков и приказал не зажигать иллюминацію. У страха глаза велики, хотя и то сказать: здорово у него должны были быть напряжены нервы за эти дни!

Всѣ украшенія — шесты, флаги и т. д. все, кромѣ громоздких арок исчезло за ночь... Город выглядит ободраным... Позорно мы отпраздновали предполагавшуюся «недѣлю» Петра! Газеты полны восхваленій и восхищеній насчет удачи праздника. Может быть, он и очень удался в Думѣ за обѣденными столами, но на улицах, там гдѣ был весь Петербург, в публичных мѣстах... Нѣтъ, не удался наш праздник и не удался, благодаря неумѣстной и позорной трусости! «Всѣ врут календари», сказал еще Фамусов; «всѣ врут газеты», скажу и я вмѣстѣ со всѣми очевидцами этого торжества, на которое убили сотни тысяч!

20 мая. Сильно поговаривают о войнѣ. Если вспыхнет гдѣ-либо — надо ждать всемірной клочки. Говорят, что Куропаткину очень хочется подраться, но Витте сдерживает задор его. Не знаю что — глупость или трусость обнаруживают наши русскіе политики. Русскіе!! Опять должно быть придется русским людям просить государя, чтоб наградил их — пожаловал в нѣмцы.

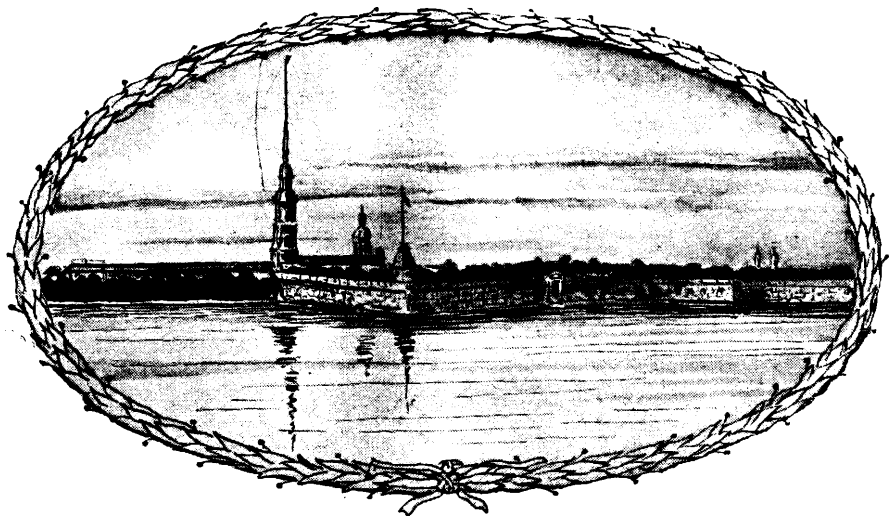
Іюнь. Непокойно на Руси! Вездѣ безпорядки, безпорядки... Что-то новое и неотвратимое надвигается на нас, и как жалки и тщетны кажутся наблюдающему со стороны усилія власть имущих остановить в Россіи колесо мірового закона!

Куда ни придешь — вездѣ толкуют или о ви-сящей над нами войнѣ, или о безпорядках.

Когда я ѣхал в этом году в Крым, в одном купѣ со мной находилась харьковская помѣщица, одна из очевидиц недавно бывших там и в Полтавской губерніи разгромов крестьянами помѣщичьих усадеб. И грознаго много было в этом стихійном движеніи, но и смѣшного, наивнаго без конца!

Разгромы были слѣдствіем пропаганды; в народѣ ходили толки о «золотой» грамотѣ, этой вѣчной побрякушкѣ, за которой всегда тянулся у нас многомилліонный младенец. Будто эту золотую грамоту прислал царь и указал в ней подѣлить крестьянам всѣ «панскія земли» и т. д. И вот между прочими, извѣстными всѣм сценами, происходили и слѣдующія.

Во двор одного имѣнія вваливается цѣлая орда баб и мужиков; начался дѣлеж и разграбленіе усадеб. Одна баба облюбовала себѣ карету и, чтоб ея не захватили другіе, усѣлась в нее, а мужик побѣжал домой за лошадыю. Привел он конь-

ка, впряг в карету, и баба поѣхала с торжеством домой, а как на грѣх навстрѣчу казаки.

— Стой! Кто такіе? Чья карета?

— Моя, отвѣчает увѣренный в своей правотѣ мужик. — Мнѣ она досталась!

Казаки его за шиворот, но мужичок продолжал защищать «свое» добро и в концѣ-концов его растянули с его бабой и всыпали им «добрѣ», как выразилась помѣщица.

В Полтавѣ было еще курьезнѣй.

Там всю улицу перед Казначейством в один прекрасный день заправила огромная толпа баб. Стоят и ждут кто с мѣшком, кто с кульком в рукѣ. Стали их разгонять мѣстные городовые — бабы не идут.

— Да что вам здѣсь надо? Чего наперли сюда, черти? — кричали на них.

— А як же отвѣчали нѣкоторые. — Мы за грошами пришли!

— За какими деньгами?

— А вот как казначейство дѣлить будут — получим: мы и мѣшки припасли!

В другом мѣстѣ в село, уже занятое казаками, явилась вереница подвод с мужиками, бабами и подростками и спрашивают:

— А гдѣ здѣсь контора, гдѣ нанимают, щоб панов бить?

Что подѣлать с такой темнотой? И как удержать на землѣ темноту, когда начинает вставать солнце — просвѣщеніе?

Много возбужденій и тревог вызывает предстоящее прославленіе Серафима Саровскаго. Особенно усиленно заговорили послѣ письма митрополита Антонія в Новом Времени. Извѣстно было, что комиссіей от Святѣйшаго Синода освидѣтель-

ствованы были останки Серафима и признаны достойными прославленія; но как это происходило, что нашла в гробу комиссія — газеты молчали. Письмо Антонія брызнуло, как масло в огонь. Он начал с того, что вслѣдствіе ходящих по городу подметным писем и угроз силой разоблачить якобы обман духовных лиц, он, Антоній, считает нужным сообщить то, о чем не говорилось до сих пор. Да, в гробу Серафима найдены лишь кости и волосы, все прочее истлѣло, но не по нетлѣнности останков судят о святости и т. д.

Кому подбрасывались эти письма, что они заключали в себѣ, ни я, и ни никто из моих знакомых не знал и не слышал до прочтенія этого письма. Много было споров и негодованій на это новое прославленіе; вспоминали императора Николая I, который запретил появленіе чудес и святых, и такое прекратилось, а вот теперь Второй Николай приказал им быть — и они стали являться снова, а потому настоящими чудотворцами являются цари.

Передѣлывают Почтамт. До сего времени, чтобы сдать или отправить какую-либо корреспонденцію, публикѣ приходилось тратить уйму времени на поиски надобной экспедиціи по разным закоулкам и переулкам. Теперь же рѣшено один из внутренних дворов многочисленных зданій Почтамта накрыть стеклянной крышей и устроить общій, грандіозный зал. На эту перестройку ассигнована значительная сумма: во главѣ дѣла стоит Ермолай Чаплин — почт-директор, недавно назначенный на этот пост из управляющих Сухопутной таможней. Ранѣе он был управляющим у свѣтлѣйшей княгини Юрьевской и нажил порядочную деньгу. Между прочим нѣкій Мохов, подрядчик, имѣвшій с ним дѣла, рассказывал мнѣ, что как-то пришел он к Чап-

лину сдать что-то по условію; Чаплин заплатил ему 70 р., а росписку потребовал на 100... Дальнѣйшихъ поясненій не требуется. Службой своей он почти не занимался, но показать все умѣл с казовой стороны и удивительно мог оказываться пріятным и любезным нужным ему людям. Так напр. по таможенному тарифу свиное мясо во всѣхъ видахъ запрещено к вывозу; между тѣмъ в таможенію прибывает на имя высокопоставленнаго лица ящикъ с вестфальской ветчиной. Помощникъ пакгауза, произведившій досмотръ вмѣстѣ с членомъ заявилъ, что хотя это и высокопоставленной особѣ, тѣмъ не менѣе он не считаетъ себя вправе нарушать законъ, обязательный для всѣхъ. Членъ, зная Чаплина, не рѣшился высказаться такъ же и пошелъ к Чаплину тотъ выслушалъ члена.

— Какое же въ дѣйствительности мясо? спросилъ онъ.

— Если вы спрашиваете меня, какъ Ермолай Николаевичъ, отвѣтилъ членъ, — то я скажу: свиное. Если же какъ г. управляющій, то докладываю вамъ, что по моему мнѣнію мясо говяжье.

— Хорошо - сь, сказалъ Чаплинъ. — Я приду и лично досмотрю с вами.

Помощникъ былъ отстраненъ, передосмотръ произведенъ, и вестфальская ветчина превратилась въ оленину. Вотъ какіе Серафимы чудотворцы бываютъ въ таможенномъ мірѣ! Почтамскіе чиновники назначеніемъ къ нимъ Чаплина очень недовольны, и причинъ этому много.

Прежній почт-директоръ Чернявскій былъ очень вѣжливый человѣкъ — этотъ же с подчиненными, да еще такими, какъ почтовые чинуши, не имѣющіе никакой протекціи за собой — Титъ Титычъ Чернявскій занималъ квартиру въ 17 комнатъ; этотъ же, какъ

только поступил, сейчас же отнял у фельдшера квартиренку и отдал ее своему кучеру; квартиру ему самому отдѣлывают в 31 комнату. Вся же семья его — он, сын да дочь. И это тогда, когда всѣ кричат о тѣснотѣ почтамта, недостаткѣ помѣщеній, о том, что чиновники задыхаются в своих конурах и т. д.

Тридцать одна комната — не шутка! Бездеромность его с подчиненными настолько велика, что напр. сравнительно крупныя лица в мірѣ почтовом — экспедитора—приходят домой со службы и вдруг видят среди гостиной огромныя сквозныя дыры в полу; мебель и др. вещи в безпорядкѣ, кучей свалены в угол. Что такое? Оказывается Ермолаю нужно было вѣшать какія-то массивныя люстры, и для этого потребовалось прорѣзать потолки и сверху, на полах, поставить огромныя желѣзные круги.

И он, даже не предупредив хозяев, прямо посылает рабочих, и тѣ идут чужія квартиры, распоряжаются с вещами, сверлят. Возмутисья вчужинѣ.

Одно из новведеній Чаплина — появленіе на службѣ в Почтамтѣ женщин.

Іюль. Газеты полны сообщеній о Саровских торжествах. Исцѣленій, говорят, десятки.

Раздаются толки, будто бы освидѣтельствованы и прославляются останки не Серафима, а кого-то другого. Утверждают, что отыскался старик и притом из таких, которому рот зажать и на котораго цикнуть неудобно, чуть ли не какой-то отставной мѣстный губернатор, помнившій хорошо могилу Серафима; этот старик заявил комиссіи, что могилу они вскрыли не ту, но заявленіе это — в силу ли запоздалости, или еще по-

чему-либо — комиссія оставила втунѣ. Тогда тот поскакалъ в Питер и заварил здѣсь кашу; будто бы рѣшено по этому поводу сдѣлать изслѣдованіе и другой могилы. Ну, а если старик прав, и Серафим найдется в другой могилѣ, тогда что? Этот вопрос теперь у всѣх на губах.

Но помимо чудес были и бѣды. Мудрено было разсчитать точно цифру могшаго привалить люда, и ошибка была сдѣлана самая опасная: цифру богомольцев взяли меньшую; на торжества явилось ли не вдвое большее число чѣм то, на которое разсчитывали. Не было ни мѣст для ночлега, ни пищи; нѣскольکو дней царил буквально голод; фунт чернаго хлѣба доходил до 25—30 и выше копѣек, тогда как обычная цѣна его — 2—2½ коп.

А в г у с т. Совершенно неожиданно ушел с поста министра финансов Витте. Ему дана почетная отставка — мѣсто предсѣдателя совѣта министров.

Газеты поют ему хвалебныя оды, по городу же циркулируют самыя разнообразныя слухи.

Вчера слышал о причинѣ почетной отставки Витте: по возвращеніи с востока, куда он ѣздил обозрѣвать свою манчжурскую дорогу, он представил государю доклад о всем найденном. Великій же князь Александр Михайлович, Куропаткин и Плеве — враги его — с неоспоримыми данными в руках насѣли в послѣднем засѣданіи на Витте и доказали, что он налгал. Витте пришлось молчать, так как на недосмотр другого свалить было нельзя. Вел. князь Александр Михайлович горячился, что у нас всѣ порты, чертъ знает, в каком видѣ, между тѣм как на них убиты миллионы. (По городу пошел каламбур, что трагическая минута на носу, а Россія без «портов»). С засѣданія великій князь,

несмотря на поздній час, проѣхал прямо во дворец и в три часа ночи Витте получил приказаніе прибыть по утру во дворец с управляющим Государственным банком — с Плеске. Плеске находился на дачѣ; ночью его разыскал курьер и передал приказ от Витте, на утро в полной формѣ явиться во дворец. Весьма удивленный всѣм этим Плеске пріѣхал в назначенное время во дворец; ни он, ни Витте не знали, что значил такой неожиданный вызов.

Витте, вошедшій первым, три четверти часа пробыл у государя, наконец позвали Плеске. Государь взволнованно ходил по кабинету; Витте сидѣл в креслѣ блѣдный и осунувшійся.

— Примите дѣла от него, сказал государь, обращаясь к Плеске: — я назначаю вас управляющим министерством финансов.

Плеске был поражен чуть что не до онѣмѣнія.

Записываю это со слов людей, которым рассказывал Плеске.

При прощаніи с министерством, Витте был как бы пришибленный, хотя и старался скрыть это. Поговорка: «два медвѣдя в одной берлогѣ не уживутся» — оправдалась; Плеве съѣл в концѣ-концов Витте. Насколько правдив не, знаю, но во всяком случаѣ очень характерен для обоих, слѣдующій рассказ, ходившій по Петербургу. Будто Плеве, послѣ обычнаго обмѣна с Витте ядовитыми шпильками, сказал ему:

— При подобном направленіи политики вашим высокопревосходительством Россія дождется революціи через каких-нибудь пять лѣтъ!

— А при вашей она дождется ея через два года, с обычной рѣзкостью возразил Витте.

Чинovníки о Витте сожальют. Говорят, будто

бы он не набил себѣ карманов на таком «карманном» посту, как сдѣлали это его предпественники. Очень может быть. Но хотя сами министры и вообще «знать» из чиновников и не берут теперь взяток — это слишком грубо — зато берут их жены. О знаменитой Матильдѣ — женѣ Витте, я слышал, года два тому назад, от жены лейб-медика Головина, Маріи Александровны, слѣдующее: как-то случилось ей зайти в Гостином дворѣ в ювелирный магазин. Почти одновременно с ней вошли двѣ каких-то дамы, и хозяин засѣменил перед ними. Дамы разсматривали, разбирали всякія вещи, наконец отобрали нѣкоторыя и стали торговаться. Ювелир запросил 800 р.

— Ну нѣт, триста, рѣшительно сказала одна из дам. — И пришлите сейчас же.

Ювелир улыбнулся и развел руками.

— Для вас — извольте-с! Немедленно же будут посланы!

Дамы ушли. Головина с недоумѣніем слушала этот разговор и обратилась к хозяину.

— Послушайте, сказала она. — Я не знаю теперь, как имѣть с вами дѣло! Вы запрашиваете 800 а отдаете за 300. Это же, Бог знает что такое!

— А знаете-с, кто эти дамы? тайнственно спросил ювелир.

— Нѣт.

— Супруга его высокопревосходительства г. Витте! многозначительно сообщил хозяин магазина.

— Да вам-то что за дѣло до Витте?

Тот усмѣхнулся.

— Вѣрьте совѣсти, что я не запросил ничего лишняго с них, сказал он. — А госпожа Витте дама нужная: биржа в их руках...

Головина поняла наконец.

Конечно, это не взятки... щенки борзые Гоголевскіе! Добавлю еще, что Матильда — еврейка и ни в дворец, и ни в какіе высокопоставленные дома ея не приглашали. Ее это выводило из себя, а вельмож, вынужденных лавировать между нежеланіем царской семьи встрѣчаться с этой госпожой и самолюбіем всесильнаго еще тогда Витте, ставило в затруднительное положеніе.

Город до сих пор полон разсказами о похощеніях великой княгини Маріи Павловны, о ея приключеніях по ресторанным кабинетам с Гитри, артистом Михайловскаго театра, результатом которых явилась стычка Гитри с великим князем Владиміром Александровичем и высылка перваго из Петербурга. Не менѣе мамыши гремѣла на весь Петербург и даже Россію и дочка ея, великая княжна Елена Владиміровна... Про сынков и толковать нечего. Всѣм памятно, как они шествовали по общей залѣ ресторана с голой французенкой, что страшно возмутило публику, и дѣло чуть не дошло до «скандала» (как будто появленіе голой в публичном мѣстѣ не есть скандал!) с как они кутили и пили по всѣм шато-кабакам и т. д.

26 Августа. Строительная горячка нѣсколько лѣтъ назад охватившая наш Богом подмоченный Петербург, продолжает свирѣпствовать. Вездѣ лѣса и лѣса; два—три года тому назад Пески представляли собой богоспасаемую тихую окраину, еще полную деревянных домиков и таких же заборов. Теперь это столица. Домики почти исчезли, на их мѣстах как грибы в одно, много в два лѣта, повыросли громадные домины; особенно быстро похорошѣла третья Рождественская. Вообще город сильно принялся охорашиваться. Четыре — пять лѣтъ тому назад торцовой мостовой были покрыты

только набережные до Троицкого моста, Невский пр., Большая Морская, Пушкинская, Караванная, Сергиевская и, частью, Миллионная. Теперь почти всѣ улицы потянулись за ними; Литейный сбросил свои бруски-граниты и одѣлся в деревянные кубики. К этим перекройкам присоединились еще и другія работы: прокладывают глиняныя трубы для новаго городского телефона, город изрыт весь точно во время осады; пѣшеходы, конки, экипажи, — все лѣпится к одной сторонѣ.

Замѣчательно и то, что иные дома стоят еще без дверей и окон, из них тянет как из погребов сыростью и холодом, а уже в газетах пестрѣют объявленія о сдачѣ квартир в них. На расхват идут!

Понемногу открывается новый дом Елисѣева, что против памятника Екатерины на Невском. Многія нарочно ѣздят на верхах конок, чтобы полюбоваться этим зданіем, предназначенным к сожалѣнію не для музея или театра, а для магазина — монстра по части выпивок и закусок. По углам этого новаго дворца высятся громадныя бронзовыя статуи: Торговля, Промышленность и, вѣроятно, Искусство и Просвѣщеніе. Первые двѣ умѣстны и понятны, а причем вторыя двѣ? Вѣроятно Елисѣев полагает, что искусство и просвѣщеніе тоже будут помѣщаться в его дворцѣ: чтож, он прав: чѣм не искусство — искусство выпить и чѣм не просвѣщеніе — знаніе чѣм закусить? Облупленный Александринскій театр, угрюмо выглядывает из-за сквера напротив в видѣ иллюстраціи к тому, что такое в наш вѣкъ искусство и что выпивка.

Кстати курьез. На Литейном вдоль Арсенала вытянут ряд старинных пушек с дулами, направленными прямо на противостоящій Окружной

Суд. Ехидные языки переиначивают и говорят, что «пушки у нас направлены на правосудіе»!

30 августа. Чиновничій мір озабочен предстоящим возникновеніем новаго министерства — Торговли. Департамент Торговли и Мануфактуры остается поэтому за штатом, и кто попадет в новое министерство и на какія мѣста — это вопрос. Утверждают, будто бы великій князь Александр Михайлович будет главой этого министерства, и очень не хотят этого; он очень тянет за собою своих офицеров, что, помимо заступанія дороги старослужащим, вводит особый дух, еще большее — чин чина — почитай — в среду чиновничества. Хорошо служить — конечно не «канцлером», т.-е. не канцлерским чиновником в этих департаментах! На службу являются к часу, походят по коридору, (в Министерствѣ Иностранных дѣл в коридорах царят французскій язык, пшютики — будущія вороны по части прозѣвыванье всяческих осложнений и кромѣ своих служебных); всѣ одѣты по послѣдней картинкѣ, с проборами на затылках; поболтают, почитают газеты, полистают дѣла и в пять часов за ними нужно гнаться с собаками. Тепленькія мѣста!

Слыхал, что уходит знаменитый Беллюстин — директор таможеннаго департамента — давно пора! Таможенный мір его ненавидит; этот господин, бывшій прежде старшим юрисконсультom министерства финансов — грубый, рѣзкій человек — явился в это вѣдомство с убѣжденіем, что всѣ таможенные — воры — это мнѣніе было высказано им Иванову, теперешнему юрисконсульту; сдѣлавшись таможенным, он и сам, значит стал вором: это он и доказал в концѣ-концов. Между прочим, года два тому назад с ним произошла «маленькая»

исторійка. Единственная его дочка вышла замуж за архитектора, который, разумеется сейчас же получил мѣсто архитектора при Д-тѣ.

Был я как-то в редакціи «Юнаго Читателя»; ко мнѣ подходит муж издательницы — Малкин, инженер, и разговорились мы с ним. Он с Гаррисоном взял подряд на миллионныя постройки пакгаузов и таможни на знаменитом Гутуевском островѣ. Все было сдѣлано ими, но в качествѣ чего-то терся при них и зять Беллюстина; пришло время получать деньги, и оказалось, что таковыя причитаются не им, а зятю Беллюстина. С этой комбинаціей однако инженеры не помирились, а обратились в департамент за разъясненіями, а оттуда к Витте. Витте, разсмотрѣвъ «дѣло», призвал их и сказал, что дѣло их возможно разобрать только судом, но что он предпочитает покончить все миром и, вмѣсто причитающихся им 72 тысяч, предлагает получит сейчас же, без проволочек — чего не было бы в случаѣ суда — 36 тысяч. Подумали, подумали тѣ... Витте человекъ сильный, Гаррисон имѣет от него много работ (одесскіе пакгаузы строил он же) — и согласились.

Зять получил другую половину. Затѣм разгорѣлась исторія с контролером: зять получил какія-то работы в таможенном вѣдомствѣ; Беллюстин — зоркій Беллюстин, слѣдящій недремлющим оком за ворами — не родственниками — утвердил их, несмотря на то, что за один и тот же план для однообразных построек были назначены солидныя суммы за каждый чертежъ особо — как за новый план.

31 августа. В городѣ открыли тайную типографію, принадлежавшую какому-то высокопоставленному лицу из министерства внутренних дѣл.

Произведены многочисленные аресты. Витте будто бы сказал государю, что не мѣшало бы обратить особенное вниманіе на это министерство, так как там творятся невозможнѣйшія дѣла, и изложил все извѣстное ему.

Это министерство дѣйствительно тепленькое и с другой стороны. Неопытные люди диву даются: чины полиціи содержаніе получают не ахти какое, а живут отлично, одѣты всегда с иголочки. Пристава — это уже полубоги; вид у них по меньшей мѣрѣ фельдмаршальскій, а апломба, красоты в жестах!.. Гоголевскія именины в день своего ангела и на Онуфрія еще во всей силѣ... Но именины еще ничего; бывает и похуже! В бытность мою в Одессѣ служил там пристав — фамилію его забыл — специалист по части изловленія всяких воров. Разгорѣлась какая-то исторія, и неожиданно из Москвы нагрянула в Одессу сыскная полиція; краденныя вещи, из-за которых разгорѣлся сыр-бор, нашлись у этого самаго лихача пристава. Конечно граф Шувалов — тогдашній градоначальник — немедленно хотѣл отдать его под суд, но... у того помимо краденых вещей отыскились и записочки бывшаго градоначальника, нынѣ почетнаго опекуна и большой шишки — Зеленаго, из которых явствовало, что Зеленый позаимствовал у «бѣднаго» (по формуляру) полицейскаго пристава, своего подчиненнаго — 30 или 40 тысяч... Разгадка этой шарady канула в Лету, так как Зеленый конечно выгородил своего, скажем деликатно, — любимца; кстати сказать, этот любимец нынѣ помощником полицеймейстера в той же Одессѣ...

Зеленый был не градоначальник, а нѣчто вродѣ неограниченнаго повелителя; о нем ходят цѣлыя легенды. Хам он притом был невѣроятный:

ругался, не стѣсняясь, на улицах во все горло, как два извозчика; между прочим знаю о нем — я его еще застал в Одессѣ — такого рода рассказец. Как-то неожиданно вздумал он ночью прогуляться пѣшком по особо вертепистым улицам. Конечно, сбоку тротуара почтительно рысил рядом с ним струхнувшій пристав; позади маршировала, как, водится, остальная братія околоточные, городовые и т. д.

«Заведенія» должны были быть в тот час всѣ закрыты; однако зоркій глаз одесскаго Гарун-аль-Рашида усмотрѣл, что двери многих трактиров только притворены, а внутри свѣтъ и шум.

— Открыты? проронил Зеленый. — Почем берешь? вдруг обратился он к приставу, думавшему уже, что пришел его послѣдній час. — Да ну, смѣлѣе!

— По сто рублей, ваше превосходительство... пролепетал пристав, пронизанный недреманным оком.

— Мало! рѣшил Зеленый. — Больше с них, мерзавцев, брать надо! и величаво прослѣдовал дальше.

Всѣ лавочки и дома в Одессѣ были в мое время — четыре года назад — обложены негласными сборами; напр., маленькая молочная, куда иногда заходил я выпить молока, платила околоточному по 3 р. в мѣсяц. Платили, потому что иначе не было бы житья, как говорили обложенные: замучили бы протоколами. Портные, переплетчики, сапожники — всѣ цехи работают даром на полицію: это уже всероссійскій закон — его же не преjdeши! По таможенному вѣдомству нѣскольکو лѣтъ тому назад было любопытное негласное распоряженіе: отнюдь не принимать на службу

лиц, служивших раньше в полиціи. Веселая нація — русскій народ!

Удивительно: в маѣ мѣсяцѣ старый Троицкій мост развели и так и забыли его у берега Петропавловской крѣпости; а между тѣм сколько жалоб и толков из-за того, что на Охту нѣтъ моста. При-слать только пару буксиров и отвести его на Ка-лашниковскую набережную и сдѣлать въѣзды — и дѣло бы с концом. Каким только мѣстом думают у нас в Думѣ? А она у нас не только именитая, но и чиновная. По случаю юбилея городской голова Ле-лянов получил, к общему недоумѣнію, чин дѣйстви-тельного статскаго совѣтника; я на его мѣстѣ стал бы отнынѣ торговать за своим прилавком в магазинѣ (у него мѣховой магазин на Морской) не иначе, как в генеральской тужуркѣ: и лестно и от публики бы отбоя не было! Одним «инаралом» больше стало у нас на Руси.

4 с е н т я б р я. Сегодня опубликовано о без-порядках, произведенных армянами в Тифлисѣ; ка-кой-то священник Тер-Араратов произнес даже анаѣему по Высочайшему адресу, замѣненному в официальных сообщеніях словом «правительству». Была пальба, убитые и раненые. Дѣло разгорѣлось по поводу отобранных у армянских церквей зе-мель.

4 с е н т я б р я. Странная зори стоят над Петербургом; словно весь говизонт объят пожаром и ало фіолетовое зарево, как дымом заливает небо. Несмотря на зажженные фѣнари, цвѣтъ неба ка-жется до поздняго вечера мутно огненным.

10 с е н т я б р я. На Невском и др. главных улицах понемногу стали убирать, по приказу по-лиціи, навѣсы над подъѣздами, выступавшіе над всѣм троттуаром и опиравшіеся на желѣзные ко-

лонки. Красоты в них было мало, зато в минуты внезапного, или очень усиливавшегося, дождя под ними спасались цѣлыя группы народа.

До каких курьезных нелѣпостей доходит у нас наша бдительная опекунша-полиція! Если извозчик везет троих сѣдоков — городовые сейчас же хватаются за свои книги судеб и записывают № бляхи, что влечет за собой истечение из извозничьяго кармана трех рублей. Между тѣм купчина-собственник на своей лошади может везти хоть кучу людей и никто не посмѣет вмѣшиваться. Другая ерунда: — по воскресным дням послѣ 5 часов вечера нигдѣ нельзя купить спичек. Мелочныя открыты, спички в них есть, а купить нельзя: воспрещено.

14 сентября. Из театральныя сфер узналъ, будто бы Савина подала в отставку. Извѣстіе сенсационное, но желательное. Эта почтенная старушка возомнила о себѣ превыше небес и положительно давила всю труппу. Я лично бывал свидѣтелем, как на репетиціях она презрительно фыркала и строила величаво-оскорбительныя фізіономіи на малѣйшія замѣчанія режиссера Гнѣдича, и он не стыдился во время перерывов плясать перед нею на задних лапках, цѣловать ручки и заискивать милостей. Газеты страшно раздували талант и игру Марьи Гавриловны, да оно и понятно: отзывы пишут по большей части люди прикосновенные к театру или в качествѣ авторов, или пріятелей их и не скупятся на похвалы нужным людям; Савина играет прекрасно, но — надо смотрѣть ее для сохраненія впечатлѣнія не болѣе раза-другого: она однообразна, она вездѣ и во всем та же слегка гнусавая Марья Гавриловна; даже грим ея почти не измѣняется.

Исторія разгорѣлась из-за «Пустоцвѣта» — драмы неизвѣстной авторши — Персіаниновой. Травлю начала Петербургская газета, напав на неизвѣстную еще никому пьесу и, кивая попутно на Савину, под давленіем которой, якобы, ставилась эта пьеса.

16 с е н т я б р я. Дирекція Императорских театров заявила, что «Пустоцвѣт» она ставит по собственной инициативѣ, а не по настоянію Савиной. Савина остается. Приходится только руками развести перед степенью неуваженія к себѣ Дирекціи. Да и то сказать — было бы за что ей уважать себя! Теляковский — нынѣшній директор, — бывший гвардейскій офицер, производящій впечатлѣніе переодѣтаго в штатскій костюм солдата, в бытность свою управляющим московскими театрами, заслужил печальную репутацію. Дѣлом завѣдывала его жена, доведшая свое безграничное нахальство до раздачи артистам ролей и вмѣшательства рѣшительно во все. Какой-то машинист театра подвергался особенно преслѣдованіям ея; тогда жена этого машиниста, доведенная до бѣлаго каленія, явилась в театр и отвѣсила Теляковскому пару оплеух. Исторія эта весьма порадовала в свое время закулисный мір Малаго театра, Теляковский же, по примѣру других битых властей получил повышение: его сдѣлали директором. Не будь умен, а будь бит! — говорит современная мудрость.

Перед Теляковским директором был князь Волконскій, еще молодой человѣкъ, декадент, и большой руки сибарит. При нем ставились и с треском уѣхали в Лету пьесы, вродѣ А. М. Федоровских, писались вызывавшія недоумѣніе декорации, убивались уймы денег на постановки базарных опер личных его друзей, вродѣ

«Ледяного дома» и т. д. Дѣлом при нем заправляли Философов и редактор «Міра Искусств» — Дягилев.

Князь извѣстен был тѣм, что свободное время проводил в созерцаніи достаточно таки дурацких барельефов, что на стѣнах Александрики (для удобнѣйшаго созерцанія у окна в его квартирѣ устроили массивныя подмостки, грозившія провалом потолку), и ушел со своего поста из-за стычки с балериной Кшесинской, особой к роду Романовых прикосновенной.

27 с е н т я б р я. Былъ на днях в Исаакіевском соборѣ со спеціальною цѣлью посмотрѣть на его знаменитость — протодіакона Малинина. Народа было много, но меня провел один завсегдатай-богомолец на клирос, и я удостоился лицезрѣть Малинина. Это здоровенный, косоглазый дѣтина, типичный представитель жеребьячей породы. Перед ним выходили на амвон и читали ектеніи басистые дьякона, но когда вышло и взревѣло это огромное чудовище — получилось что-то неистовое. Рыло у него — лицом никак нельзя назвать эту часть тѣла — все перекапывало, страшный голосина рвал ему грудь и горло, пасть разверзлась такая, что все рыло как бы исчезло в ней. Мнѣ стало неловко: словно в церковь в самый торжественный миг впустили буйвола или носорога, и он взревѣл во все хайло. Рев дѣйствительно изумительный!

Что значит вѣкъ психопаток! Не только у Фигнера и «душки» Собинова есть сотни поклонниц, но и у этого буйвола, тоже. От дам и дѣвиц ему отбоя нѣтъ. Пьет Малинин страшно и всегда бывает под шефе; состоит любимцем у царской семьи и особенно у вел. князя Владиміра Александровича,

поэтому груб и дерзок, до невозможности, как и все пользующееся фавором. Нѣсколько лѣтъ тому назад когда митрополит Антоній, сдѣлал ему замѣчаніе, тот обругал его в алтарѣ «ревельской килькой». Конечно, сейчас же раба Божьяго сослали куда-то на покаяніе, но изгнаніе его длилось недолго: в ближайшій же царскій день, в эти дни Малинин особенно отличался іерихонским многолѣтіем — вел. князь Владимір спросил, почему нѣтъ Малинина, и велѣл возвратить его. Малинин двоялся снова. Экземпляр во всяком случаѣ поразительный!

30 с е н т я б р я. Сегодня переполох в Почтамтѣ. Из Америки пришло открытое письмо на имя какого-то Короткова, Морская, д. 28, приблизительно слѣдующаго содержанія: «Плеве, фон Валь, Раабен, Крушеван и еще кто-то двое осуждены и будут убиты. Кости и кровь убійенных ими вопіет о мщеніи, не успокоимся, пока не покончим всѣх их. Наши уже поѣхали для этой цѣли, выѣзжаю завтра и я». На почтовых чиновников возложена обязанность прочитывать всѣ открытыя письма, и браннаго содержанія задерживаются. Конфисковано, разумѣется, и это и будет препровождено в сыскную полицію. Не сомнѣваюсь ни минуты, что это лишь фарс со стороны какого-нибудь русскаго американца.

Пикантная подробность. Министерство Финансов занялось развитіем Народных домов и попечительств о трезвости; народ, конечно, в этих домах спиртных напитков не пил, вѣрнѣе пил тайком принесенное с собою, и вот в концѣ-концов министерство обратилось вдруг с запросом в попечи-

тельства: «когда же наконец будут пить монополю-
ку в них?» По крайней мѣрѣ откровенно!

Много толков о Дальнем Востокаѣ: того и гляди разразится война с японцами. Как бы именно в эту сторону не пустили г.г. Плеве и к-о. народное напряженіе, взрывающееся то здѣсь, то там в видѣ безпорядков!

3 о к т я б р я. Эту недѣлю слухи очень усердно назначали разных «особ». Между прочим увѣряли, что Клейгельс получит мѣсто Кіевскаго генерал-губернатора. Слухи остались слухами, но всплыл забавный анекдот, пущенный на счет Клейгельса. Градоначальник сей, как-то у именитых русских градоначальников в обычаѣ, любит шегольнуть русскими словцами, и из сего произошло, слѣдующее. На Петербургской сторонѣ появился нѣкій хулиган, Васька Кот. Производил он дебоши и скандалы, разгромлял «заведенія», и полиція не знала, что с ним дѣлать. С рук ему все сходило потому, что этот субъект, попав в первый раз в участок, стал там орать на пристава и грозить ему, что пожалуется своему «незаконному отцу» — Клейгельсу. Всероссійскій герб-кулак перед таким аргументом бездѣйствовал, и дебоширник с каждым днем дѣлался все невозможнѣе. Пристав терпѣл, терпѣл до послѣдняго, наконец надѣл мундир и поѣхал к градоначальнику. Представляется ему и говорит: так и так, ваше превосходительство, явился доложить, что уж очень безобразничает в участкѣ Васька Кот-с...

— Что же, приняли мѣры?

— Да вѣдь это Васька Кот, Ваше Превосходительство...

— Что-ж из этого? Что вы сдѣлали?

— Кот-с это... ваше превосходительство... — совсѣм умирая от избытка почтительности и страха, пролепетал опять пристав.

Генерал разсердился.

— Кой вы мнѣ черт Кота этого все поминаете: кто он такой?

— Кот?.. Сын... Ваше превосходительство... Ваш сын..

— Мой?.. Что вы, опалѣли? Кто вам сказал?

— Они-с... Кот...

— Притащить его, мерзавца, сюда!

Кота притащили. Генерал с пѣной у рта накинулся на него,

— Как ты смѣл, сукин сын и такой и эдакій, болтать вздор, что я твой отец? А?! Кто тебѣ сказал?

— Вы-с... — развязно отвѣтил Васька.

— Я??? — генерал остолбенѣл. Когда?..

— Да в прошлом году-с... Иду я по Александровскому парку, думаю — не знаю я ни папаша, ни мамаша, и так это грустно мнѣ. Вдруг вижу, вы изволите итти с господином приставом, увидели меня, да как крикните: «пшол вон отсюда, так-то твою мать». У меня и отлегло от души. Слава те, Господи, думаю: мамаша не знаю, зато хоть папаша обнаружил себя!

Табло!!

Кстати сказать — Петербургскій Листок помѣстил портрет этого хулигана; в связи ли это прославленіе с потѣшающим город анекдотом — не знаю.

6 октября. Встрѣтил утром на Невском проспектѣ страннаго субъекта в подрясникѣ и с высоким посохом в рукѣ. Несмотря на снѣг, он шел босой и с непокрытой ничѣм головою. Лицо

широкое, пожалуй, приятное, обросшее густой большой бородой. Навел о нем справки, сказали, что это нѣкій странник Василій, путешествующій в таком видѣ в самые лютые морозы и собирающій на построеніе церквей. Говорят, что он пользуется широкой извѣстностью не только у простого народа, но и у сильных міра сего.

В царской семьѣ есть глубоко религіозные люди: это вдовствующая императрица Марія Феодоровна и молодая — Александра Феодоровна. Обѣ бывшія лютеранки... Первая перед родами великой княгини Ксеніи была очень больна, и кто-то надумил ее съѣздить на Смоленское кладбище, гдѣ похоронена «блаженная» Ксенія; народ очень чтит эту могилу и по праздникам протѣсниться к ней бывает немислимо. Туда ѣздит и возят массы больных, и вѣра в частыя исцѣленія на могилахъ крѣпко живет в Петербуржцах, не ошибусь, если скажу, всѣх слоев общества.

Государыня поѣхала на Смоленское и, помолвившись, дала обѣщаніе, если выздоровѣет, назвать, первую же дочь Ксеніей. Блаженная, вѣроятно, была очень польщена этим, и государыня выздоровѣла; вскорѣ родилась дочь, и назвали ее Ксеніей.

Молодая императрица сдѣлалась набожной послѣ страннаго случая с ней. В царской семьѣ есть обычай заѣзжать невѣстѣ перед вѣнцом в Казанскій собор и молиться там; неисполнившим это преданіе грозит безплодіем, или рожденіем только однѣх дѣвочек. Когда Александрѣ Феодоровнѣ сказали об этом, она засмѣялась и в собор не заѣхала. Презрѣніе ея к стародавнему обычаю не понравилось, и тогда же многіе стали многозначительно покачивать с неодобрительным видом го-

ловами. Угроза преданія сбылась между тѣм над императрицей во всей силѣ: у нея родятся, несмотря на всевозможных Шенков и К-о только дѣвочки. Такое странное исполненіе предрѣченнаго, говорят, сильно подѣйствовало на императрицу и круто повернуло ее в сторону православія. Старая государыня и по сіе время часто посѣщает могилу Ксеніи и молится на ней.

13 октября. Мраморный дворец в Петербургѣ заслужил репутацію передового и либеральнаго. Великій князь Константин Константинович пользуется, или, вѣрнѣе пользовался одно время, благодаря своему «красному» оттѣнку и поѣздкам по Россіи, широкой популярностью. Популярность эта, как слышно было, государю не понравилась, а казус с избраніем Максима Горькаго в академики окончательно загнал в угол великаго князя. Казус этот я слышал от поэта К. К. Случевского, гофмейстера, бывшаго тогда главным редактором Правительственнаго Вѣстника.

Разсказывал он слѣдующее: однажды вдруг по телефону вызывают его пріѣхать запросто, в чем был, в Мраморный дворец. Случевскій пріѣзжает, и вел. князь Константин Константинович с весьма довольным видом сообщает ему, что Максим Горькій только что выбран в академики (выбор этот был произведен под нѣкоторым давленіем К. К.) и просит Случевского помѣстить сообщеніе об этом в Правительственном Вѣстникѣ Пораженный Случевскій спрашивает, гдѣ он прикажет помѣстить его — в отдѣлѣ правительственных сообщеній, или же как извѣщеніе от Академіи? Вел. князь замахал руками и так как недоумѣвал, куда его сунуть, то порѣшили тиснуть его между рубриками. Случевскій (старик крайне оскорблен всѣм этим и равно-

душно не может говорить об этом избраніи), отправился домой и не желая брать на себя ответственность за помѣщеніе такого, навѣрное нежелательнаго в высших сферах сообщенія, послал в двух экземплярах копіи — министру Внутренних Дѣл Сипягину, а другую Начальнику Главнаго Управленія по дѣлам печати на разрѣшеніе.

Замѣтка была помѣщена; на другой день Случевского вызывает к себѣ Сипягин и показывает ему собственноручное письмо государя, подлинных выраженій котораго не помню, но в котором ясно сквозило глубокое недовольство происшедшим, и между прочим, стояла фраза, что М. Горькій хотя и талантливый человек, но работал еще слишком мало для того, чтобы удостоиться выбора в члены Академіи.

Случевскій передал свой разговор с великим князем. Сипягин подошел к телефону, попросил великаго князя и передал ему содержаніе письма государя. И тут Случевскій убѣдился, что великій князь струсил и.. и отстраняет вину от себя, отказываясь от выраженнаго им «настоятельнаго» желанія видѣть такую замѣтку в «Правительственном Вѣстникѣ» и сваливая все на Случевского...

Сипягин, тѣм не менѣе, передал все дѣло государю в надлежащем видѣ; Академія затѣм, под предсѣдательством того же Константина Константиновича, — как унтерская вдова, сама себя высѣкла, — исключила Горькаго из числа своих членов, и великій князь сразу же как-то притих в своем Мраморном дворцѣ.

Затѣм он перенес тяжелую, кажется, психическую болѣзнь, и ярко взошедшая было в общественном мнѣніи звѣзда его померкла в туманѣ.

16 о к т я б р я. Телеграммы сообщили, что на кав. Голицына — главноначальствующаго на Кавказѣ, произведено было «разбойниками» покушеніе. Его поранили кинжалом в голову, но не опасно; газеты подвиг этот относят на счет разбойников, общественное же мнѣніе говорит другое.

Дѣло в том, что этот старикашка держит там себя настоящим сатрапом, и в покушеніи на него склонны видѣть личную месть каких-нибудь крѣпко обиженных им людей. На Кавказѣ его очень недолюбливают.

31 о к т я б р я. Видѣлся с только что возвратившимся из-за границы Н. А. Рубакиным. Много рассказывал он о наших эмигранческих, весьма многочисленных, кружках заграницей; этого человека нельзя упрекнуть в консерватизмѣ, а между тѣм все, что передавал он об этих наших, якобы передовых людях — все сопровождалось им неизмѣнными словами — «грустно», «очень грустно», «безобразно». Вездѣ там царят сплетни, дразги, ругань, доходящая порою до драк, словом черт знает что. Занимаются главным образом болтовней, бѣганьем друг к другу и спорами.

6 н о я б р я. С утра тускло и безнадежно сѣро; на улицах грязища такая, что в мелких калошах не вездѣ перейдешь; на болѣе узких улицах, вродѣ Бассейной и др. стѣны домов почти на рост человека вышиною забрызганы грязью из под резиновых шин.

Ровно без пяти минут одиннадцать сдѣлалось вдруг необычайно темно, совершенно как ночью; всѣ, кто были дома, побросались к окнам; небо все клубилось какими-то странными тучами, похожими на дым от торфа, слегка отсвѣчивавшими

по краям; казалось вот-вот разразится гроза. Удивительное явление продолжалось минут пять, затѣм мало по малу разсвѣло и день разяснился. Впечатлѣніе было точно такое же, как во время полного солнечнаго затмѣнія. Ничего подобнаго не запомнит никто.

8 н о я б р я. На-днях в Бѣлом Островѣ задержали учительницу гимназій Оболенской и Таганцевой; таможенные чины, обходя вагоны, замѣтили, что на одной госпожѣ как-то странно оттопыривается платье; ее попросили в отдѣльную комнату, осмотрѣли и нашли на ней огромное количество «Освобожденія». Из обѣих гимназій, конечно, ее удалили, и дѣло, вѣроятно, разыграется для нея плохо. Гони природу в дверь — она войдет в окно!

Говорят, что государь и близкіе его больны той же холериной, от которой умерла в Скерневицах бѣдная дѣвочка — нѣмецкая принцесса. Есть слухи, будто бы всѣ они отравились какими-то устрицами, и будто бы такія устрицы поднесены были преднамѣренно. Передают и другую новость: вел. князь Кирилл Владимірович просил у государя разрѣшенія вступить в брак с какой-то нѣмкой, разведенной принцессой, но тот отказал ему. Вел. князь Кирилл устроил своим однополчанам-офицерам прощальную пирушку в ресторанах и укатил за границу.

11 н о я б р я. Сильный вѣтер с моря и дождь. Глухо ухают пушки, извѣщая о начинающемся наводненіи.

12 н о я б р я. Пушки палили всю ночь; гудѣніе и визг в трубах вѣтра и отдаленные частые удары пушек производят какое-то гнетущее, тяжелое впечатлѣніе. Стрѣльба продолжается (половина

девятаго утра); на дворѣ сильнѣйшая снѣговая метель: хлопья летят словно пули в направленіи почти параллельном землѣ.

В 10 ч. утра отправился посмотрѣть на Неву; конка по Невскому пр. ходит в три лошади вмѣсто обычных двух; Фонтанка выступила из берегов, Екатерининскій канал и Мойка тоже; пристани парходиков кажутся стоящими на берегах. Проѣзд между Александровским садом и Зимним дворцом залит водой; на площади против дворца цѣлое озеро. Торц, которым вымощен проѣзд кажется клавишами изуродованнаго фортепіано: вода выперла его сплошными грудями вон; Дворцовая и Адмиралтейская набережныя — сплошь под водой; деревянный Дворцовый мост вспучило, въѣзд на него перегорожен рогаткой, но въѣхать и немислимо: подъем образовался чуть не в 45 проц. Народа толпится гибель, мост и сухое мѣсто перед въездом — все пестрѣет любопытными. Нева имѣет грозный вид — вся взъерошенная, свинцовая с бѣлыми гребнями, идущихъ обратно, валов.

Оттуда, мимо Александровскаго сада направился к Исаакію; вокруг него тоже озеро и настолько глубокое, что колеса экипажей тонут по ступицу; говорят, Коломна превратилась в Венецію; про Гавань и др. мѣста и толковать нечего. У Исаакіевскаго собора встрѣтил нѣсколькихъ матросов, бѣгом волочившихъ спасательныя лодки; кучи мальчишекъ с азартомъ помогали им, в Почтамтскомъ переулкѣ попалась навстрѣчу какая-то похоронная процессія: факельщики, шествующіе обыкновенно впереди, сидѣли верхами на коняхъ, покрытыхъ черными попонами и изъ подъ длинныхъ одѣяній ихъ выглядывали полуголыя ноги в какихъ-то невозможныхъ опорахъ: остальная черная команда висѣла,

обхватив гроб в самых разнообразных позах, по бокам катафалка; лошади шлепали по водѣ, обдавая встрѣчных ливнем грязных брызг. Родственники и провожавшіе гроб пробирались по деревянным мосткам около почтамта; у иных огромные вѣнки были надѣты на шеи, многих перетаскивали вброд.

Вдобавок в историко-филологическом факультетѣ университета сильный пожар и часть за частью летят туда по этому потоку через Николаевскій мост.

На моих глазах буря сломала и повалила в Александровском саду огромное дерево.

Давно не бывало ни наводненія, ни вѣтра такой силы!

5 ч. дня. В 3 с половиной часа поѣхал к Дворцовому мосту, но вода уже сильно убyla, панели освободились и только кое-гдѣ стоящія лужи да исковерканная торцовая мостовая указывали на бывшее наводненіе. Вода подымалась выше 9 футов.

Масса щегольских экипажей катило к Невѣ, разодѣтыя в дорогіе мѣха дамы с дѣтьми, одна за другой высаживались у угла дворцовой ограды и направлялись к рѣкѣ. Вѣтер продолжал дуть со страшной силой, но направленіе его измѣнилось. Что имѣло особенно поразительный вид — это небо! Над Петербургом раскинулся вдруг яркосиній, совершенно южный купол. Жена говорила, что ей даже страшно, так оно необыкновенно.

На Невском у многих домов десятки людей работают помпами: залиты водой (из труб) всѣ подвальные этажи; торговцы в нашей части города — называю так лѣвый берег — понесли значительные убытки. А что должно дѣлаться в Гавани?

13 н о я б р я. Нева хотя и спала, но все же выше ординара и вчера поздно вечером снова стрѣляли пушки. На Адмиралтействѣ днем висѣли бѣлые и красные флаги, а вечером такіе же фонари.

Бѣднота пострадала жестоко; говорят, было нѣсколько утонувших.

По Англійскому проспекту плавали на лодках; жители Коломны, Васильевского острова и др. мѣст голодали до двух часов дня, так как выбраться из домов не было возможности. Несмотря на ледяную воду и холод многіе, не имѣя возможности добраться до домов, брели по пояс в водѣ; вездѣ, гдѣ было возможно, полиція разставила ломовых извозчиков и установила таксу за перевоз через улицу — по двѣ копѣйки с человѣка; в прошлое наводненіе эти молодцы драли за такой перевоз на углу Екатерингофскаго и Садовой по 15 коп. а дальше, в глубинѣ Коломны, по рублю и по полтора.

В день наводненія, вечером, при первой вѣсти об опасности, полиція перебудила и подняла на ноги жителей всѣх подвалов; альгвазилы так разбурсырствовались, что заставили встать подвальников и у нас на Песках, в мѣстности, гдѣ никогда не бывает наводненій. Но — отдаю дань справедливости — полиція во главѣ с Клейгельсом — действовала энергично и оказалась предусмотрительной.

17 н о я б р я. Много негодованія и толков вызывает исторія, происшедшая недавно в гимназіи Гуревича.

Один из воспитанников, кажется Бажин, учился очень плохо и был оставлен на второй — нынѣшній год.

Успѣвал он по прежнему, несмотря на старанье, неважно и, кромѣ того, подвергался постоянным нападкам со стороны нѣкоторых учителей и особенности священника. Как-то на днях поп закатил ему единицу и пожаловался еще директору. Гуревич прилетѣл в класс и разнес бѣднаго малаго. Тот вернулся домой и застрѣлился.

Тогда 8 класс возмущился и рѣшил устроить демонстрацію. По всѣм гимназіям были разосланы приглашенія прибыть на похороны и в день их, со всѣх концов города, явились толпы гимназистов. На панихиду пріѣхал Гуревич, и гимназисты выгнали его вон из церкви. Шествіе выстроилось грандіозное.

Один из очевидцев увѣрял, что позади гроба развѣвалось знамя с надписью «еще одна жертва педагогической рутины». На Литейном мосту шествіе было остановлено полиціей и отрядом казаков; приказа разойтись молодежь, конечно, не послушалась, и произошла свалка. Гроб, который несли на руках, опрокинули в грязь, в ход пошли кулаки и нагайки и — шествіе было разогнано. В числѣ избитых гимназистов называют Гарина — сына писателя; много арестованных и сильно пострадавших.

Ожидаем новое наводненіе 19 числа. В простонародьѣ упорно твердят, будто отец Іоанн Крошадскій предсказал близкое громадное наводненіе и глубоко вѣрят в истинность его.

19 н о я б р я. Сильный юго-западный вѣтер. Вода поднялась, но из берегов не выступает.

20 н о я б р я. Вода сильно прибывает. Было нѣсколько пушечных выстрѣлов.

Вчера впервые появились в городѣ небольшіе желтые автомобили развозящіе почту. Давно пора

смѣнить тощих почтовых одров, таскавших за собой телѣжки!

24 ноября. В университетѣ спокойно. Была большая сходка и по каким причинам не знаю — закончилась скандалом.

Скандал же произошел и на празднованіи юбилея В. Короленко.

Чествовавшіе его собрались у Контана и туда же явились депутаціи от учащейся молодежи с адресом.

Выходит к ним распорядитель, Михайловскій и спрашивает, что им угодно.

— «Хотим поднести адрес, разрѣшите пройти в зал».

— «Нѣтъ, это неудобно... мы там сейчас будем обѣдать... я попрошу его выйти сюда!»

Молодежь, конечно, возмутилась. Как, люди являются с адресом, хотят принять участіе в чествованіи и вдруг их принимают чуть не [в передней?

«В таком случаѣ, заявляют, мы уходим и видѣть его совсѣм не желаем!» Начался шум, пререканія; Михайловскій ушел тѣм временем в зал и явился Короленко.

На него накинулись с упреками и претензіями.

Юбиляр был смущен и заявил, что он здѣсь не хозяин, а гость и что не его надо винить за происшедшее и т. д. и т. д. Депутаціи ввалились наконец в зал, прочли адреса и вручили их юбиляру; при этом отличился «маститый» Вейнберг, позволившій себѣ вслух бухнуть «чего лѣзут эти господа куда их не просят!» и получившій тут же достодолжную отвѣдь.

Затѣмъ всѣ усѣлись наконецъ за обѣдъ, а г. г. депутатовъ пригласили в сосѣдную комнату, куда подали им чай.

27 ноября. Встрѣтилъ Н. А. Рубакина и справился, вѣрны ли слухи об исторіи на юбилей Короленько. Онъ присутствовалъ тамъ и рассказалъ слѣдующее: в залѣ была тѣснота страшная, т. к. на обѣдъ явились много болѣе чѣмъ записалось и в это время ввалились депутаціи от молодежи. Вейнбергъ, «очень генеральствующій» (выраженіе Н. А.) грубо заявилъ имъ — «станьте, станьте к сторонѣ, или уходите вонъ»; другой «генералъ» Михайловскій отпустилъ тоже что то подобное и вот тут то поднялся скандалъ. Болѣе онъ ничего не зналъ и не слышалъ.

27 ноября. Движеніе в учебных заведеніяхъ усиливается; слышалъ, что были сходки и скандалы в Лѣсномъ институтѣ, у путейцевъ и т. д. Арестованъ профессоръ университета Аничковъ, провозившій черезъ границу пресловутое «Освобожденіе», превратившееся для него в «Заключеніе». Толкуютъ о производящихся многочисленныхъ арестахъ и обыскахъ; предвѣщаются крупныя безпорядки среди студенчества и рабочихъ.

29 ноября. Выѣстъ с Аничковымъ арестована писательница Борманъ; приключеніе ихъ описываютъ слѣдующимъ образомъ: в Бѣломъ Островѣ таможенныя чиновники производили досмотръ вещей в вагонѣ, гдѣ сидѣла эта парочка и, не найдя ничего, уже собрались уходить далѣе, какъ вдругъ Аничковъ громко обращается к своей сосѣдкѣ и с облегченіемъ говоритъ по французски: «ну, кажется, на этотъ разъ мы свободны!» Чиновникъ, понимавшій французскую

рѣчь, быстро вернулся и заявил, что в таком случаѣ просит их в ревизіонный зал. Там их осмотрѣли и нашли кучу «Освобожденія».

Разсказывают — вѣроятно вздор—что какой-то студент пришел к какому-то профессору и, уходя, забыл у него на столѣ шифрованные документы; профессор, увидав их, струсил до смерти и поскакал с ним к градоначальнику; там якобы разобрали их и открылся цѣлый заговор на жизнь государя. Пахнет ахинеей, а там Бог вѣсть!

2 декабря. Стоят десятиградусные морозы при полном отсутствіи снѣга. Тянет легкій вѣтер, по улицам носится пыль, ѣздим на колесах.

6 декабря. Много толков вызывает обыск, произведенный заграницей в редакціи «Освобожденія». Как, на основаніи каких прав ухитрился добиться этого Плеве — интересный вопрос. То-то, вѣроятно, переполох произошел среди тайных корреспондентов этого новаго «Колокола»! К счастью, никаких адресов не захвачено: об этом Струве заявил в письмѣ в редакцію, кажется Франкфуртской газеты.

Либеральные кружки негодуют на Ивана Ивановича Янжула, — когда-то ярко-краснаго (в московскія времена его дѣятельности), а теперь перешедшаго под правительственный стяг. Мещерскій оказывается пророком: «лучшій способ борьбы с россійскими либералами — это производить их в дѣйствительные статскіе совѣтники!»

7 декабря. Слышал много негодованій из-за проектирующагося перехода податных инспекторов в министерство внутренних дѣл. Чуть не половина инспекторов грозит уходом со службы; думаю только, что ярые слова эти произносятся ими вездѣ, кромѣ... зданія министерства. Может быть, два три человѣка уйдут, а остальные — переведи их хоть в департамент полиціи — останутся!

8 декабря. Забавный курьез. Кто-то, фамилію забыл, — вздумал издать сборник рѣчей императора Александра III; для этого перерыл «Правительственный Вѣстник», гдѣ помѣщались онѣ в свое время, и представил в цензуру... цензура запретила. Стало быть, одно из двух: либо Александр III говорил нецензурныя рѣчи, либо онѣ таковы, что в большом количествѣ показывать их не слѣдует!

Антоновскій, переводчик Ницше, рассказывал мнѣ слѣдующій эпизодик. Нѣсколько лѣтъ тому назад издан им был «Заратустра», цензура сдѣлала массу урѣзок.

Тогда, приступая ко 2-му изданію, он всѣ эти вырѣзки вставил, представил книгу в цензуру, и типографія получила ее обратно неразрѣзанной при выпускном билетѣ. Таким образом 2-е изданіе проходит нерѣдко с вычеркнутыми раньше мѣстами: весь фортель заключается в том, чтобы типографія вогнала книгу с добавками іота в іоту в прежній размѣр, тогда гг. цензора, свѣрив формат и количество страниц, пропускают, не читая. Правнуки не повѣрят нашим рассказам о том глумленіи, которому подвергаются рукописи в этом анафемском учрежденіи!

9 декабря. Саней нѣтъ до сих пор и в поминѣ. Поразительно темныя утра: в половинѣ девятаго едва начинает брезжить слабый свѣтъ; вездѣ видны горящія лампы. Воздух полон не мглой, а чѣм-то коричневатым, словно бы густым дымом от торфа. Электрическіе фонари на улицах тупат в четверть девятаго.

13 декабря. Вчера в церкви св. Спиридонія (в Александровском саду) служил обѣдню Іоанн Кронштадскій. Народу была гибель по обыкновенію, толпа стояла и дожидалась его и на улицѣ. Во время богослуженія вдруг с хор перегнулся какой-то мужчина и изступленно крикнул: «Отец Іоанн-Господь Саваоѣ»!

Полиція добралась до него и вывела; прошло немного времени—в экстазѣ выкрикнула то же самое женщина.

Такія исторіи, говорят, происходят почти на каждом служеніи о. Іоанна. Поразительно он захватывает толпу!

20 декабря. С минуты на минуту ждем войны с японцами. Увѣряют, будто на третій день праздников объявят ее.

23 декабря. Есть свѣдѣнія, что государь в сильно угнетенном состояніи духа и послѣднія несчастія свои приписывает проклятіям армянскаго духовенства. Смерть племянницы, пріѣхавшей с отцом по приглашенію его на охоту, затѣм случай с собственной дочерью—ей дверцей кареты отхлопнули палец, и его пришлось ампутировать, болѣзнь жены — все это разом свалилось на него и подавило.

Суворин — весьма освѣдомленный старик — поет в своем „Новом Времени“ о «веснѣ», конечно, иносказательно; ходят радостныя слухи о близких

реформах, конституціи, паденіи Плева и т. д., и т. д. И в общем не вѣрится ничему... Для крупных реформ нужен и крупный характер, особенно при наличности гг. Плева и присных его! Рассказывают, что государь и вел. князь Александр Михайлович изыскивают слово, в какое переименована у нас будет конституція.

28 декабря. Клейгельс дѣйствительно назначен кѣвским и волынским генерал-губернатором. Полная неразбериха, у нас на верху: и Богу пытаются служить и чертям свѣчки ставят!

Недаром острят по городу, что теперь для карьеры надо поступать только в городовые: дальше дорога открыта!

31 декабря. Умер Василий Львович Величко, с позволенія сказать поэт, и с еще большаго позволенія — переводчик с восточных языков, которых он, не знал совершенно. Личность во всѣх отношеніях второстепенная и притом враль первой руки. Явившись однажды из Тифлиса, гдѣ он получил хлѣбное мѣстечко редактора газеты «Кавказ», на один из «литературных» обѣдов (наши литераторы теперь все обѣдают, или ужинают, или чествуют друг друга по ресторанам и, разумѣется, «литературно») и начал рассказывать.

— Вышел я. — говорит, — однажды из Тифлиса в горы; гуляю, вдруг на меня насккивают разбойники. Выхватили кинжалы: дѣньги, кричат, подавай или убьѣм!

— Друзья, — говорю я, — я бѣдный поэт, у меня нѣтъ ничего...

— Кто ты такой?

— Я Величко...

— А, Вѣлычко... Знаемъ; наших паэтов харато перэводишь. Апусти его, ребята...

Даже привычные російскіе литераторы — встрѣтили такой разсказец молчаніем и побряхтываньем. Записал все это дословно, как передавал мнѣ в свое время покойный А. К. Шеллер (Михайлов), присутствовавшій на этом обѣдѣ.

Я не раздѣляю взгляда, по которому про покойников надо говорить лишь хорошее. Надо говорить правду; иначе внуки и пра-правнуки наши кононизируют какого-нибудь такого субъекта, что всѣ святые будут в претензіи!

1904 год.

6 января. 4 января закрыли съѣзд по техническому образованію. Съѣзд собирался в зданіи университета, и что ни день, там разыгрывались инциденты. Право входа на засѣданія имѣли лишь члены; тогда, чтобы дать возможность проходить всѣм, члены перестали предъавлять свои билеты и снимали значки. Секціи, собранныя для обсужденія вопросов о коммерческом образованіи, разсуждали громоносно о вредѣ и позорности земских начальников, другія-техническія — о свободѣ печати и конституціи... Вопросы, несомнѣнно, благіе, но кончились они грандіозным скандалом и кошачьим концертом, устроенным двум каким-то участникам кишиневскаго погрома, а на другой день съѣзд был закрыт, и зданіе университета оцѣплено городовыми и околодочными надзирателями.

11 января. По тѣм же причинам закрыты и всѣ остальные сѣзды. В общем—полная путаница в представленіи петербуржцев: зачѣм собирались эти сѣзды, что они натворили, за что их закрыли—всѣ толкуют разное об этом. Относятся к происшедшему, как к какому-то весело разыгранному фарсу и интересуются только скандалами.

14 января. Каждую ночь по Николаевской дорогѣ уходят поѣзда на Дальній Восток с боевыми грузами; от гвардейских полков из каждой роты взято по 15 человек и отправляют туда же. Бумаги сильно упали в цѣнѣ; толки о войнѣ увеличиваются.

17 января. Опубликовано Высочайшее повелѣніе о разгромѣ непокорнаго и самаго дѣятельнаго и интереснаго из земств — тверского. Один вамаж пера — и нѣтъ его, другой — нѣтъ закона. Далеко зашел, однако, этот Плеве, не в цивилизованной странѣ живем мы, а словно гдѣ-то в персидской сатрапіи!

20 января. Субъекты, изгнанные со скандалом из сѣзда, оказались Степановым и Прониным. Перваго знаю хорошо по Новоселицѣ, гдѣ он работал в качествѣ подрядчика. Субъект он малограмотный, но с деньгой и убѣжденный ненавистник еврейства; завѣтнѣйшая мечта его была: «получить орден, хоть паршивенькій» и для этой цѣли он лѣз из кожи, жертвуя на разныя благотворительныя дѣла кучи денег.

Его хотѣли даже бить на сѣздѣ, но желавшаго произвести это, удержали, и Степанов под ругань, рев и свист выскочил на улицу без пубы и шапки. Как попали эти франты на сѣзд по совершенно чуждому им образованію — не могу постичь!

В результатѣ масса обысков у читавших даже невинные рефераты и много арестов; слышал, что арестован, напр., довольно извѣстный адвокат Переверзев и др. Ходит рассказ, как всегда, из «самых достовѣрных источников», будто бы государь совѣщался с министрами и спросил их мнѣніе, долго ли может продержаться настоящее положеніе вещей; Плеве отвѣтил: «сколько угодно», другіе — пять, десять лѣтъ, и только один Витте сказал: «не болѣе года, Ваше Величество».

Витте вообще пользуется расположеніем общества и даже в легендарных случаях слухи приписывают ему самую честную и прямую роль.

С Кавказа идут тоже неладныя вѣсти: готовится будто бы армянское возстаніе. Приѣзжіе из Тифлиса рассказывают, якобы главноначальствующій получил извѣщеніе, что дворец его собираются взорвать подкопом, и он вызвал сапер, и вокруг дворца вырыты слуховыя траншеи и ямы, в которых разставлены часовые.

24 января. В министерствѣ народнаго просвѣщенія скандал: министр его, Зенгер вдруг неожиданно для всѣх, сдѣлал сальтомортале и проснулся сегодня... сенатором.

Даже обычных слов в рескриптѣ, в родѣ «Всемилоствѣйше увольняем» нѣтъ, а прямо: «увольняется по прошенію». Толки самые оживленные и разнообразные, но наиболѣе упорные тѣ — что он уволен за школы тверского земства. Рассказывают, что ревизія обнаружила в них чуть ли не сплошь, анархизм, преподаватели будто бы и воспитывали дѣтей в самом революціонном духѣ и. т. д. И когда государь, призвавъ Зенгера, стал говорить ему об этом, тот слушал, выпучив глаза, так как и не подозревал ни о чем подобном. Второе, в чем тѣ же

правительственные круги обвиняют Зенгера, — юдофильство и большое процентное содержание евреев в гимназиях и университетах. Скандал, во всяком случаѣ, не заурядный: обыкновенно таких господ сдают в Государственный Совѣтъ, но никак не в Сенат. Одним сторонником республики в Россіи будет больше!

Каждую ночь на Дальній Восток идут и идут войска, артиллерія и боевые грузы. Иногда собираются цѣлыя толпы провожать их, раздается «ура», машут шапками, шлют отъѣзжающим лучшія пожеланія. Начинает просыпаться энтузіазм. И не только в военных кругах, но и в обществѣ, всюду наталкиваются на разговоры о том, что Россія срамит себя теперешней политикой и настала пора проучить этих макак. Гм... макаки-то эти не выше ли нас, авосек?

Есть слухи, будто государь в самом удрученном состояніи, плачет и твердит: «пусть будет японцам уступлено все, только чтоб не началась война».

25 января. Около часу дня, по улицам забѣгали разные оборванцы с кипами оттисков телеграмм в руках. «Объявление войны с японцами, объявление войны с Японіей», выкрикивали на каждом углу. Телеграммы раскупались нарасхват. Оказалось, что японцы отозвали из Петербурга своего посланника и вслѣдствіе этого отозван и русскій. Вездѣ сильное возбужденіе.

26 января. На биржѣ паника: бумаги опять повалились и, надо думать, понизятся еще. На улицах большое оживленіе, газетчики торгуют на славу.

27 января. Весь Петербург всполошился; пришла телеграмма, что японскія миноноски ночью

вошли в Порт-Артурскій рейд и «причинили пробоины» трем нашим броненосцам, стоявшим там. Что это за «пробоины», как могли пробраться незамѣченными, кстати сказать, не объявившіе войны, японцы, — все это загадки; телеграммы, выпущенныя днем, берутся с боя; цѣлыя толпы окружают продавцов, вырывая друг у друга листки. Читают их всѣ — извозчики, дворники... даже простонародье не жалѣет пятака и гривенника, чтоб только узнать, что творится на Дальнем Востока.

На биржѣ — новое паденіе цѣн.

Итак — война началась, и мы уже оскрамлились. Конечно, дыплат считают по осени...

Увѣряют, будто пост министра финансов снова предложен государем Витте, но тот отказался. Да, теперь нужна не такая выѣденная скорлупа, как Плеске!

Вездѣ негодуют на моряков, «проспавших» подход японцев. Так ли еще это, узнать сперва надо.

В 6-й гимназіи, говорят, между прочим, был обыск, думали найти революціонныя изданія, но только нашли... очень много табаку. Веселый обыск и пріятные результаты!

Кстати сказать, от многих лиц и в том числѣ от Л. Ф. Рогозина, знающих Плеве и совсѣм не раздѣляющих его взгляды на политику, — слышал, и притом не раз, что как человек, дома, он прекраснѣйшая и симпатичнѣйшая личность. Что за загадка послѣ этого душа человѣческая!

27 января, 11 с половиной ч. ночи. Зимній Дворец полон представляющимся офицерством. Приѣзжающіе оттуда сообщают послѣднія извѣстія: Алексѣев телеграфировал, что семь японских миноносок уничтожено; из судов только «Ретвизан»

пострадал сильно, а остальные два подвели пла-
стыри и вмѣстѣ с остальной эскадрой вышли на-
встрѣчу японцам. Теперь в эти минуты идет бой...
Нервное напряженіе в городѣ страшное, подъем
духа необыкновенный.

Этой ночью государь ѣдет в Москву для тра-
диціоннаго объявленія войны: на Николаевском
вокзалѣ стоит уже готовый императорскій поѣзд.
Говорят государь весьма удручен происшедшим,
вдовствующая государыня тоже. Рассказывают, что
из Парижа телеграмма сообщает, будто весь рейд
Порт-Артура покрыт обломками миноносков и япон-
скими тѣлами; макаки бросались на наш флот, как
бѣшеные. Завтра прочтем и проверим все.

28 января (утро). В ночь от разрыва
сердца умер Н. К. Михайловскій; умер один без
всякой помощи, так как в квартирѣ никого не
было.

Утром в «Правительственном Вѣстникѣ» по-
явился манифест о войнѣ; расхватывали номера,
платя по 30—40 коп. На углах улиц вывѣшены те-
леграммы о ходѣ военных дѣйствій; простонародье,
военные и дамы тѣснятся и жадно слушают чтеніе
их.

Вчера, площадь Зимняго Дворца была
вся запружена экипажами; гремѣло ура, сло-
вом, творилось нѣчто необычайное. В театрах
играли гимн «Боже царя храни», и публика триж-
ды требовала повторенія его. Ура не умолкало.

Москва уже пожертвовала на военные нужды
милліон рублей.

Купил листок телеграмм; японцы бомбандиро-
вали Порт-Артур и подбили еще четыре наших
судна; их же потери неизвѣстны; войска потерпѣ-
ли незначительный урон... И только. Что сей сон

значит? Толки идут самые нелѣпые — вплоть до сдачи Порт-Артура.

Говорят, что Скрыдлов поведет на Восток свою черноморскую эскадру, а Куропаткин примет главное начальство над сухопутной арміей. Что же тогда останется дѣлать намѣстнику Алексѣеву? Почему молчат его телеграммы о японских потерях в судах?

Вечер. В 3 часа дня произведены в мичмана гардемарины; также произведены в офицеры старшіе курсы морского инженернаго и Павловскаго училищ. Военскій начальник и Главный Штаб осаждаются офицерами и нижними чинами запаса, желающими итти на войну. Огромному большинству отказывают. Произведенная неожиданно молодежь в неистовом восторгѣ, но на улицах свѣженьких офицеров не видно: ни у кого не оказалось готоваго обмундированія. В телеграммах есть сообщеніе, что японцы отбиты от Порт-Артура, и что у них погиб один крейсер. Только одна «Петербургская Газета» выпустила прибавленія, под громкими названіями: «Побѣда. Разгром японскаго флота» и т. д. и там сказано, будто бы нашими потоплено три крейсера, а всего судов у японцев уничтожено 12; при этом исчислялось даже подробно количество убитых и раненых врагов. Перед телеграммами крупными буквами была набрана дико кликушествовавшая статья о «желтолицых и рыжеволосых» врагах, о мощи Россіи, — словом, так и виднѣлись из строк пьяные глаза и засученные кулаки савраса, вызывающаго «удариться» с ним весь мір. Номера эти расхватывались по полтиннику и нѣсколько поднимали дух в публикѣ; многіе, — да так и слѣдует, — им не вѣрят, но слышал толки, будто бы наборщик «Правительственнаго Вѣстни-

ка», имѣющаго монополію на первое напечатаніе телеграммъ с Востока, тайно продалъ текстъ «той телеграммы «Петербургской газетѣ». Дай Бог, нашему теляти волка съѣсть!

Среди моряковъ толкуютъ, будто бы султану заплачена крупная сумма денегъ за пропускъ черноморской эскадры, но будетъ сдѣланъ видъ, что русскіе суда форсируютъ проходъ и пройдутъ подъ огнемъ, конечно безвреднымъ, береговыхъ батарей на помощь Тихоокеанцамъ. В штабѣ дѣятельно готовятся къ войнѣ на три фронта; войска тянутся къ Афганистану въ видѣ угрозы Англіи. Сколько ни приходилось сталкиваться и говорить съ выдающимися сухопутными военными и моряками — всѣ жаждутъ войны и болѣе всего — с Англіей, и общій хоръ военныхъ и штатскихъ боится не Англіи, не коалицій, а русскихъ дипломатовъ. Это все такая патентованная, выложенная бездарность, такая ходячая трусость, что безъ возмущенія ни одинъ русскій человѣкъ не можетъ говорить объ этихъ гг.

29 января. Алексѣевъ молчитъ. 7 нашихъ броненосныхъ судовъ выбыло изъ строя, около 70 убитыхъ и раненыхъ — въ этомъ и всѣ наши свѣдѣнія.

Вчерашнее сообщеніе «Петербургской Газеты» нигдѣ не подтверждается: все, стало быть, выдумка.

Кстати, сегодня ея у разносчиковъ нѣтъ: запретили въ розничной продажѣ за вчерашній номеръ на двѣ недѣли.

В городѣ недоумѣніе; удивительный барометръ публика: малѣйшій пустякъ выводитъ ее изъ равновѣсія и лишаетъ возможности думать и соображать что-либо. Предположимъ даже, что насъ разгромили въ Порт-Артурѣ — Корея и Манчжурія велики, есть еще гдѣ встрѣтиться и помѣряться силами!

В почтамтѣ была сегодня телеграмма из Лондона, будто бы русскій броненосец потоплен японцами, а два транспорта захвачены в плѣн с 2000 наших войск. Чего ради молчит «Правительственный Вѣстник»? Лучше знать самую скверную правду, чѣм слушать и вѣрить — как дѣлает публика — в десять раз преувеличенному вранью, о чем бы то ни было!

Кстати интересная подробность: японскій посланник перед выѣздом из Петербурга уплатил по предъявленному ему нашим телеграфом счету за тринадцать послѣдних дней — десять тысяч рублей.

Петербург щегольнул: пожертвовал полтора милліона на войну; со всѣх сторон начинают стекаться пожертвованія; газеты полны сообщеніями о них.

30 января. В нѣмецких газетах есть телеграммы, что два русских крейсера — Варяг и Кореец сдались без боя японцам в Чемульпо.

По городу расклеены объявленія о потерях японцев при Порт-Артурѣ, причем о потопленіи их крейсера нѣтъ ни слова; в концѣ публика извѣщается: «в виду распространившихся в городѣ разных неблагопріятных слухов из неблагонадежных иностранных источников, что подтвержденія их не имѣется».

Вчера около 8 ч. вечера по Невскому шли двѣ роты стрѣлков, отправлявшихся на Дальній Восток. Гигантская толпа залила всю ширину улицы, солдаты шли в перемежку со всяким людом, давка чрезвычайная. Гремѣло ура, в воздух летѣли шапки.

Как, однако, всколыхнулась Россія!

Иностранныя газеты сильно (и по-дѣлам) нападают на Алексѣева, называют его бездарностью и т. д. Номера с этими статьями и телеграммами задержаны. Биржа вчера немного окрѣпла, что-то произойдет сегодня? Слышал, что вчера от государя была телеграмма Алексѣеву с требованіем немедленных донесеній о подробностях боя у Порт-Артура.

Вечер. Около 8 ч. вечера по городу начались манифестаціи. Толпы студентов и штатских попеременно с дамами и національными флагами в руках направились к Зимнему дворцу, оттуда по Невскому к Аничкову с пѣніем «Боже царя храни» и «Коль славен». Тысячеголосое ура и пѣніе гимнов у дворцов вызвали к окнам нѣсколько фигур придворных.

Около 11 часов вмѣшалась полиція и стала разгонять наиболѣе неугомонных, причем нѣкоторым пламя патріотизма пришлось погасить в участкѣ; разгоняли кулаками и ножами «селедок»; кое кому долго придется попомнить начало японско-русской войны!

31 января. Нашею же миною взорван наш минный транспорт «Енисей». Что и говорить, на славу начали войну! Слухов в городѣ — не обобратся.

Рядом с проснувшимся патріотизмом приходится наталкиваться и на другія рѣчи: на желаніе, чтобы японцы поколотили нас — для нашей же пользы. Говорят, что если мы побьем, то близкое уже «освобожденіе» Россіи отодвинется опять вдаль, зазнаемся, все пойдет еще хуже, чѣм шло. Скорбят, что всѣ другіе интересы поглощены войной, и народное движеніе, так разросставшееся

вездѣ, ринулось в новое русло. Я лично желаю, чтобы прежде всего не легло срама на Русь. Что дѣлать? Пусть реформы отодвинутся на нѣсколько лѣтъ, жаль, но раз заварилась каша — надо выходить из нея с честью!

Сильное возмущеніе в ультра-либеральных кружках произвела всеподданнѣйшая телеграмма со всякими вѣрноподданическими чувствами от тверского, на-днях так посрамленного правительством, земства.

Вчерашнія демонстраціи происходили, оказывается, и около французскаго и англійскаго посольств. Союзникам, конечно, орали ура, пѣли гимны, а англичанам устроили кошачій концерт. Тут-то, рассказывают участники, полиція и попросила их «честью» разойтись по домам. В общем же полиція теперь стушевалась почти совершенно.

Похоронили Михайловскаго.

Многотысячная толпа заливала всю площадь; в Преображенскій собор нельзя было и противиться. К изумленію и вѣкоторому волненію публики, вдруг из одного из дворов появился жандармскій отряд и направился к собору. К счастью, опричина сія, переговорив с распорядителями, и получив, вѣроятно, от них завѣренія, что безпорядков не будет, удалась: быть бы скандалу иначе!

Гроб понесли на руках; на самом видном мѣстѣ катафалка для вѣнков, наверху, висѣлъ вѣнок с надписью: «от находящихся в домѣ предварительнаго заключенія».

Когда процессія двинулась — навстрѣчу ей с Литейнаго донеслось «ура» — шли манифестанты-правительственники.

Разговоров велось гибель в толпѣ, увы, главным образом о войнѣ, о студентах «бѣлоподкла-

дочниках», громко именующих свой кружок «Денницею» (передѣланный их врагами сторонниками стачек — в денник, т.-е. конюшню) и организующих всё эти гимны на улицах. Арабажин напр. и др. убѣждены (предлагали даже пари), что Японія побьет нас, так как наша Манчжурская дорога никуда не годна и может провезти в сутки не больше 2000 чел. Вообще очень многие настроены весьма пессимистически и говорят, что как бы ни закончился національный вопрос, — народный страшно пострадает. Предвѣщают голод и всякіе ужасы в родѣ вмѣшательства Англіи, полного обнищанія и т. д., и т. д. Страшен чорт, да милостив Бог!

Вечер. «Варяг» и «Кореец» погибли геройски, обороняясь от цѣлой эскадры. «Кореец» затонул сам, а «Варяг» взорвал себя в послѣднюю минуту на воздух; крохотная Владивостокская эскадра прорвалась в море и разгромила японскій город Хакодате. Честь и слава молодцам!

Бѣжал домой и разговорился с извозчиком.

— Вот, — говорит, — барин, хозяин у меня четыре запряжки имѣет, деньги, все у него есть, а в добровольцы ушел. Не могу утерпѣть, говорит. Жена, теща плачут, куды, говорят, идешь, зачѣм ты? Не могу, говорит, утерпѣть и кончено!

— Ну а ты как, — спрашиваю, — думаешь: кто кого — мы японцев побьем или они нас?

Ванька даже плюнул.

— Вот экакеньких-то да не одолѣть? — он показал рукою на аршин от земли. — Одолѣем. Мы смирно сидѣли, терпѣли, ну а теперь шабаш: теперь разворочались!

— Ну, а если все-таки побьют?

— Голову то есть себѣ об панель тогда распибу!

Разказал затѣм, хохоча всей утробой, что видѣл на-днях такую сценку. Шел китаец, а какой-то мальчишка лѣтъ 13 подскочил к нему и кричит (шли манифестанты) «долой шапку!» Китаец растерялся, глядит на него, а тот «кээк даст ему в ухо, китаец и брык с ног, да бѣжать потом. Смѣху, смѣху кругом что было!».

Привожу это как иллюстрацію к творящемуся теперь.

На Невском толпы хватали моряков и с криками «ура» качали их; досталось таки и новоиспеченным мичманам. Павловское училище, как оказалось, еще только страстно ждет производства.

1 февраля. Ни градоначальника, ни министра народнаго просвѣщенія в Питерѣ еще нѣтъ; Унтербергер, про назначеніе котораго так упорно и убѣдительно возвѣщали, по слухам отказался, отказались и другіе. Да теперь и не интересуется никто ими.

По городу звенят бубенцы, наѣхали обычные масляничные вейки на своих коньках. Конечно, среди них много переодѣтых русских, тѣм не менѣе работают на славу.

4 февраля. В берлинских газетах есть телеграммы из Лондона и Парижа, будто наша Владивостокская эскадра наскочила гдѣ-то на японскія мины, и три крейсера погибли. Что-то скверно пока идут дѣла у нас на Востокѣ! Отовсюду сыплются пожертвованія... то-то начнутся теперь кражи казны и этих денег! Великосвѣтскія дамы тоже занялись теперь в Аничковом дворцѣ «работами» для раненых: пьют чай и трещат, как сороки. Таковы по крайней мѣрѣ рассказы свѣдущих лиц.

Бѣлье же, т.-е. настоящая работа, сдано бѣдным мастерицам, прямо по возмутительной цѣнѣ (тоже, благотворители!..) — кальсоны по 11 коп. и халаты по 15 коп. со штуки, за работу. С раненых, дескать, должны дешевле брать!

5 февраля. Вранье в городѣ идет неимо-
вѣрное: сегодня дошли до того, что увѣряли даже, будто взят Порт-Артур. Англійскія газеты тоже принесли новость в этом родѣ: «московскіе бояре возмутились и взяли и разрушили Кремль и много церквей». Дальше этой новости уже не пойдешь, а потому с сегодняшняго дня перестаю записывать всякія вѣсти о войнѣ. «Слишком много вранья!» — должен был бы сказать современный Калхас.

6 февраля. Разговаривал с одним из моряков, участвовавших в поисках (и отыскавшаго) погибшаго нѣсколько лѣтъ тому назад от собственной ветхости броненосца «Русалку».

В городѣ тогда же ходили рассказы, что не подняли ея только оттого, что пришлось бы отдать под суд все высшее морское начальство, до того корпус судна был ветх и так мошеннически был он построен. Моряк подтвердил все дословно; по той же причинѣ погиб в свое время и «Гангут»; моряк этот штурман торговаго флота, человек заслуживающій безусловнаго довѣрія, утверждает, что ремонты этих судов, хорошо извѣстных ему, производились на бумагѣ, на дѣлѣ же их только перекрашивали снаружи. На «Гангутѣ» вѣчно работали машины, выкачивая воду, просачивавшуюся во всѣ пазы. В точно таком же состояніи, говорят, находится и прочая береговая оборона наша, в родѣ разных «Адмиралов» и «Не тронь меня». Последнее имячко занятное: «не тронь меня, сам развалюсь», так переименовывают его моряки.

В нѣкоторых учрежденіях, гдѣ собирали подписку об отчисленіи процент. из жалованья на войну, между прочим и в портовой таможенѣ, произошли при этом скандалы: нѣсколько поляков отказались подписаться на том основаніи, что «не желают помогать Россіи, притѣсняющей их». Нѣчто подобное произошло и в институтѣ гражданских инженеров.

В университетѣ на днях случилось побоище: студенты избили нѣскольких студентов же за протест против манифестацій; драка была такая, что бойцы разошлись в разодранных мундирах, с воротничками перевернутыми назад, или же совсѣм без них. Убѣдительное приведеніе к соглашенію, что и говорить!

Смѣшные и нелѣпые слухи ходят среди нашего мѣщанства. Как примѣр, привожу тот, что удалось мнѣ слышать.

Великій князь Алексѣй, моряк, подарил своей любовницѣ Балетта — французской актрисѣ (Михайловскаго театра) маленькую серебряную модель корабля с брилліантовыми гвоздиками. И вот в каком видѣ перешло это «событіе» в народ; передается притом все эго с неудовольствіем, с покачиваніями голов, охами, но, разумѣется, тихо: «чего уж добра ждать; сколько денег зря губится! Алексѣй-то Лексаныч любовницѣ своей, французинкѣ, серебряный карапъ подарил, да цѣлые дни с ней по морю на нем и катается!»

8 февраля. На улицах гремятъ и звенят бубенцы: их слышно даже через двойныя рамы. Народа снует гибель, справляют послѣдній день масляницы.

Относительно причин воспрещенія розничной продажи «Петербургской Гезеты» слышал еще версію: хлопнули ее по карману будто бы за статью,

гдѣ корили наших порт-артурских моряков за то, что «позорно проспали» подход японцев.

Пишу эти строки, а с Суворовскаго проспекта доносится пьяное «ура». «Ндравам» теперь в отношеніи дранья глоток не препятствуется!

На Инженерной ул. у дома Краснаго Креста безсмѣнно дежурят цѣлыя толпы студентов, женщин и мужчин всѣх сословій; предложеній так много, что попадают в ряды сестер и братьев милосердія один из десяти и даже двадцати человѣкъ. Пожертвованія льются щедрой рукой.

10 февраля. Пущен нелѣпый слух, будто бы Алексѣев отравился.

Закрѣты высшіе женскіе курсы. Начальство, без вѣдома слушательниц, представило вѣрноподданнѣйшій адрес от их имени с изъясненіем разных чувств; курсистки, узнавъ об этом, вознегодовали — и справедливо — и устроили весьма бурную сходку. Результат — закрытіе курсов. Да, трудно теперь разобратъся, гдѣ истинно «вѣрноподданнѣйшія» чувства, а гдѣ вынужденное присоединеніе к изъясненію таковых! Достаточно какому-нибудь фѣрту в собраніи предложить такое подношеніе, то, если бы всѣ остальные присутствующіе не одобряли — вынуждены были бы «поднести», чтоб не подвергнуться в свою очередь поднесенію какого-нибудь сюрприза в родѣ высылки, отсидки и т. д.

Телеграмма от Алексѣева принесла вѣсть о потопленіи нами четырех японских торговых пароходов и об отбитіи новой атаки миноносцев. Все-таки, что-то вродѣ успѣха; на безрыбьи и рак рыба! По слухам, дѣла наши не важны и руссійское ротоустройство сказалося во-всю: мало войск на Востоке, а наша драгоцѣнная, стоявшая милліард Манчжур-

ская дорога болѣе 2000 человекъ в сутки не может пропустить.

12 февраля. Назначен новый градоначальник, генерал Фуллон из Варшавы.

13 февраля. По рукам ходит забавная пародія на манифест о войнѣ, начинающаяся таким образом: «мы, Божіею милостью и т. д... царь Ходынский и Кишиневскій, Полтавскій и Харьковскій, царь Эриванскій и т. д. — перечислены всѣ мѣста, гдѣ бывали безпорядки, закончившіеся сѣкуціями.

Экземпляры литографированы и внизу имѣют подпись: «печатать разрѣшается. Министр вн. дѣл фон-Плеве».

15 февраля. Отправляется на войну великій князь Кирилл Владимірович. Что, спрашивается, сей герой будет там дѣлать? Конечно, в первую голову получит Георгія. Люди будут драться, а такіе господа награды получают. Опять сложит армія пѣсенку в родѣ той, которую принесла с войны 1877 года:

Оказались в этом боѣ
Всего только два иря —
Их Высочества,
Их Высочества!

17 февраля. Умер Ванновскій, бывшій военный министр и министр народнаго просвѣщенія.

В народѣ толкуют, будто бы о. Іоанн Кронштадскій «благословил на 25-лѣтнюю войну», т. е. говоря иначе предсказал, что она протянется 25 лѣт.

Компетентен ли в этом дѣлѣ о. Іоанн, не знаю, а что вся Европа вооружается, минируют свои гавани даже такія государства, как Голландія и Швеція, и всѣ вот-вот кинутся друг на друга, как псы по первому «втю» — это вѣрно!

18 февраля. Университет отъѣлен двойным рядом городских; входы в него заперты. Вокруг зданія толпа студентов и штатских. Что происходит — еще не знаю, говорят, устроена грандіозная сходка.

Сегодня получил первый № «Листка Освобожденія», новаго приложенія, выпускаемаго теперь Струве по случаю войны. Прочитал его и задумался: трудна задача будущаго историка! Как разберется он в грудѣ противорѣчій и сплошнаго вранья? Говорю это вот почему: в этом № имѣется замѣтка «казенный патріотизм и учащаяся молодежь», гдѣ значится: «патріотическія манифестаціи состояли из 3 элементов — полицейская провокація, хулиганство и баранство», ниже опять: «патріотическія манифестаціи производили главным образом гимназисты и неопредѣленнаго званія люди».

Я лично и десятки знакомых моих перевидали разныя манифестаціи: их устраивало все живое, находившееся в тѣ моменты и в тѣх пунктах. Это было что-то стихійное, пробиравшее до самой глубины костей; «толп гимназистов» я не видал, — мальчишки вездѣ и всегда сопровождают процессіи, — а видѣл взрослых людей, почтенных отцов семейств, молодежь — и студентов, и барышень, и дам разряженных, и бѣдноту — всѣ, шли в эти процессіи, охваченные энтузіазмом. »Наемным» путем чувств ни у зрителей ни у толпы вызвать нельзя, и тот, кто был в эти дни в Петербургѣ, никогда не забудет их. Достаточно было крикнуть одному «ура» — и все приходило в возбужденіе, всѣ становились участниками манифестацій.

21 февраля. Со всѣх сторон сообщают о бѣгствах подростков, начиная с 10—11 лѣтнаго возраста на Дальній Восток, на войну с японцами. Из

гимназій и др. учебных заведеній и от родителей до сих пор, говорят, подано в сыскную полицію до полутора ста заявленій об исчезновеніях юных воинов; на вокзалах кассеры теперь билетов дѣтям не продают и таковых задерживают.

23 февраля. В университетѣ что-то не все еще ладно. Увѣряют, что среди студентов и курсисток отыскался кружок лиц, рѣшивших выразить свое сочувствіе микадо и японцам посылкой ему привѣтственной телеграммы и сбором денег в его пользу. Телеграмма эта — передают дальше — была подана на телеграфъ, но конечно доставлена совсѣм другому микадо: градоначальнику, а тот поспешил с нею к государю. Всему этому, зная мудрых наших будущих людей, еще можно повѣрить; несомнѣнно они знали, куда и кому попадет их телеграмма вмѣсто Японіи и подали ее нарочно с этой цѣлью. Но дальнѣйшее пахнет выдумкой; просмотрѣвъ, смѣхотворный в сущности документ, государь заявил: «ничего не имѣю против депеши и сбора денег со стороны этих гг., только пусть они то и другое отправятся лично вручить микадо».

26 февраля. Со всѣх сторон передают, что запрещено селиться на лѣто под Ораніенбаумом, в Теріоках, Сестрорѣцкѣ, Куоккалѣ и т. п. прибрежных мѣстах. В Теріоках возводится укрѣпленіе; в Выборгѣ усиливается гарнизон. От коммисіонеров слышал, что в Кронштадтѣ чуть ли не паника: с 1 марта он объявляется на военном положеніи, и жители готовятся к выѣзду и распродают за безцѣнок вещи. Ожидается война с Англіей.

По улицам бѣгают мальчишки с листками в руках и выкрикивают: «новое чудо святителя Николая на Востокѣ, цѣна пять коп.»

29 февраля. Сегодня в газетах появилось опроверженіе слухов о воспрещеніи селиться в названных выше мѣстностях на дачах; сообщеніе это как-то неувѣренно набрано петитом и почти незамѣтно. Тѣм не менѣе, толки об этом запрещеніи не прекращаются, а усиливаются.

Умирает послѣдній могикан плеяды старых поэтов, К. К. Случевскій; у старика рак, и положеніе его безнадежно.

Старик был оригинальный человек и притом почти ослѣпшій за послѣдніе годы; страстно любил свой «Уголок» — дачу в Гунгербургѣ. «У меня есть вещи, которыя не умрут-с!» говаривал он иногда в минуты раздраженія, ударяя себя кулаком в широкую грудь. Случалось это в такія минуты, когда заговаривали о новых россійских академиках и россійском Пеліонѣ — Академіи, так обидно бывшей о старикѣ.

По пятницам у Случевского собирались поэты. Всякій, кто состряпал на своем вѣку, какую бы то ни было, книжонку с виршами, имѣл право идти в пятницу к К. К.: двери были открыты для всѣх и каждого. Убѣжденія в расчет не брались, но правда, из числа «пятничных» гостей по другим дням почти никого не принимали. Таскалась к нему вся поэтическая братія, рассчитывавшая, главным образом, как-нибудь и куда-нибудь пролѣзть при помощи К. К., гофмейстера и человека вліятельнаго. Бывал там и рыжекудрый Аполлон Аполлонович Коринфскій, мало, увы, похожій на своего тезку; Коринфскій был помощником К. К. в редакціи «Правительственнаго Вѣстника» и, не ограничиваясь

устной хвалой патрону, произвел на свѣтъ книжицу: «Поэзія К. К. Случевского» и уж не помню теперь, в этой ли книжицѣ, в стихах ли своих заявил с пафосом, что Россія должна гордиться поэзіей Случевского. Плохо думает о Россіи г. Коринфскій! У Россіи есть чѣм погордиться и помимо посредственныхъ, а за послѣдніе года, когда старик взбрыкнул за Москвой и ударился в декаденство, и прямо плохих стишков.

Пятничные гости эти острили, говорили «экспромпты», сочинявшіеся вѣроятно с субботы и так им эти остроты нравились, что вздумали познакомиться с ними и публику и стали издавать свой журнал—юмористическій. Пятничныя вдохновенія эти были оцѣнены публикой по достоинству, и послѣ нѣскольких № журнал скончался.

Все это происходило нѣсколько лѣтъ тому назад; что представляли пятницы послѣдняго времени — не знаю, имѣю однако данныя полагать, что к лучшему не измѣнялись. Окончательно прекратились онѣ лишь на этих днях.

4 марта. Вчера бесѣдовал с санозниками медицинскаго міра и полюбопытствовал узнать — что значил сей сон — отправка почти сплошь одних евреев врачей в дѣйствующую армію. Оказывается, как «неблагонадежный» элемент, на случай мобилизаціи они были зачислены в самый отдаленный и, как предполагалось недавно, не угрожаемый войной округ. Нежданно-негаданно все перевернулось, и евреи пошли в первые ряды. Правы заграничные остряки, выпустившіе теперь открытыя письма, на которых изображен отдыхающій Саваоѳ. К нему является архангел и сообщает, что на землѣ неблагополучно: война. Саваоѳ ма-

хает рукою и отвѣчает: «пускай себѣ дерутся: сами помирятся!».

Да русскіе это с японцами воюют, Ваше Божество!

— Русскіе? Давай когда так кушак и шапку: эти без меня не обойдутся!

Со всѣх сторон доводится слышать глухіе толки о безпорядках и сопротивленіях властям на Руси. Гдѣ происходили они, как — никто объяснить не может. В Царствѣ Польском, передавали, были даже отказы солдат идти на войну и т. д.

Отмѣчаю вновь проснувшееся во всѣх ожидаіе чего-то изнутри Россіи; к войнѣ публика уже нѣсколько поохладѣла; листки с телеграммами куда меньше стали находить покупателей и теперь газетчики напрашиваются к равнодушно идущим мимо прохожим. Первая, острая стадія миновала... Что-то будет, когда всѣ пресытятся и устанут от войны?..

5 марта. Читал сегодня письмо моряка-офицера Сергѣя Дмитріевича Бодиско из Порт-Артура, описывающее кутерьму, происшедшую там от неожиданной атаки японцев; все это извѣстно по газетам, поэтому повторять не буду.

Слух, что взорвалось второе русское судно — письмо подтвердило: только погиб не «Баян», как говорили, а «Боярин», дважды напоротившійся на собственные мины. Газеты и правительственныя сообщенія молчат об этом — шило в мѣшок прячут!

6 марта. Вчера нечером и сегодня в разных мѣстах слышал, будто повѣшен нѣкій интендант Ивков, продавшій Японіи план расположенія на театрѣ войны продовольственных пунктов.

15 марта. В двух книжных складах сообщили мнѣ, что Н. А. Рубакину предложено на вы-

бор: или переселеніе в Восточную Сибирь, или же за границу навсегда. За что свалилась на него эта напасть — никто и сам он не знает. Вѣроятно за январскій съѣзд, гдѣ, хотя он и держал себя сравнительно скромно, но тѣм не менѣе попал под всевидящее око... У. Н. А. сильнѣйшая астма; «заграницу» и тамошних соотечественников он не особенно долюбивает; тяжело ему придется там! В послѣдній раз я его видѣлъ вскорѣ послѣ закрытія съѣзда и обиска у него; он принял меня в постели. Н. А. был поражен тѣм, что полиція, заставшая его в минуту приступа астмы, в виду болѣзни его не приступила к осмотру квартиры, и пристав, запросив по телефону начальство, извинился за безпокойство и ушел со своей командой, отложив обыск, чтобы не беспокоить больного.

19 марта. Около 8 ч. вечера выйдя на улицу, увидал на бозоблачном небѣ не то тучу, не то столб дыма; дошел до Невского — на каланчѣ мерцают три фонаря и над ними один красный, значит гдѣ-то пожар и сильный. Горѣло, как оказалось, внутри Апраксина двора; за Екатерининским сквером стояло над домами словно громадное сѣверное сіяніе: выдѣлялись языки огня и летѣвшія высоко вверх искры. Садовую улицу запруживали извозчичьи пролетки; со всѣх концов лились на пожар черныя рѣки людей и экипажей. Зданіе Государственнаго Банка стояло освѣщенное, как днем; мимо него никого не пропускали; сквозь рѣшетку Пажевского Корпуса видно было, как в концѣ переулка, ближе к Фонтанкѣ, у Министерства Народнаго Просвѣщенія бушевало пламя. Едва удалось протискаться к Екатерининскому каналу и мимо банка пройти на Гороховую и, оттуда на Фонтанку. Взлетавшія на необычайную высоту искры подолгу

мерцали на небѣ и падали на панель канала — разстояніе от мѣста пожара огромное. Тѣснота была такая, что вереницы экипажей подвигались шагом; в толпѣ слышались разговоры, что горит склад резиновых и целлулоидовых издѣлій «Проводник», и будто есть человѣческія жертвы; иные увѣряли, что погибло сто человѣкъ. Освѣщенная красным отблеском огня Фонтанка представляла необычайное зрѣлище. На болѣе темном правом берегу ея видѣлся ряд паровых машин, накачивавших воду; паровики реготали, выбрасывали клубы дыма и сыпали искры; кругом суетились, посвѣчивая мѣдными шлемами, пожарные; проносились во весь опор, гремя и звеня, бочки с водой, а из-за зданій Министерств вставало и крутилось море огня.

20 марта. Сегодня газеты насчитывают 12 жертв вчерашняго пожара, но пока не разыскано еще много приказчиков сгорѣвших складов — Ключкова и «Проводник». Пожар длился всю ночь; дежурная часть тушила его еще утром. Вчера и сегодня в пожарном отношеніи какіе-то фатальные дни; иду нынче по улицѣ Гоголя и вижу, что в домѣ на углу Гороховой выбиты во втором этажѣ стекла; читаю закопченную и скорчившуюся с одного края вывѣску: «редакція газеты Знамя». Вчера оказывается вспыхнул в ней пожар и уничтожил ее, хотя к сожалѣнію, кажется, только от части.

Иду дальше — в Кирпичном переулкѣ пожарные и толпы людей: горит гдѣ-то во дворѣ. Сѣл в омнибус, ѣду по Невскому — у Аничкаго моста встрѣчаю летѣвшую на новый пожар команду; лошади, видимо, не были еще отпряжены с вечера и носили слѣды мыла; люди выглядѣли утомленны-

ми — приходилось поспѣвать с пожара на пожар, не отдыхая.

Что это, однако, за праздники Краснаго Пѣтуха настали?? Куда бы ни шел — вездѣ слышишь трубные сигналы пожарных и видишь их мчащияся по улицам во весь опор?

21 марта. Упорно повторяют, будто Гершуни и др. повѣшены, между тѣм из достовѣрных источников знаю, что они помилованы. Висѣлица замѣнена Гершуни пожизненным одиночным заключеніем... чорт возьми, висѣлица много гуманнѣе! На судѣ, говорят, разыгрался инцидент, произведшій сильнѣйшее впечатлѣніе. Защитник одного из обвиненных, офицера Григорьева, — Мусин-Пушкин построил свою защиту на громоздком обвиненіи Гершуни. «Эти люди», говорил он, указывая на Гершуни, «отбирают у таких, как Григорьев, портреты и разные письменныя свидѣтельства, чтобы они не могли уйти от них и, пожав лавры себѣ, заставляют потом итти на смерть»... и т. д., и т. д.

Когда он кончил, поднялся Гершуни и спокойно, но выразительно сказал слѣдующее: «Исторія не сохранила нам ни того, что говорили судьи, приговорившіе Гуса к сожженію, ни кто они были. Но в памяти людей осталась та старуха, которая принесла «свое» полѣно на костер его. Исторія запомнит и вас, г. адвокат, и ваш грязный камень, брошенный вами в человѣка, стоящаго в саванѣ и с веревкой на шеѣ!».

Всѣ были точно придавлены к землѣ этими словами.

Утром сегодня получил письмо от Н. А. Рубакина, гдѣ он пишет, что выѣзжает завтра за границу, хотя «надѣется что не навсегда» и прощается со мною.

31 М а р т а. Со всѣхъ сторонъ сообщаютъ, что погибъ броненосецъ «Петропавловскъ» съ экипажемъ и адмираломъ Макаровымъ; по однимъ версіямъ онъ взорванъ японцами, по другимъ напоролся на собственныя мины. Переполохъ сильный, одно за другимъ гибнутъ наши лучшія суда!

Неожиданно утромъ сегодня разыгралась снѣжная метель и обсохшія было улицы опять покрылись грязью; дни стоятъ теплые, сѣрые; Нева вотъ готова вскрыться, по Фонтанкѣ уже недѣли двѣ какъ бѣгаютъ финляндскіе пароходики, похожіе на крысъ шмыгающихъ подъ мосты.

1 а п р ѣ л я. Во многихъ церквяхъ идутъ панихиды: слухъ къ несчастію оказался вѣрнымъ, погибъ Макаровъ и почти весь экипажъ броненосца «Петропавловскъ»; Яковлевъ и великій князь Кириллъ ранены, но спасены. На дворѣ сильнѣйшая метель; день словно зимній, ненастный и, несмотря на это, на углахъ тѣснятся цѣлыя толпы людей и пробѣгаютъ глазами вывѣшенныя извѣстія съ Дальняго Востока. Впечатлѣніе страшное.

Полиція сегодня утромъ отбирала у всѣхъ газетчиковъ №№ «Петербургскаго Листка» и какихъ-то еще газетъ; сопротивлявшихся тащили въ участокъ; въ газетную экспедицію почтамта полиція явилась тоже и конфисковала всѣ названныя №№. Тѣмъ не менѣе, я раздобылъ «Петербургскій Листокъ» и успѣлъ наскоро пробѣжать его; особеннаго ничего не замѣтилъ; въ отдѣлѣ происшествій наткнулся только на замѣтку о томъ, что этой ночью въ Сѣверной гостиницѣ произошелъ сильный взрывъ, исковеркавшій много номеровъ, полы и потолоки; въ одной изъ комнатъ найдены куски человѣческаго тѣла, разорваннаго бомбой. Что это за бомба, и кто былъ владѣтелемъ ея — загадка; по всей вѣроятности здѣсь кроется

что-либо анархическое, сыщики зачуяли слѣды и потому поспѣшили всякія свѣдѣнія о происшедшем изъять.

В два часа дня на улицах снова продавали «Петербургскій Листок»; купил № — на мѣстѣ замѣтки о взрывѣ бѣлая полоса. Замѣтку выкинули, и газету отпечатали снова.

З а р ѣ л я. Смутно поговаривают о происшествіи в Сѣверной гостиницѣ; будто бы в скором времени предстояло открытіе памятника Александру III на площади перед этой гостиницей — конечно в Высочайшем присутствіи; анархисты заняли №, выходившій окнами на площадь, и подготовили бомбы для покушенія, кончившагося для них неожиданной катастрофой. Что-ж, не одним Порт-Артурцам нарывать на собственные мины!

Ходил смотрѣть на гостиницу; семь окон во втором этажѣ (считая сверху) изуродованы, опалены; стекла и рамы выбиты; внутрь помещенія никто не допускается. Жандармы уже на слѣду и дѣятельно разыскивают участников; в почтамт поступила секретная бумага о задержаніи и доставленіи в полицію всякой корреспонденціи и посылок, могущих притти на фамилію нѣкоего Раевского и еще каких-то лиц.

В средѣ самой полиціи раскол. Достоверно знаю, что Лопухин, нынѣшній директор департамента ея, рвет и мечет и открыто высказывает свое неудовольствіе на произвол и порядки, которые при его поступленіи обѣщал устранить Плеве и которых, «заманивъ» Лопухина, конечно, не передѣлал.

Анненскій, казначей Литературнаго Фонда, выслан на нѣсколько лѣтъ в Ревель... за «образ мыслей», вѣроятно, т. к. никаких иных прегрѣшеній за ним не оказалось. Старались изо всѣх сил убѣ-

дить его, что он произносил «неудобныя» рѣчи на могилѣ Михайловскаго, но это не выгорѣло, т. к. он не открывал даже рта, что и подтвердили свидѣтели — Короленко и др. Плеве дѣятельно взялся за чистку Петербурга, только, ой, не напороться бы и ему на собственную мину! Анненскіе и ему подобные люди языка, но не дѣйствій, а «чистка» может пробудить и боевые элементы!

Слышал, будто Плеве заявил, что высылать болѣе в среднюю Россію он никого не будет — «довольно разносить вездѣ крамолу» — а будет отправлять в Балтійскія провинціи. Это остроумно. Дѣйствительно, балтійскія губерніи — это дейчланд и до руссланд им нѣтъ рѣшительно никакого дѣла; сосланный туда пропагандист на полной свободѣ будет чувствовать себя со связанными руками. Анненскій, кажется, первый открывает компанію в новыя обѣдованныя земли!

Командующим флотом на Дальній Восток назначен Скрыдлов; перебили горшки, а потом и посылают человека беречь их! Кирилл оказывается жив и здоров... вода не приняла! Забыл упомянуть, что Анненскаго выслали столь поспѣшно, что не позволили даже заѣхать домой и сдать ключи от денежнаго ящика, в котором 60.000 руб. О-ва. Это уже потѣха! Добродушный Анненскій показался таким страшным, что вывезти его потребовалось экстренно... слѣдовало бы потребовать для этого к Литейному мосту свободный броненосец и на сем надежном сосудѣ доставить столь опаснаго человека в Ревель!

5 апрѣля. Нарочно заглянул сегодня за грязный забор, украшающій Знаменскую площадь:

пустырь продолжает красоваться во всей неприкосновенности, с грудями мусора, деревянным колпаком над цоколем будущего памятника, словом, запустѣніе полное и, очевидно, ни о каком «близком» открытіи не может быть и рѣчи. Стало быть, и толки о цѣли снятія комнаты в Сѣверной гостиницѣ анархистами — вымысел.

По городу циркулируют еще и другіе слухи между прочим говорят, что бомба эта предназначалась для Плеве на панихидѣ по Сипягинѣ; другіе увѣряют, что для взрыва при спускѣ новых броненосцев, строящихся на эллингах и будто бы даже в Невѣ найдено вчерашнѣсколько мин для самых судов; послѣдній вздор повторяют усиленно; о взрывѣ в гостиницѣ знает и говорит весь город. Вот результат «экстренной» и умной мѣры — конфискаціи газеты; выйди она с этой замѣткой, и никто не обратил бы на нее вниманія — мало ли за день происходит несчастных случаев!

15 апрѣля. Врем напропалую; что ни дом то новые слухи! И Куропаткин ранен великим князем Борисом (по другим свѣдѣніям отравлен), Вильгельм продал нам пять крейсеров, за что мы дѣлаем ему уступки в таможенном тарифѣ, т.-е. закабаляемся еще лѣтъ на десять и. т. д., и т. д. без конца.

Завтра пріѣзжают моряки с «Варяга» и «Корейца»; готовятсѣ грандіозныя манифестаціи.

С Дальняго Востока возвращается Кирилл Владимірович; повоевал, довольно с него! Второе чадо, Бориса, говорят, тоже скоро уберут оттуда: выдѣлывает там, чорт знает что.

16 апрѣля. В девять часов утра пошел по направленію к Николаевскому вокзалу с дочерью;

по Суворовскому, Лиговкѣ, со всѣхъ сторон спѣшили туда же вереницы людей. Близко подойти к Невскому оказалось невозможным; вошелъ в церковь Знаменія и за мзду сторож препроводилъ меня на колокольню, откуда открывался прекрасный вид. Не только чугунная ограда — деревья вокруг церкви, фонарные столбы — все сплошь чернѣло народом. День былъ сѣрый, холодный; вдоль панелей Невского, по которому всякое движеніе прекратили с 8 ч. утра, тянулись красные, синіе и малиновые ряды спѣшенныхъ казачьихъ полков. Толпа внизу все прибывала и прибывала; устье Знаменской улицы запрудилося совершенно.

На извозчичьихъ пролеткахъ, случайно оказавшихся там, и двухъ ломовыхъ подводахъ с ящиками из-подъ пива, на сидѣньяхъ, на козлахъ и на ящикахъ стояли дамы и дѣти; двое какихъ-то субъектовъ взобрались даже верхомъ на лошадей; балконы и окна вездѣ были открыты, отовсюду выставлялись люди и безъ конца люди; лѣпились они и на карнизахъ и на нижнихъ вывѣскахъ.

Толпа снизу все выпирала и выпирала казачьи шпалеры ближе къ серединѣ Невского. Правая сторона вскорѣ очутилась у самыхъ рельсъ; тогда казаки оборотились и пошли въ атаку, отпихивая и лупя, безъ церемоніи, кого попало, руками; не надолго осадить народъ удалось, затѣмъ толпа с гуломъ надвинулась снова; тѣ опять атаковали ее, и черезъ минуту малиновые мундиры и косматые черные папахи разбились на кучки и затерялись, какъ бурьянъ въ полѣ. На выручку прискакала конная полиція и стала оттѣснять толпу лошадьми; раздались крики, визгъ, мѣстами замелькали кулаки; толпа шарахнулась назадъ, и казаки выровнялись снова; со всѣхъ сторонъ поднялся свистъ и кошачій концертъ. Видѣлъ

нѣсколько сорванных и брошенных прочь в толпу шапок, казачьих папах и двѣ галоши. Сверху я замѣтил, что казачій полковник горячо заговорил о чем-то с распорядившимся вызовом безпорядков приставом и затѣм скомандовал казакам итти вперед. Тѣ отошли почти до рельс, толпа вздохнула свободнѣе, и неурядица прекратилась. Гул на Невском стоял, как над морем. Общее вниманіе привлекали собаки, то и дѣло бѣжавшія на рысях к вокзалу: наконец около половины одиннадцатаго начали уѣзжать с вокзала встрѣчавшіе; когда проѣзжали в коляскѣ двое каких-то моряков, обознавшаяся толпа встрѣтила их недружным, сейчас же прекратившимся «ура», и развеселилась; пробѣжавшей затѣм собакѣ тоже прокричало с десятков глоток «ура»; это вызвало общій смѣх. Немного погодя со стороны вокзала донесся стихійный рев тысяч голосов; весь Невскій загудѣл от криков; в воздухѣ замелькали шапки, платки, флажки, показался оркестр морских музыкантов; за ними, блестя золотом эполет, шел Руднев, Бѣляев и офицеры; немного поодаль, всѣ с георгиевскими крестиками на груди, наплывали сине-черные ряды матросов с «Варяга» и «Корейца».

Напором толпы шпалеры казаков были снесены с мѣст и очутились вплотную с рядами моряков; позади них шел и играл другой оркестр.

Фуллон был настолько наивен, что печатно заявил вчера во всѣх газетах, что «публика слѣдовать за моряками допущена не будет». Но не успѣл еще второй оркестр миновать угла Знаменской, как линіи казаков разом исчезли и черное, сплошное море людей захлестнуло и площадь и Невскій проспект. Кое-гдѣ, гдѣ кучками, гдѣ в одиночку, пестрѣли мундиры, и поток понес

их и полицію как в тисках по теченію. Авось это научит кое-чему г. Фуллона и присных его! Такого многолюдства я не запомню в Петербургѣ: даже «юбилейная» толпа является бездѣлицей сравнительно с этой! Только что скрылся оркестр, напротив Знаменья какая-то кучка запѣла было, и притом прескверно, «Боже царя храни», но ее затискали, не поддерживали, гимн оборвался и стих в общем гулѣ и гомонѣ. Стал накрапывать дождь. Часа два послѣ встрѣчи на всѣх перекрестках Невского и на мостах, творилось нѣчто невообразимое. Я поѣхал на извозчикѣ в объѣзд по ул. Жуковскаго и Литейной в Щербаков переулок и на углу Невского должен был стоять среди моря экипажей и сплошной массы людей ровно двадцать минут.

23 апрѣля. Сильный дождь со снѣгом; погода все время стоит отвратительная.

Только что успокоился было Петербург, и опять начали раздаваться черезчур самоувѣренные голоса — разнеслась вѣсть о боѣ на Ялу. Мы потеряли 30 орудій, свыше 2.000 людей и спѣшно отступили. Новость эта вызвала чуть не панику; телеграммы опять раскупались нарасхват; вездѣ только и разговоров, что о войнѣ, о взятых японцами в плѣн 20 офицерах и 2000 солдатах, пушках, генералѣ Засуличѣ, виновникѣ этого боя и т. т. Дѣйствительно воюют макаки с кое-какими, мѣткое словечко пустил в оборот старик Драгомиров!

Недовольство постепенно растет и растет кругом. Страшно возмущены многіе, напр., назначеніем завѣдомаго вора - взяточника, бывшаго Кронштадтскаго полицеймейстера, уполномоченным Краснаго Креста. Говорят, назначеніе это он получил,

благодаря императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, пред которой вѣроятно когда-то сумѣл блеснуть распорядительностью.

Бумаги сильно опять упали в цѣнѣ. Купцы и всѣ дѣловые люди жалуются на застой: особенно это замѣтно на книжном рынкѣ. Ходко идут только книги о Японіи и Корее, остальные не двигаются. Издательства почти совершенно приостановили дѣятельность; нѣкоторые приказали даже разобрать начатые наборы новых книг.

27 а прѣл я. Рассказывают, что виновником покушенія на взрыв громаднаго Кронштадтскаго склада пироксилина, о котором на днях сообщали газеты, оказался какой-то артиллерійскій штабс-капитан; когда он был арестован и увидал, что улики всѣ налицо, то нагло заявил: «что-ж, у меня сорвалось, зато брат отправил «Петропавловск» на дно!» Брат его служил на этом погибшем броненосцѣ артиллеристом же, или минным офицером; невѣроятно, но... в наше время все может быть! Гибель «Петропавловска» дѣйствительно подозрительна во всѣх отношеніях; из показаній очевидцев как бы выходит, что первый взрыв произошел на кораблѣ; гдѣ правда — узнается, конечно, не скоро. Общія насмѣшки вызвал Кирилл, спѣшно бросившійся в воду чтобы спасти свою драгоценную жизнь, при первом же взрывѣ; в недурном положеніи оказался бы этот «герой», если бы броненосец уцѣлѣл, и его струсившее высочество пришлось бы вылавливать потом из воды. Пріѣзд его в Петербург прошел незамѣтно, и только кучка гвардейских прихлебателей встрѣтила его «ура» на вокзалѣ. Вѣроятно в числѣ кричавших «ура» в его честь были и Кюба и Дюнон и Тумпаков с компаніей. Не даром прокатилась острота по городу, что:

«как же было утонуть Кириллу в морѣ, когда он воспитаніе получил... в Акваріумѣ»!

С Дальняго Востока вѣсти не первосортныя: Порт- Артур отрѣзан и изолирован; разбитый на Ялу Засулич подсчитывает свои потери, равняющіяся чуть не 30 проц. всего состава отряда. У Засуличей очевидно родовое неумѣнье вести дѣла: сестра его, Вѣра, стрѣляла в свое время в полицеймейстера Трепова — и не попала; этот цѣлил в Георгіевскій крест, а попал в себя самого!

28 а прѣ л я. В началѣ двѣнадцатаго часа проѣзжал днем на Финляндском пароходикѣ по Невѣ к Финляндскому вокзалу и видѣл красивое зрѣлище. Начиная от дворца, вдоль набережной вплоть до Лѣтняго сада стояли линіи конных гвардейских полков; хоры играли «Боже царя храни», а государь ѣхал в темном мундирѣ с синей лентой через плечо, около коляски императрицы, запряженной пугом, с голубыми жокеями. За коляской пестрѣли разнородные мундиры свиты и генералов. Полки послѣ обычнаго «здравія желаем», начинали кричать «ура», но очень уж по-казенному, так что впечатлѣніе от этого «восторга» совсѣм неважное. Публика, конечно, ни пѣшая, ни экипажная, на набережную допускаема не была, и царскій кортеж медленно подвигался мимо рядов солдат по казавшейся пустынной набережной. Зато из окон домов, на балконах — всюду выставлялись головы.

29 а прѣ л я. Все, сколько-нибудь остроумное, сказанное, или якобы сказанное в высших сферах, приписывают у нас Драгомирову. Так передают, что когда вел. князь Владимір Александрович разгорѣлся желаніем ѣхать на войну, и государь, поставленный им в неловкое положеніе, сообщил об этом совѣту, то Драгомиров среди общаго

краснорѣчиваго молчанія заявилъ: «я боюсь одного, Ваше Величество, японцы народъ воспитанный и, пожалуй, никогда не покажутъ спины Его Высочеству?»

Газетѣ «Русь» за статью Амфитеатрова о студентахъ объявлено предостереженіе и воспрещена розничная продажа; Амфитеатров скоро сдѣлается специалистомъ по части приканчиванья газет. Какъ только гдѣ-нибудь пойдутъ дѣла плохо — будутъ приглашать Амфитеатрова на гастроли: докончи мол, отецъ родной!

Со студентами, какъ с биржей, «тихо». Идутъ безпорядки только у горняковъ; они повѣсили у себя в курилкѣ портреты яраго руссо-ненавистника Бебеля. Коновалов, директор, узнавъ об этомъ, пришелъ в курилку и велѣлъ убрать нѣмца; в отвѣтъ на это ему заявили, что он, директор, не имѣетъ права... входить в курилку и — распоряжаться портретомъ. Коноваловъ разгорячился, обругался, потомъ извинился, потомъ опять обругался, словом, разыгралась глупѣйшая исторія; шумятъ и высшіе женскіе курсы, продолжая пережевывать старую исторію об адресѣ.

5 мая. Забродила по городу новая ахинея: будто бы арестованъ в Порт-Артурѣ контр-адмиралъ князь Ухтомскій, и его везутъ сюда, какъ устроителя взрыва на «Петропавловскѣ». По части вранья, и притомъ художественнаго, Петербургъ всякому Цареву-кокшайску сто очковъ впередъ дастъ!

9 мая. Ъхалъ сегодня утромъ в такъ называемой трясучкѣ, — омнибусѣ, ходящемъ вдоль Невскаго, и вдругъ, вижу, влѣзаетъ в нее и становится на площадкѣ странникъ Василій; опять онъ былъ, конечно, безъ шапки и босоногій, в одномъ темносинемъ подрясникѣ; всѣ глядѣли на него съ любопытствомъ.

Рѣденькіе длинные волосы на головѣ его намокли; в рукѣ он держал знаменитый жезл свой с крестиком наверху и огромным острым желѣзным копьём внизу — одним из тѣх, что ставятся на желѣзных оградах, только еще больше и шире. Карманы этого святого мужа отдувались от брошюр, собственных его жизнеописаній; он их раздает желающим, а если ему дают за это деньги, то тотчас же опускает их в какую-то кружку, хранящуюся за пазухой. Не так давно он судился у мирового за скандал и драку: швейцар в Казанском соборѣ не впускал его с жезлом, а тот обидѣлся и заявив: «Мнѣ император Александр III разрѣшил всюду ходить с этим посохом, а ты не пускаешь?» взял швейцара за ворот. Произошла потасовка, и порядком помятаго святителя еще и оштрафовали.

15 Мая. В газетах часто стали проскальзывать замѣтки, восхваляющія почт-директора Чаплина и приписывающія ему всѣ улучшения послѣдняго времени. Всѣ эти газетные диірамбы — вздор: за Почтамт взялась энергичная рука товарища министра Дурново и все дѣлается по его инициативѣ. Чаплин держится Дурново в черном тѣлѣ и ни во что серьезное не вмѣшивается. Единственное что сдѣлано по инициативѣ Чаплина — допущеніе женщин на службу в Почтамт, да куплены новые, желтые экипажи для перевозки почт. Впрочем, есть еще одно: обстриг хвосты и гривы почтамтским лошадям; по этому поводу острят, что он и с лошадей щетинку снял.

В почтамтѣ Дурново зовут каторжником и живорѣзом за его безмѣрно рѣзкое, наглое и нетерпимое обращеніе с этими и без того загнанными маленькими людьми. Чуть случится что — первая фраза Дурново — «выгнать»! И говорится это

отрывистым жестким тоном; весь он — маленький и худой — с тяжелым взглядом темных глаз производит злое, отталкивающее впечатлѣніе...

Прошрое этого челоѡѡка не без пикантности и потому запишу о нем нѣсколько слов.

В царствованіе Александра III он был директором департамента полиціи и находился в связи с женой одного из своих приставов. Барыня эта — очень красивая — вела себя вѣтренно и Дурново заподозрил ее в невѣрности. Не долго раздумывая, призвал он к себѣ околочнаго надзирателя того участка, гдѣ жила приставша и дал ему секретное порученіе (под угрозой чуть ли не Сибири в случаѣ болтовни) — слѣдить за ней. Прошло нѣсколько дней — околочный явился к Дурново и сообщил, что барыня эта с каким-то господином заѣхали в гостиницу и завяли там отдѣльный № — Дурново приказал полицейскому немедленно взять городовых, и скакать с ними в гостиницу, арестовать барыню с господином, составить об этом протокол; если же не отворят двери — он приказал послѣднія выломать.

Околочный явился в гостиницу и стал требовать впуска в №; конечно, его не пустили; городовые сломали дверь и глазам кучи людей, собравшихся на шум, предстали в дезабилье приставша и с нею... португальскій посланник.

Скандал вышел грандіозный. Португалец немедленно поскакалъ требовать удовлетворенія к министру иностранных дѣлъ и исторія разгорѣлась. Доложили императору и тот, разсердившись, приказал Дурново «выгнать к черту». Тогда обратили вниманіе его, что чиновник этот весьма дѣльный,

давно служит и стали просить смиростивиться над ним.

— Назначить дурака в Сенат! положил наконец резолюцію Александр III — «но с тѣм чтоб и нога его никогда там не была!» Злобнаго старика заставили извиниться перед послом и махнули его на бумагѣ в сенаторы. Долго сидѣл у моря в ожиданіи погоды Дурново и наконец дождался: всплыл Сипягин, всплыл и он за ним и получил в полное распоряженіе свое всю почтовую часть Россійской Имперіи.

20 мая. Разнесся слух, что министр иностранных дѣл Ламздорфъ получил плюху «за измѣну» от какого-то высокопоставленнаго лица, не то Долгорукаго, не то Аргутинскаго-Долгорукаго. Вообще за послѣднее время толки усиленно стали налегать на измѣну: измѣнил и подкуплен, якобы Ухтомскій (за 12 миллионов), Алексѣев, Ламздорфъ и даже Куропаткин; словом, плетется обычная дребедень, всегда сопровождающая военныя неудачи.

21 мая. Ламздорфъ дѣйствительно отколотен. Он проходил по Морской мимо ресторана, и в эту минуту оттуда выскочил субъект с палкой и начал тузить его с криком «измѣнник». Ламздорфъ бѣжал, а палочный герой (Долгоруков) был схвачен дворниками и доставлен в Казанскую часть (там сыскное отдѣленіе); государь, которому немедленно доложили о происшедшем, лично назначил комиссію психіатров для опредѣленія состоянія мозгов патріота, и десять умных, как говорит пословица, ежедневно путешествуют расхлебывать кашу одного Долгорукаго. Начинают уже поговаривать об отставкѣ Ламздорфа; сомнѣваюсь: у нас за битаго двух небитых дают! Недаром клоун Дуров лѣтъ с десяток тому назад в Москвѣ отмочил слѣдующую

штуку: в университетѣ разыгралась исторія с ректором; один из студентов, по жребію, дал ему плюху в публичном мѣстѣ; студента мгновенно забрали и усадили куда-то, а ректору дали орден. Только получил он этот орден — кажется звѣзду — в циркѣ выходит на арену Дуров и тащит за руку другого клоуна — рыжаго.

— Давай, — говорит, — играть с тобой!

— Как?

— А вот как: ты будешь студент, а я буду твое начальство!

— Студе-ент? — рыжій дѣлает свирѣпую рожу и начинает сучить кулаки. — Ты начальство?..

Дуров пятится от него, пятится, наконец получает затрещину и летит на песок. Потом медленно встает, отряхивается, лѣзет в карман, доходящій до пяток, выволакивает оттуда огромную сусальную звѣзду, налѣпляет ее себѣ на бок и, горделиво выпятив пузо, обходит с геройским видом арену. Смѣх, конечно, был неистовый, а раба Божія Дурова тут же, с мѣста в карьер, выслали из Москвы.

То же, что с этим ректором, будет вѣроятно и с Ламздорфом!

1 іюня. Дачныя мѣстности заселяются по-обычному. В свое время я не записал, так как считал это вздорным слухом, которых и так записано достаточно, — происшествіе в Павловском военном училищѣ. На-днях видѣл нѣскольких знакомых юнкеров, и они подтвердили его. Этой зимой кто-то из юнкеров — оставшійся не открытым, — ночью изрѣзал ножом огромные царскіе портреты в сборной залѣ. До лиц нѣкоторых, напр. Николая Павловича, икс этот достать не мог и потому искромсал портреты от плеч до рамы. Скандал получил-

ся сугубый и, как ни желал замять его начальник училища, в дѣло ввязались жандармы, но открыть ничего не открыли. Как предполагают, одной из причин, могших вызвать такую выходку, было то, что из-за отказа в кредитѣ на будущій год для сверхкомплектных юнкеров (а таковых в П. уч. довольно много, чуть ли не 60 чел.) рѣшено было «срѣзать» на экзаменѣ 60 чел. и оставить их на 1 курсѣ на второй год и таким «простым» образом сразу поставить училище в норму. Иногда не все простое, оказывается, так просто!

4 іюня. Смертельно ранен в Гельсингфорсѣ генерал-губернатор Бобриков, и это событіе на нѣсколько времени отодвинуло интересы войны на задній план. Всюду только и толков, что о покушеніи на него, но при этом почти неизмѣнно прибавляют: «этого и нужно было ожидать». Общественное мнѣніе не на сторонѣ Бобрикова; огромное большинство ругает его и называет грубым и рѣзким человѣком.

15 іюня. «Биржевыя Вѣдомости» вечером вышли с замаранной полосой, заключавшей сообщеніе, что в послѣднем бою под Порт-Артуром броненосец «Севастополь» получил удар миной и, чтобы не потонуть, выбросился на камни, а крейсер «Діана» получил тяжкія поврежденія. Извѣстіе это, тѣм не менѣе, распространилось по городу, но особаго впечатлѣнія не произвело: слишком уж привыкли мы читать каждый день: «японцы нас обошли и мы отступили»... «под натискомъ значительных силъ противника мы отошли» и т. д.

4 іюля. Сильнѣйшій вѣтер со взморья, минутахъ кажется, что вот-вот разразится ураганъ как в Москвѣ и начнет рвать трубы и крыши. Было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ.

Вчера газеты принесли грустную вѣсть — умер А. П. Чехов.

Трудно жить в Петербургѣ лѣтом, в знойные дни, а еще хуже того в тихіе вечера послѣ них: дышать нечѣм; на улицах висит сизоватая пелена каких-то промозглых испареній, начинает пахнуть даже на лучших улицах гнилью, навозом.

Старый Петербург все уничтожается и уничтожается... Нѣтъ ни одной улицы почти, гдѣ бы старые двух и даже трех этажные дома не ломались; теперь на их мѣстѣ возводятся новыя кирпичныя же громады... Удивительно много построек в этом сезонѣ несмотря на тяжелое, военное время.

А на войнѣ все что-то неладно. Что ни телеграмма оттуда, то «бой длился упорно, но затѣм было замѣчено обходное движеніе японцев и мы отступили в полном порядкѣ», — послѣдняя фраза сдѣлалась стереотипом. Мы так насобачились в отступленіях, что иначе, разумѣется, производить их и не можем!

15 іюля. В половинѣ одиннадцатаго утра узнал, что убит Плеве. Взял извозчика и сейчас же поскакал к мѣсту происшествія — к Варшавской гостиницѣ. По Измайловскому проспекту шли и бѣжали туда же люди; меня обогнала карета Краснаго Креста. Ъхать к вокзалу не пропускали; я слѣз с извозчика и вмѣшался в толпу, сплошь запруживавшую панели с обѣих сторон. Вездѣ сновала пѣшая и конная полиція. На серединѣ мостовой против подъѣзда гостиницы валялись разметанные осколки кареты, изорванные в клочья подушки сидѣнья и окровавленная шапка; их еще не убрали; на камнях алѣло нѣсколько пятен крови. Огромный многоэтажный дом, гдѣ помѣщается гостиница, стоял без стекол; в зданіях, что напротив и рядом,

стекла выбиты тоже. В толпѣ было нѣсколько очевидцев взрыва; швейцар противоположнаго дома рассказал мнѣ слѣдующее. У подъѣзда гостиницы торчали двое каких-то господ, один из них высокій, полный, и разговаривали, видимо поджидая кого-то. Только что поровнялась с ними карета, в которой ѣхал на вокзал Плеве — один из них кинул бомбу, и грянул оглушительный удар. Карету разнесло вдребезги. Кучера откинуло на мост и его замертво унесли в больницу; лошадей искалѣчило. Министр остался на мѣстѣ в страшно изуродованном видѣ, с сорванной нижней частью лица: на него было страшно смотрѣть. На тѣло накинута шинель.

Кидавшіе бомбу были ранены: один упал, другой с окровавленной шеей стоял, держась за чугунный столб навѣса подъѣзда и шатался. Кромѣ них, говорят, пострадало до 16 человекъ прохожих и находившихся в сосѣдних домах; у одного извозчика лошади перебило ногу.

Фасад Варшавскаго вокзала, глядящій на мост, стоит без стекол. Доски и клочья от кареты и платьев валялись и на противоположной сторонѣ улицы: под ноги мнѣ попал кусок дверцы с никелированной ручкой. Карета Краснаго Креста стояла у гостиницы; в нее внесли одного из раненых виновников взрыва, против него и по бокам устѣлись два полицейских офицера, и карета помчалась назад; впереди нея и по бокам густой стѣнной скакала конная полиція, и разсмотрѣть сидѣвшаго я не успѣл.

Толковали, будто устоявшій на ногах сам заявил, чтобы его арестовали и притом «скорѣе».

В публикѣ волненія и возбужденных толков не замѣчалось: болѣе было любопытства.

Дождался-таки Плеве своего часа!

Кстати сказать — полиція на мѣстѣ катастрофы была любезна до сверхъестественности.

19 іюля. Собирая справки по библіографическому вопросу, зашел сегодня к извѣстному Николаю Петровичу Полякову — человѣку, истратившему в семидесятих годах цѣлое состояніе на изданіе книг, из которых многія были уничтожены цензурой, не увидав свѣта.

Типичный, похожій на Влад. Соловьева, старик, с длинною сѣдою бородою и еще черными, густыми клокастыми бровями — принял меня, лежа в постели, с которой не сходит уже седьмой мѣсяц. Разговорились мы, и он поразказал много интереснаго; так как он не ведет дневника, то записываю все в этой своей «лѣтописи».

Когда еще Александр III был наслѣдником, Поляков обратился к нему съ письмом (отвез его сам во дворец и передал адъютанту), в котором просил защиты. У Полякова пожгли уйму изданій, и на 65 тысяч рублей заставили понести убытка; кромѣ того, его предали суду за выпуск одной книги, воспользовавшись законом, вышедшим позже этого изданія. В письмѣ к наслѣднику, написанному вообще рѣзко, была между прочим такая фраза: «говорят, что Вы человѣкъ справедливый, докажите же это на дѣлѣ»; главное, на что упирал Поляков — юрист сам — что суду его предавать не смѣли, так как закон обратной силы не имѣет.

Письмо возымѣло дѣйствіе. Под предсѣдательством наслѣдника состоялось три тайных засѣданія комитета министров, и Поляков был освобожден от суда, причем из сумм Министерства Внутренних Дѣлъ ему вернули 10% потерь его. Письмо же его наслѣдник помѣтил в рѣзких мѣстах синим карандашом и велѣл передать Полякову, что хотя письмо

написано смѣло, но оно ему понравилось, так как так мог писать лишь невинный и честный человек, и что он его не забудет. И в год смерти императора Александра II — Полякову довелось доказать, что он составил о нем правильное мнѣніе.

Министр Вышнеградскій — скупой человек — перѣзжая с квартиры по уходѣ с министерскаго поста, поручил дочери всѣ ненужныя бумаги выбросить и продать вмѣстѣ с прочим хламом. Та исполнила это, но по незнанію, или по ошибкѣ, очистила и шкаф, гдѣ хранились секретныя дѣла и тоже выбросила их в мусор.

В один прекрасный день к Полякову — а он любитель книг и извѣстен всѣм букинистам, — является один из таковых и говорит:

— Вот, Николай Петрович, какое дѣло! Купило нас трое Александровских (с «развала») старую бумагу у Вышнеградскаго, да такія вещи там отыскали, что не знаем как и быть нам!

— Что такое?

— Дѣла секретныя: сто пятнадцать штук!

— Привезите нѣсколько штук, — отвѣчает Поляков, — взгляну, что такое!

Тот отправился назад и привез кипу. Николай Петрович поглядѣл и ахнул. Забыл про больное горло, закутался и поскакал в дебри Александровскаго рынка. Дѣло было нешуточное; торговцы видѣли это сами и трусили. Заставили они Николая Петровича поклясться перед образом, что им худо не будет, и отдали ему всѣ 115 дѣл за 250 рублей.

Привез он их домой и давай пересматривать. Дѣла были все серьезныя и секретнѣйшія: напр: о тайной покупкѣ с политическими цѣлями желѣзных дорог в Сербіи, доклады военнаго министра о пол-

ной неготовности Россіи к войнѣ, с подробными донесеніями о всѣх слабых сторонах крѣпостей, о мѣрах обороны, об устройствѣ портов, между прочим разработанный проект ревельскаго, который хотѣли тогда превратить в военный, (сдѣлали это потом с Либавой), стоимость чего вычислили в 75 милліонов и т. д. Много дѣл держалось в секретѣ даже от министров и имѣло надписи: «показать только военному министру», «только министру иностранных дѣл и т. д.», с цѣлыми уймами помѣток и собственноручных бумаг государя.

В руках у Полякова был клад: отвези он его за границу — там дали бы за него сотни тысяч рублей. Но Поляков прежде всего русскій человек. Он рѣшил вернуть дѣла. Но как сдѣлать это? Началось бы слѣдствіе, и прежде всего поплотились бы ни в чем неповинные старьевщики. Думал он, думал, затѣм отыскал ход к великому князю Михаилу Николаевичу — через фрейлину, и тот отвѣтил, что он возьмется только доложить государю, но что дѣло это настолько казусное, что за послѣдствія, могущія обрушиться на Полякова, он ручаться не может. Надо было искать другое лицо.

Наконец все уладить взялся великій князь Александр Михайлович; дѣла были размѣщены тайно от государя по министерствам. За ними к Полякову пріѣзжал великокняжескій адъютант и увез их. Александр Михайлович настаивал на умолчаніи о его участіи, так как Александр III не терпѣл, чтобы великіе князья мѣшались в дѣла.

Спустя нѣсколько дней Полякова вызывает к себѣ Дурново, благодарит и общает доложить государю о такой выдающейся заслугѣ с его сторо-

ны; вмѣстѣ с тѣм с него берут подписку о молчаніи о происшедшем и о содержаніи дѣла. Затѣм Дурново стал спрашивать, как попали они к нему; Поляков рассказал, что он купил их случайным образом, так как подобное важное происшествіе не могло пройти без разслѣдованія, сам стал просить о назначеніи слѣдствія. Но так как Вышнеградскій, чтобы выгородить себя, ни минуты не задумался бы сказать, что дѣла эти у него украли — Поляков выразил желаніе, чтобы к допросу вызвали прислугу Вышнеградскаго, без всякаго извѣщенія послѣдняго — зачѣм и почему.

Так и сдѣлали. Под присягой люди показали, что дѣйствительно в зал была повыкидана груда бумаги, и все было продано торговцам.

Прошло нѣсколько мѣсяцев — о докладѣ государю ни слуха ни духа.

Идет раз Поляков по Морской и видит, ѣдет его родственник — извѣстный Оттон Борисович Рихтер; карета остановилась, Рихтер забрал его к себѣ и говорит горячо:

— А вѣдь доклада о вас государю этот сукин сын Дурново до сих пор не сдѣлал, и знаете почему?

— Почему?

— Взятку ему отвалил Вышнеградскій. Как узнал, что за исторія и чѣм пахнет она, — поскакал к нему и отвалил. (Дурново был крѣпко слаб на лапу).

Пріѣхали они в Комиссію прошеній, гдѣ служил Рихтер, и продолжали там разговор.

— Ну да, я ж ему удружу! — закончил наконец послѣдній: — я сам доложу государю.

Так и сдѣлал.

Александр III был поражен. Полякову была выражена высочайшая благодарность — негласная конечно — и прислан подарок в 1000 р. А у Дурново на вопрос, почему он не доложил в свое время о подобном дѣлѣ, имѣл наглость смиренно отвѣтить, что он докладывал, но Его Величество изволило позабыть, за что удостоился Высочайшаго матюка, на которые был не скуп покойник.

Вот какія дѣла случаются в Питерѣ и таятся в неизвѣстности!

Поляков просил меня сохранить рассказ его пока в тайнѣ и не опубликовывать его, но записать его для будущаго. Желаніе его исполнено.

В общем смерть Плеве только всколыхнула и заинтересовала всѣх — не болѣе. Петербург даже острит, что Николаю II слѣдовало обидѣться: на него не обращают никакого вниманія и, очевидно, считают царствующими его министров (Сипягин, Боголѣпов, Плеве). Зато на него, говорят, впечатлѣніе произведено ужасное. 15-го предполагалось производство юнкеров в офицеры, так по крайней мѣрѣ ждали и говорили юнкера, но ничего подобнаго не произошло; по слухам, у государя сдѣлась желтуха.

20 іюля. На другой день послѣ убійства Плеве всѣ редакторы періодическихъ изданій были экстренно вызваны в Цензурный Комитет и там им было «поставлено на вид», что о смѣрти Сипягина говорилось в печати весьма мало и в слишком сдержанномъ тонѣ, и поэтому в настоящемъ случаѣ «предлагается им отнестись къ событію с болѣе горячимъ участіемъ и помѣстить «соотвѣтственныя» статьи. Особенно ядовиты молчаніемъ «Русскія Вѣдомости»!»

30 іюля. В третьем часу дня мнѣ показалось, что стрѣляют пушки; вышел на улицу — вижу дворники суетятся вездѣ у домов и вывѣшивают флаги. Говорят, будто государыня родила наследника.

Вечер. То-то, я думаю, радость во дворцѣ: дѣйствительно родился наследник и назван по имени Тимайшаго царя; таков ли он будет! Да и будет ли вообще когда-нибудь на тронѣ?

31 іюля. Вчера вечером была иллюминація; несмотря на лѣтнюю, глухую пору, на улицах снова оживленная толпа; вѣсть о рожденіи наследника всколыхнула всѣх, не говорю уже о простом народѣ, но даже и либеральные кружки. Общество к этому вопросу относилось слегка иронически, как всегда к людям, у которых рождаются только дѣвочки.

По поводу государя даже острили, что он усиленно «интригует» против брата, наследника, но что толка из этого все не выходит. «Интриги» теперь увѣнчались успѣхом.

4 августа. Ъхал сегодня от 12-й линіи на таможенном пароходѣ — на Гутуевскій; сейчас же за Балтійским судостроительным заводом близ строящагося броненосца «Слава», увидѣл нѣсколько военных шлюпок с матросами, занимавшимися усердными поисками чего-то в рѣкѣ. Обратился к знакомому, постоянно курсирующему в тѣх мѣстах, и он сообщил, что ищут бомбы. В день смерти Плеве нѣкій субъект нанял ялик и стал переѣзжать через Неву; близ броненосца он вдруг начал выбрасывать какіе-то предметы в воду; яличник задержал его, и оказалось, что он вез бомбы — вродѣ той, от которой погиб Плеве. Вот эти-то брошенные бомбы и разыскивают, но безуспѣш-

но, до сих пор. Предполагают, что он хотѣл приготовить взрыв «Славы», когда ее повели бы на буксирѣ, но это конечно вздор, так как такая бомба хотя и достаточна для гибели всемогущаго министра, но для броненосца — пустяки.

Исторію с этими бомбами, вѣроятно брошенными растерявшимся сообщником убійцы для сокрытія концов в воду, я слышал на другой же день послѣ смерти Плеве, но считал ее тогда за продукт разыгравшейся народной фантазіи.

8 августа. Льет дождь, глухо доносятся пушечные выстрѣлы. Нева в этом году начала пошаливать необыкновенно рано, лѣто было преотвратительное даже для Петербурга.

27 августа. Виленскій генерал-губернатор кн. Святополк-Мирскій назначен министром внутренних дѣл. С любопытством ждем — что будет. Виленцы им были довольны и от одного тамошняго помѣщика-поляка слышал, что при Мирском у них были «блаженные времена:» поляки всюду допускались на равных правах с русскими на службу и только, остающееся в силѣ запрещеніе полякам покупать там земли, напоминало прошлое и «Кахановскую эпоху». Одно пока достоверно извѣстно про князя, что он очень болѣзненный человек и старый, несмотря на свои 47 лѣт.

Странное дѣло — публика будто обладает даром предчувствія: одно время усиленно заговорили про гибель и плѣн «Петропавловска» — через очень небольшой промежуток времени именно этот броненосец взлетѣл на воздух; затѣм вдруг стали черт знает что болтать про адмирала Ухтомскаго, дошли даже до такого вздора, что убѣжденно толковали будто он арестован за измѣну и что его везут в оковах из Порт-Артура. Прошло нѣс-

сколько мѣсяцев и Ухтомскій осрамился в бою, потерял эскадру и неопубликованным приказом отрѣшен от командованія, а на его мѣсто назначен Виренн, бывшій командир, заслужившаго добрую славу крейсера «Баян».

22 сентября. Кто-то пустил по городу в ход якобы приказ по войскам микадо:

«1. Кто убьет генерала Куропаткина, — тому 10 миллионов иен.

2. Кто убьет Стесселя тому 5 миллионов.

3. Кто убьет Мищенко... Фока... и т. д., и т. д., — награды спускается до 100.000 иен».

Затѣм:

«Кто убьет генерала Орлова — того на десять лѣтъ в тюрьму.

Кто убьет князя Ухтомскаго — тому смертная казнь».

2 октября. Общее настроеніе пессимистическое. Упорно твердят, будто Куропаткин перешел в наступленіе, вслѣдствіе заявленія царя: «пора переходить в наступленіе», и вот в результатѣ новыя неудачи.

Всѣ чают больших благ от новаго министра Святополк-Мирскаго... не оказался бы он в концѣ концов Окаянным! Императрица-мать назначеніем его очень недовольна, так как она сторонница политики Плеве, но царь будто бы заявил ей, что если ей новый курс не нравится, то в Даніи еще много мѣста для нея. Блажен, кто вѣрует...

На войнѣ дѣла, кажется, поправляются. Пора, а то уже начинали острить, что скоро вмѣсто «Боже царя храни» національным гимном у нас сдѣлается «кина-чонг» — из оперетки «Гейша»!

12 октября. Несмотря на воцареніе новаго министра, аресты в городѣ продолжают итти

своим чередом. Причина, якобы подготовлявшаяся анти-военная демонстрація

В 39 № журнала «Право» была помѣщена сильная статья на тему о том, что слова министра — суть слова царя, так как министр у нас только исполнитель, и виленская рѣчь Святополк-Мирскаго разсмѣтривается как указаніе на желаніе свыше конститудіи. Мирскій, очевидно, струхнул от такого неожиданнаго реприманда, и № 40 с продолженіем статьи задержан. Между прочим очень вѣрна и характерна одна фраза из этой статьи, что Россія представляла до сих пор собой дортуар в участкѣ. По недосмотру иностранной цензуры проскользнули в англійских журналах к нам забавныя каррикатуры, изображающія Николая II: он предлагает разным лицам министерское кресло, а под креслом наложены бомбы.

19 октября. Вчера студентами университета была подана петиція на имя государя о прекращеніи войны с Японіей.

Начались опять демонстраціи и довольно нелѣпыя. 17-го числа в Казанскій собор — излюбленное студентами мѣсто для скандалов, явилось нѣсколько человек молодежи и один из них обратился к священнику с просьбой отслужить панихиду по Молчановѣ — имени его не помню. Священник замѣтил, что в праздник, да еще в царскій день, панихиду в соборѣ служить неудобно. Тогда студент вышел из алтаря к ожидавшим его товарищам и громко возвѣстил им об отказѣ; толпа возбужденно заговорила; ее стали отгѣснять к выходу, и вот тут-то произошла сцена избіенія дворником какой-то курсистки, описанная в газетах. В общем демонстрація кончилась благополучно, бла-

годаря спокойствію и умѣнью градоначальника говорить с толпой.

Другая демонстрація произошла на Выборгской сторонѣ перед тюрьмою.

Студент Молчанов, арестованный по дѣлу Плеве, повѣсился в тюрьмѣ и перед смертью послал письмо отцу своему, в котором просил его никого в его смерти не винить и писал, что ему надоѣло жить, что он чувствует себя лишним, ненужным и негодным никуда, а потому накладывает на себя руки.

Депутація студентов, не зная ничего о подобном письмѣ, явилась на квартиру к отцу Молчанова и стала выражать свои чувства по поводу новой жертвы произвола. Старик показал им письмо и не зная, вѣжливо или нѣтъ — выпроводил от себя опѣшившую депутацію.

Перед тюрьмой было устроено шествіе с вѣнками на палках, перевязанных красными лентами; затѣм процессія явилась на Финляндскій вокзал и стала требовать экстреннаго поѣзда на Успенское кладбище, гдѣ похоронен Молчанов. Поѣзда не дали, а вмѣсто него явился градоначальник и, отпустив всю полицію, один вошел в толпу демонстрантов, потолковал с ними, и всѣ мирно разошлись по домам.

21 октября. Усиленно говорят об уходѣ Мирскаго, утверждают даже, будто он подал прошеніе об отставкѣ. Причины — недовольство им за чересчур либеральныя рѣчи, обѣщанія и послабленія... В преемники ему прочат плевенца — нѣкоего Штюмера.

Газеты послѣдних двух дней вдруг сдѣлались совершенно безцвѣтными, точно замерли в ожиданіи послѣ нѣскольких дней свободы.

Порт-Артур при послѣднем издыханіи; очень дурное впечатлѣніе произвели на всѣх послѣднія телеграммы Стесселя, гдѣ он просил благословенія царя и «матушек» царя.

22 октября. Встрѣтил сегодня на Суворовском проспектѣ бабу, странницу лѣтъ пятидесяти, шла она, переваливаясь, как утка, босая, в посконном платьѣ и бѣлом платкѣ на головѣ; в рукѣ торжественно несла жезл в родѣ того, что у странника Василя, только покорооче и побѣднѣе. Парочка оригинальная и пѣтерцам небезызвѣстная.

3 ноября. Много говорят о скандальчикѣ, учиненном на днях в Михайловском театрѣ.

В Царской ложѣ сидѣл вел. князь Алексѣй Александрович, и когда на сценѣ появилась вся в брилліантах его любовница Балета, поднялось шиканье; Алексѣй с грозным и недоумѣвающим видом высунулся из ложи, чтобы лучше разсмотрѣть, что происходит — шиканье усилилось, начали даже раздаваться свистки. В антрактѣ перед этим какой-то господин, став у барьера оркестра, громко и горячо сказал при паденіи занавѣса: «вот, любуйтесь, господа, куда ушли наши деньги, пожертвованныя на флот: на брилліанты любовницѣ этого господина» и указал рукой на Алексѣя.

Упорно твердят, что растрата эта — фактъ; озлобленіе против этих двух братьев Владиміра и Алексѣя большое.

6 ноября. Сильный вѣтер; Фонтанка вздулась наравнѣ с берегами.

7 ноября. Ночью проснулся от сильнаго стука в окна: град и дождь с такой силой били в них, что казалось, вот-вот всѣ стекла разлетятся

вдребезги. С Невы доносились, возвѣщая о наводненіи, пушечные выстрѣлы.

8 н о я б р я. Почти обнажился от лѣсов новый громадный дом Зингера на Невском против Казанскаго собора; весь он построен из желѣза и камня. Немножко переложили строители золота для ознаменованія что мол, мы значит при капиталѣ, но это ничего. В общем Петербург прихорашивается, да и пора смѣнить наши угрюмые ящики именуемые домами, на что-нибудь болѣе удобное и красивое!

20 н о я б р я. Переживаем новое смутное время Россійскаго государства. Старики, помнящіе хорошо броженіе 60 х годов, говорят, что тогда не было ничего подобнаго. Тогда оно — ясное и определенное — было дѣлом нѣскольких групп, теперь же оно почти всеобщее. И главное — полная смута в умах; даже сам министр Святополк как будто не знает, чего хочет, и куда приведет его «новый курс». И это шатаніе политики ведет к общим сомнѣніям в том, что дадут ли нам хотя что-либо из того, чѣм поманили: со всѣх сторон начинают раздаваться голоса: когда так, все к чорту!

Вчера произошел крупный скандал на Моховой ул. Начало его, собственно говоря, было дней десять тому назад в помѣщеніи Мирового съѣзда, гдѣ в юридическом обществѣ предполагался реферат об измѣненіи законодательства о печати. Засѣданіе это, по чьей-то неостроумной мысли, рѣшили сдѣлать публичным. Разумѣется, народа, главным образом студенчества всѣх видов, явилось гибель; зал не мог вмѣстить всѣх, и председательствовавшій заявил, что засѣданіе отлагается, и будет приискано новое, болѣе обширное помѣщеніе для такой многочисленной аудиторіи. Тогда какой-

то юный студент вскочил на стул и крикнул на весь зал, что он «представитель социалистов» приглашает всех присутствовавших пожаловать в воскресенье (14) на Казанскую площадь и там всенародно обсудить вопрос о пересмотрѣ законов.

Выходка смѣхотворная, но возбужденіе теперь вообще так велико, что смѣха она не вызывала; по городу начали расходиться в большом числѣ прокламаціи и приглашенія на сходку, причем предполагалось произвести ее с оружіем в руках... Полиція, конечно, об этом знала, и наикунѣ я слышал даже о мѣрах, принятых ею на всякій случай, причем в виду «новаго курса» отряды городских были переодѣты в штатское платье и пущены в публику.

Сверх ожиданія манифестація не удалась: народа набралось порядочно, но — или не было главарей, или духа не хватило — всесословная сходка эта тянулась вяло и тихо; полиціи видно не было, никто никого не трогал, и манифестанты чувствовали себя довольно глупо. Наконец пріѣхал Фуллон, как всегда без всякой свиты, очень умѣло поговорил с толпой, и она стала весьма мирно расходиться. Тѣм всенародное обсужденіе законов и кончилось. Юридическое О-во для новаго чтенія реферата избрало зал Тенишевскаго училища, и вот вчера устремились туда желавшіе слушать со всего Петербурга. В зал вмѣщавшій 700 ч., набилось около 3000; давка была невѣроятная, тѣм не менѣе с улицы буквально ломились новыя толпы; вся Моховая битком была набита народом. Вышли распорядитель и Фуллон, и первый заявил, что в залѣ негдѣ упасть яблоку, и что зданіе может

развалиться от такого количества людей; чтеніе реферата общано было повторить.

По уходѣ их, спустя нѣсколько минут, толпа интеллигентныхъ дикарей вновь принялась ломиться вперед, и дѣло дошло до того, что кто-то изъ приставовъ выхватилъ пашку; раздались крики и угрожающій рев, толпа рванулась еще сильнѣй къ дверямъ, и тогда пѣшіе городовые начали оттѣснять ее; все-таки в общемъ все кончилось бы сравнительно хорошо, но вдругъ вылетѣлъ на помощь пѣшимъ конный отрядъ; нѣсколько человѣкъ было смято и попало подъ лошадей, и толпа в паническомъ ужасѣ бросилась кто куда. На Симеоновской произошелъ хаосъ и смѣшеніе языковъ; движеніе конокъ, и экипажей, все временно остановилось отъ массы народа, какъ саранча, заполнившей улицу.

Консервативныхъ голосовъ что-то не слышно, притаились. Нѣтъ дома, гдѣ бы ни толковалось теперь о конституціи, смутахъ и 19 февраля, в которое ждутъ вторичнаго освобожденія.

Война совсѣмъ гдѣ-то на заднемъ планѣ.

21 ноября. Вчера умерла извѣстная Петербургу цѣлительница Надежда Юльевна Шабельская. Она была вдова гвардейскаго офицера и ютилась со своей пріятельницей Каррель в небольшой квартиркѣ на углу Фонтанки и Лештукова переулка; денегъ за визиты къ ней не брала, хотя особыми достоинствами не обладала и была удивительно симпатичная и привѣтливая женщина; кто ее зналъ, или бывалъ у нея по рекомендаціи знакомыхъ (иначе къ ней попасть было нельзя) — уходилъ отъ нея очарованный. Лечила она пассаами и хотя отрицала внушеніе и магнетизмъ в своей системѣ, тѣмъ не менѣе она весьма близка и къ тому и другому. Во всякомъ случаѣ, многихъ обѣ эти женщины об-

легчили и, говорят, были даже случаи полных ищплений жестоких болъзней.

Прозвище молва дала Шабельской — святая. Теперь она лежит в часовнѣ при Владимірской церкви; весь гроб ея полон цвѣтами; народа на панихидах очень много. Послѣзавтра хоронят ея на Смоленском кладбищѣ; проводы вѣроятно будут весьма торжественные.

Послѣ нея остались два ревностных и «сильных» ученика — ея подруга Каррель и неизвѣстный мнѣ Кудрявцев, господин с симпатичным, вѣрнѣе просвѣтленным какою-то душевною силой, лицом.

29 ноября. Вчера скопище учащихся политиков обоого пола устроило демонстрацію против Гостинаго двора и на Михайловской ул. Были, конечно, красные флаги и т. д. Окончилось побоищем. В газетах есть правительственное сообщеніе об этом. Был говорят, только пролог: настоящую исторію собираются устроить в день суда над убійцей Плеве — 30 ноября. На Невском проспектѣ какіе-то люди открыто приглашали публику явиться к зданію суда и участвовать в освобожденіи подсудимых. Публика от таких пригласителей отшатывалась весьма пугливо...

30 ноября. Убійцы Плеве, Сазонов и Сикорскій приговорены: первый безсрочно, а второй на 20 лѣт каторги.

День прошел сравнительно мирно: у Суда толпилось, правда, много народа, но особых инцидентов не было. С Выборгской стороны студенчество сдѣлало попытку толпой челоувѣк в 600 перейти через мост с красными флагами, но казаки оттѣснили их. Тѣм и ограничилось все. Исторія обыч-

ная: если много общаются, то навѣрное мало сдѣлают.

1 декабря. На три мѣсяца приостановлен «Сын Отечества». Снова заговорили об уходе Святополка, на мѣсто его прочат Витте.

Ходит маловѣроятный слух, что 6 декабря выйдет манифест о конституціи. Эдакое, можно сказать, угощеніе да станет «он» подносить себѣ в день именин!

6 декабря. 3-го числа министры были у государя: происходило совѣщаніе относительно конституціи, причем Ермолов сказал очень сильную и либеральную рѣчь. Рѣшено, что в министерствах будут участвовать выборные люди от земств.

10 декабря. Плохіе совѣтники у государя! Сегодня напечатано во всѣх газетах его «собственноручное начертаніе» (эко язык-то эеіопскій!) с выраженіем негодованія на телеграфное ходатайство черниговскаго земскаго собранія (о реформах). Начертал: «нахожу поступок дерзким и безтактным»...

«Весну», повидимому, хотят прекратить, но мыслимо ли это? Куда толкают этого безвольнаго человѣка окружающіе его?

Негодованіе начертаніе вызвало всеобщее.

14 декабря. Дождались, наконец, манифеста — довольно туманнаго, но все же подающаго надежды на близость лучшаго будущаго. Поживем — увидим!

15 декабря. В газетах появилось «правительственное сообщеніе»... Видно, вчерашній манифест показался слишком многообѣщающим и потому из-под него поспѣшили высунуть кукиш. Чудные у нас на Руси законы: только издадут один,

сейчас же вслѣд начинают закапывать его «разъясненіями», «дополненіями» и «сообщеніями».

Желаніе побѣды японцам в общем все усиливается. «Авось японец поможет», говорят не только здѣсь, но и голоса из провинціи.

20 декабря. Заграничная почта пришла вчера вечером и сегодня утром с опозданіем на 12 часов. Говорят, что гдѣ-то взорван мост: приготовлено было покушеніе на государя, поѣхавшаго провожать войска на Дальній Восток, но царскій поѣзд будто бы успѣл проскочить благополучно, и запоздалый взрыв разрушил только мост позади него. Официальных свѣдѣній об этом пока не имѣется.

21 декабря. Порт-Артур сдался... На улицах простой народ обращается с вопросом — правда ли это, и приходится отвѣчать — да. Всѣ подавлены.

И что возмутительнѣй всего — новость эту мы узнаем не от своего правительства, а из парижских и берлинских телеграмм. У нас же опубликованы только дурацкія телеграммы Стесселя, что 6 декабря он торжественно праздновал «тезоименитство», и кричали «ура» на парадѣ.

В Артурѣ убит Кондратенко, истинная душа обороны; даром шла такая молва о нем. Умер Кондратенко — умер и Артур с ним!

Вечер. Вечернія телеграммы хватают подробностями за сердце. Горит «Севастополь», взрывают и топят «Ретвизан», «Побѣду», «Палладу»... Уничтожаем самих себя! Правду сказали «Новости Дня»: «сдан Порт-Артур, выстроенный на милліарды полунищаго народа и залитый его кровью». Безпримѣрнѣй этой войны по возмутительности ничего не было в нашей исторіи! За что платил свои мил-

люны не полунищій, а нищій русскій народ? За ничего не дѣлающих дипломатов, не видящих, что творится у них перед самым носом, за мерзавцев министров и т. д.?? Украли ни к чему негодную и ненужную нам страну, ухлопали в нее милліарды и, обманывая всѣх, не нашли нужным даже приготовиться к оборонѣ, не снабдили и этот многострадаальный Артур ни снарядами, ни припасами и люди там гибли без ѣды, без оружія и без медикаментов.

Воровство идет вездѣ возмутительнѣйшее; Красный Крест пойман с поличным: из вѣрнѣйших источников знаю, напр., что громадныя ящики с «хинином» на Дальній Восток в дѣйствительности заключали в себѣ только по фунтовой коробкѣ с ним и т. д., и т. д.

21 декабря. О Стесселѣ, как о человѣкѣ, давно уже и со всѣх сторон (даже от бывших его сослуживцев-офицеров) слышал только дурное. Отдаю ему должное за защиту Артура, но должен сказать, что телеграммы его на меня и на многих производили отвратительное впечатлѣніе. Так пишут или дуры-бабы из глухих деревень, или прохвосты. «Держимся молитвами матушек царя» — чудодѣйственныя молитвы этих матушек были у него на каждом шагу!

Покушеніе на государя было; слышал о нем в измѣненной версіи — будто бы взорвалась бомба в самом поѣздѣ.

Среди монархических партій есть сильное теченіе в сторону бывшаго наслѣдника Михаила Александровича. Его хвалят и поговаривают, что в один прекрасный день мы можем узнать о дворцовом переворотѣ.

Так ли это — навѣрное не знаю, но что го-

сударь как бы опасается этого, доказывает то, что, отлучаясь из Петербурга во всё свои путешествія, он увозит с собой и брата, несмотря на то, что отношенія между ними совсѣм не нѣжны. Поскорѣ бы это всеобщее напряженіе разрѣшилось чѣмънибудь! Вѣчная жизнь в таком своего рода Порт-Артурѣ невозможна!

23 декабря. Хотѣл купить новую газету «Наши дни»; оказывается вчера ей запретили розничную продажу. За послѣднее время газеты вырастают как грибы, но и исчезают из обращенія, как мухи!

Возродившійся «Сын Отечества», «Наша жизнь», «Р. Правда» — всё успѣли нахватать предостереженій и запрещеній; идет своего рода газетная вакханалія: всё точно торопятся высказаться покруче, пока есть возможность к тому.

Говорил с академиками Генеральнаго штаба; увѣряют, что у Куропаткина не 400.000 войска, как сообщали газеты, а всего 200.000. По их словам дѣло стоит на мертвой точкѣ: сибирская дорога может доставлять теперь только необходимый фураж, провіант и пр. для этой массы людей и подкрѣпленія могут идти по ней только за счет голодовок арміи.

Нечего сказать, хорошенькое положеніе!

Интересно бы подсчитать, во что обошлась нам эта Манчжурская авантюра, включая Китайскую дорогу, Дальній и пр.?

31 декабря. Общественное мнѣніе начинает замѣтно измѣнять курс в отношеніи к Стесселю; развѣнчивать людей мы любим чрезвычайно, и достаточно кому-нибудь написать или сдѣлать что-либо выдающееся из ряда — сейчас начинаем искать, не другой ли кто это сдѣлал, но во всяком

случаѣ нѣтъ дыма без огня. За тысячу верст чувствуется что-то неладное; странно и то, что Стессель торопится вернуться в Россію и не пожелал раздѣлить со своими полками и генералами их участь и в Японіи. Говорят в оправданіе его, что ему нужно представить отчет государю, но это дѣтскій лепет; отчет его уже сдѣлан: — «флот уничтожен, и Артур сдан» Этим и все сказано. Точно торопится Стессель поспѣть к государю ранѣе остальных генералов и адмиралов...

1905 год.

3 января. Забастовал Путиловскій завод. По слухам спокойно и на Франко-Русском, изготовляющем машины для флота.

4 января. Забастовал Франко-Русскій завод.

В Питерѣ в числѣ других находится корреспондент-англичанин, командированный сюда для спеціальнаго наблюденія за возникшими общественными движеніями; с грѣхом пополам он объясняется по-русски и очень негодует на наши привычки. «Помилуйте», — говорит, — «вездѣ в 11 ч. люди уже в постелях, а здѣсь к одиннадцати часам начинают только съѣжаться». Корреспондент этот торчит на всѣх наших «митингах» и собраниях, внимательно выслушивает ораторов и все записывает в свою книжку.

5 января. Не работают уже шесть заводов. Оригинальнѣе всего, что стачка эта ведется под руководством какого-то священника, шествующаго

всюду во главѣ депутацій. Пока что протекают онѣ мирно. По газетным сообщеніям причина их — домашніе счеты с администраціей; городскіе слухи добавляют нѣкоторый плюс, а именно — недовольство рабочих тѣм, что 80-ти милліонный заказ дан правительством Германіи, тогда как собственные, русскіе заводы вынуждены на половину сокращать дѣятельность и штаты. Конечно не сами рабочіе додумались до этого; среди них давно ведется оживленная агитація.

Интересны результаты пропаганды в Малороссіи. В Полтавской губерніи запасные не хотѣли идти и были потѣшныя, хотя по существу глубоко вѣрныя, замѣчанія с их стороны.

— За що нам идти воеваты? — спрашивали хохлы.

— Как за что? За вѣру, царя и отечество!

— Яка там віра? Бусурманска; отечества нема — там Кытай; и царя нема — вин там рендатель!.. (арендатор).

6 января. Яковлев (Николай Матвѣевич, бывшій командир броненосца «Петропавловск»), только что вернувшійся из дворца с Крещенскаго парада, сообщил, что во время салюта с Васильевскаго острова — там были поставлены гвардейскія батареи — вдруг зазвенѣли и посыпались в залѣ, гдѣ он находился, стекла и куски люстры. На полу он нашел потом крупную картечину. На улицѣ в толпѣ произошел переполох, оказались раненые. По ошибкѣ ли, или преднамѣренно какое-то орудіе вмѣсто холостого зарядахватило по Иордани, гдѣ находился государь, картечью. Бѣдныя артиллеристы поплатятся жестоко!

Очень озабочены охраной Балтійскаго судо-

строительнаго завода от забастовки; предполагено послать в него военную команду.

8 января. Сегодня не вышло ни одной газеты — все забастовало.

Толпы рабочих весьма чинно расхаживали вчера по улицам, заходили на фабрики и даже в небольшія заведенія вродѣ переплетных, сапожных и т. п. и вездѣ прекращали работу. Извозчик, на котором я ѣхал утром на Варшавскій вокзал, сообщил, что часов в шесть утра слышен был сильный взрыв, но гдѣ он произошел — неизвѣстно. Я ѣздивъ в Лугу, на всѣх станціях ожидали с нашим поѣздом газет и оживленно допрашивали, что творится в городѣ; на обратном пути слышал толки в вагонѣ, будто убит градоначальник, и что на завтра, в воскресенье, ожидаются беспорядки. На Пороховых заводах забастовали тоже; вѣроятно там происходит что-нибудь особенное, так как туда поскакали жандармскій эскадрон и конная полиція. Это первая грандіозная забастовка на Руси; рабочих здѣсь цѣлая армія, и нужно очень немного, чтоб разразился бунт.

В вагонах Варшавской дороги грязь была невѣроятная; спрашиваю истопника — почему это? — Тот отвѣтил, что никто из чистильщиков не явился; в мастерской рабочіе забастовали тоже и даже пробовали устроить прекращеніе движенія поѣздов, но это не удалось им. Истопник с большим возмущеніем сообщил мнѣ об отношеніях к ним начальства и порядках у них. Дѣйствительно скоты! Напр., его отправили с поѣздом запасных в Иркутск; он пробыл безсмѣнно в дорогѣ 2 мѣсяца, и ему не потрудились выдать вперед жалованье; предупредили о таком назначеніи за 4 часа и, не успѣй он перехватить у товарища 10 р., или не

найди их — «подох бы с голода как, собака» (его выраженіе). По выраженію лица и голоса видно было, что человекъ глубоко, всѣм нутром чувствует это отношеніе к нему, как к собакѣ. Затѣм — новый начальник дороги вдруг распорядился, чтобы за кипяток, раньше выдававшійся служащим на станціях бесплатно, взыскали по 1 коп. за чайник; за побѣдку это составит добрый гривенник, что бѣдному человекѣ, получающему их в обрѣз, чувствительно. Кромѣ того, тот же начальник велѣлъ уменьшить скидку, которою служащіе пользовались в буфетах...

Словом, вездѣ и всюду беспредѣльное проявленіе «нраву моему не препятствуй: желаю и копец!».

9 января, Из газет вышел только «Правительственный Вѣстник», такой же пустой, как и само правительство.

В час дня отправился посмотреть, что творится на Невском; швейцар сообщил мнѣ, что утром с ближайших фабрик валила толпа, но на Кирилловской ул. их встрѣтили казаки и, несмотря на мирныя заявленія рабочих, что они идут к царю, заставили их свернуть в боковыя улицы.

Вышел из подъѣзда, вижу по Суворовскому проспекту гдѣ стоят снѣшившись, держа коней в поводу, гдѣ разѣзжают отряды драгун в красных фуражках; перекрестки Невскаго охраняли пѣшія и конныя заставы, приблизительно во взводу пѣхоты и по полуэскадрону кавалеріи; солдатики, по случаю вѣтра и мороза, развели костры и выплывали около них; во дворах по 1-й Рождественской улицѣ стояли походныя кухни. Конечно, движеніе по Невскому было прекращено. Взял извоз-

чика и велѣл ѣхать к Адмиралтейству; народа в том направленіи шло много, но оборванцев и пьяных видно не было; фабричные, всѣ принаряженные и выглядѣвшіе очень прилично, попадались на каждом шагу; иные, по-двое, ѣхали на извозчиках. У Полицейскаго моста движеніе по панелям было невозможно; народ стоял густой стѣной, многіе взобрались даже на перила и оттуда смотрѣли, что происходит впереди. Вереницы экипажей плелись шаг за шагом, и на углу Морской, запруженной с обѣих сторон, остановились окончательно: у Александровскаго сада их не пропускали; под аркой главнаго штаба чернѣла особенно густая полоса толпы; я отпустил извозчика и направился туда посмотреть на Дворцовую площадь. Криков и особеннаго шума не было, толпа вела себя чинно. Втиснулся в самую гущу под аркой и увидал, что площадь пуста; близ дворца, стояли какіе-то спѣшенныя войска; ни со стороны Милліонной, ни изпод арки никого на площадь не пропускали; выѣзды из улиц охраняли эскадроны конногвардейцев. Постояв нѣсколько минут и видя, что все обстоит болѣе чѣм мирно, я рѣшил зайти со стороны Милліонной: оттуда, доносились крики, и один из эскадронов, обнажив палаши, поскакал туда. Только что успѣл я завернуть за угол Невскаго, вдруг позади раздались вопли; опрометью понеслись с Морской, хлеща лошадей, извозчики, собственные экипажи, люди; я прижался в выемкѣ стѣны к запертой двери табачнаго магазина Елисѣева и пропустил мимо ошалѣвшую толпу; были в ней и студенты, и простонародье, и барышни, сующіяся вездѣ, гдѣ им не слѣдует быть. Затѣм бросился назад к углу и увидал, что конногвардейцы, очистив арку и часть Морской, шагом возвращаются обратно; бить, оче-

видно, никого не били, а только напугали. Не успѣл я взойти на Полицейскій мост — со стороны Александровскаго сада грохнул залп; минутоу спустя — другой. «Холостыми это, холостыми палят», заговорили кругом, но мнѣ они показались не холостыми: совсѣм другой звук у послѣдних. На набережной Мойки кучами чернѣли рабочіе; иные вели зажигательныя рѣчи; особенное вниманіе мое привлекла какая-то женщина-брюнетка, в платкѣ и черной кофтѣ поверх желтаго платья. Она металась от одной кучки к другой и все спрашивала: «гдѣ наш-то союз? Не выдавайте, братцы, что же вы? Идемте!» Против придворной капеллы, у моста, толпа была возбужденнѣе; раздавался свист и крики; против нея, загораживая весь проѣзд ко дворцу стояли ряды конногвардейцев; нѣсколько челоувѣкъ из толпы были вывалены в снѣгу; одного, сильно помятаго, усадили на извозчика и повезли прочь — их сбила с ног конница во время атаки; по говору кругом, солдаты били не плашмя, а как слѣдует. Как всегда, было много трусов, мѣвшихся и вполголоса уговаривавших наиболѣе горячих: «да брось, пойдем лучше отсюда», но были и прямо вдохновенные типы; один, еще молодой парень, стал среди моста и, потрясая кулаками, кричал: «пушай убьют! Все едино конец, скорѣй будет!»

Солдаты колыхались на своих огромных конях и только поглядывали, но никто, даже полицейскій, находившійся рядом, не тронул его. Разогнанная всего за нѣсколько минут назад толпа все прибывала; видѣл двух студентов, вполголоса говоривших: «только спокойно держитесь, братцы, помните — главное спокойствіе!» Нѣкоторые из вновь подходивших рабочих здоровались с ними, как со знакомыми: очевидно, движеніе это не без

руководительства, и студенчество не безпричастно к нему.

Постоял в толпѣ минутъ с десять, послушал озлобленный говор и направился к Марсову полю: за мной раздался вой и крики; оглянулся, и вижу, что кавалерія, блестя палашами, летит на мост, и толпа бѣжит вразсыпную. Противоположная сторона Мойки, сплошь залитая народом, всколыхнулась и загудѣла. Послышались свистки, ругань. «Убійцы, убійцы! Подлецы! Палачи! неистово орали десятки голосов, а гг. конногвардейцы, во главѣ с выхолощенными офицерами, уже шагом слѣдовали под этот концерт по противоположному берегу, окончательно очищая его от публики.

У придворно-конюшенных зданій и на Марсовом полѣ стали обгонять меня извозчики с ранеными; стрѣльба оказалась настоящею. Безпомощно прислонившіяся к сопровождавшим фигуры в черных пальто с кровавыми пятнами то спереди, то сбоку производили тяжкое впечатлѣніе; рабочіе, кучками стоявшіе по дорогѣ к Цѣпному мосту и видѣвшіе их, возбужденно грозили по направленію дворца кулаками; одна женщина разрыдалась и крича: «что-ж это дѣлают с нами? Жить не дают, да и бьют еще?» — разразилась проклятіями. Много я их наслушался за сегодняшний день! Один извозчик, везшій безчувственного раненаго, сам, видимо, взволнованный, громко пояснял останавливавшимся встрѣчным: «раненаго везу; пульей вдарило; у Ликсандровскаго саду палили!» Извозчиков с такими покладами проѣхало мимо меня четверо. Полиція вела себя удивительно галантно и ни во что не вмѣшивалась; сегодня обычную ея роль исполняли военные.

Фамилія священника, руководившаго и вдох-

новлявшаго рабочих — о. Георгій Гапон: говорят, личность исключительная и пользующаяся среди них популярностью почти до значенія пророка. Третьяго дня происходило на Васильевском островѣ громадное сборище рабочих; свящ. Гапон с возвышенія благословлял всѣх крестом, и многочисленная толпа присягнула «стоять до конца друг за друга».

Говорят, что в ночь послѣ этого свящ. Гапон был схвачен, но насколько это вѣрно — не знаю. На водокачкѣ и электрических станціях работали сегодня солдаты: купцы уже пользуются случаем и накинули цѣны на керосин, с трех с половиной коп. прыгнувшій на 10.

Во многих мѣстах идут сборы в пользу рабочих; совѣтъ присяжных повѣренных уже собрал 800 р., и приношеніе это рабочими было встрѣчено восторженно.

Думаю, что рабочіе, к сожалѣнію, не выдержат!

Из среды их была выбрана депутація к царю, но конечно, эта депутація не увидит его; когда кто-то высказал эту мысль на Василеостровском собраніи рабочих — раздались голоса: «так долой царя тогда! Зачѣм такой нам нужен?»

Да, если бы войска были хоть на половину так подготовлены, как рабочіе — не желтый штандарт развѣвался бы вѣроятно сегодня над Зимним дворцом, из котораго, кстати сказать, Николай за-благовременно укрылся в Царское! Толков в городѣ не обобратъся.

10 с пол. час. вечера. Опять ѣздит по городу; на углах многих улиц войсковые биваки; в жаровнях горят уголья; около составленных в козлы ру-

жей, виднѣются лазаретныя фуры; солдаты сидят и стоят грѣясь у огней. Пред дворцом расположены войска всѣх трех родов оружія; по улицам то и дѣло проѣзжают конные разѣзды, или медленно проходят пѣхотные патрули. На Невском тротуары чернѣют от народа; несмотря на поздній час, оживленіе необычайное. Извозчики рассказывали, что на Гороховой ул. и за Нарвской заставой были большія побоища, и убито много людей; в больницах будто бы нѣтъ уже мѣста — так много раненых. Путиловских рабочих в город, по слухам, не пустили. На завтра ожидается продолженіе. Но что и начало и продолженіе значат при пустых руках?

10 января. В 9 ч. утра вышел из дома; Суворовскій между 2-й улицей и Невским был запружен эскадронами драгун и казаков, державшими коней в поводу. Невскій просп. имѣл обычный вид; ходили конки, многолюдства не было. Усѣлся на верх конки и поѣхал к Адмиралтейству.

Подѣзд дворца вел. князя Сергѣя Александровича, что у Аничкова моста, изуродован: всѣ зеркальныя стекла со стороны Фонтанки и три с Невскаго выбиты. «Полѣвьями жарили», повѣствовали очевидцы, ѣхавшіе вмѣстѣ со мной. «Да стекла какія крѣпкія — рраз, рраз по нем, а оно все цѣло!»

Газетный кіоск против Казанскаго собора и окна в кондитерской Бормана разбиты вдребезги. Остальные магазины нетронуты.

У дома гр. Строгоновых, у Полицейскаго моста, группы прохожих разсматривали стѣны; послѣднія выкрашены в темный цвѣтъ, и на них ярко бѣлѣют многочисленныя выщербины — слѣды от пуль. На Дворцовую площадь пропускали свободно;

войск на ней видно не было, хотя во многих дворах Невского я замѣтил скрытых казаков. Весь угловой полукруг панели у Александровскаго сада и камни под оградой залиты кровью; дворники посыпали это мѣсто песком, но, тѣм не менѣе, кровь ярко проступала всюду; ближайшія деревья в саду носили слѣды от пуль. Много народа внимательно разсматривало это мѣсто вчерашней казни.

По рассказам, мирно ведшая себя сначала толпа, раздраженная избіеніями, разгромила 4-ю линію Васильевскаго проспекта и Большой пр. на Петербургской сторонѣ. Отправился на остров.

Николаевскій мост охраняла пѣхота, мирно сидѣвшая на грудах досок; по линіям разѣзжали патрули уланов. Было людно, но спокойно. На 4-й линіи дома почти не пострадали; выбиты в нѣскольких дрянных лавчонках грошевыя стекла, и только; жестокая бойня и разстрѣливанье происходило на ней у Средняго проспекта. На Малом дѣло было еще серьезнѣе; стекол перебито порядочно, спилено и повалено нѣсколько телеграфных столбов; рассказывали, что там была устроена баррикада, но я ее не видѣл.

Большой проспект на Петербургской сторонѣ пострадал сильно; магазинов на нем уйма, и все крупные; стекла почти во всѣх выбиты, винный погреб Шитта разбит и разграблен; такому же разгрому и грабежу подверглись и другіе магазины: напр. с готовым платьем и колбасныя; торговля почти вездѣ прекращена, большинство дверей и окон забиты наглухо бѣлыми досками, или закрыты щитами и заперты. Оба тротуара кишѣли народом — больше всего дамами и разных сортов дѣвицами, разглядывавшими мѣста погрома. Открыто было всего десятка два магазинов, но и на

их окнах были щиты, а у дверей стояли другіе, чтобы в каждую минуту имѣть возможность наглухо закрыть все.

Публика спокойна, ни криков, ни особо возбужденныхъ лицъ замѣтно не было.

В вышедшемъ сегодня клочкѣ Правительственнаго Вѣстника сообщается, что убито 76 и ранено 233 человѣка; цифры эти лживы, такъ какъ за одной Нарвской заставой уложено больше путиловцев. Путиловцы двинулись со своего завода с образами и крестнымъ ходомъ, имѣя во главѣ облаченнаго в ризы свящ. Гапона; расположенный у заставы Павловскій полкъ встрѣтилъ ихъ залпами, причемъ по однимъ версіямъ перебито и переранено 1000 человѣкъ, а по другимъ 500; свящ. Гапон будто бы убитъ; пули попали и в образа. Такъ встрѣтилъ царь-отецъ депутацію дѣтей, отправлявшуюся къ нему!

Больницы в городѣ переполнены дѣйствительно; у двухъ, мимо которыхъ проѣзжал, стояли толпы женщинъ, отыскивавшихъ своихъ пропавшихъ мужей и братьевъ; в ворота ихъ почему-то не впускали.

Озлобленная дикой и незаслуженной расправой, толпа отплатила за это на Морской нѣсколькимъ офицерамъ; избитъ, между прочимъ, до полусмерти какой-то генералъ и кавалерійскій полковникъ.

Между убитыми есть и дѣти; находившіеся у Александровскаго сада очевидцы рассказываютъ, что толпа стояла тамъ мирно и на площадь пройти не порывалась. Несмотря на это, офицеръ, командовавшій пѣхотой, вздумалъ орать и приказалъ разойтись. Его не послушались, и онъ заявилъ, что будетъ стрѣлять; не подѣйствовало и это; тогда грянули два, слышанные мною залпа, и уложили многихъ, в томъ числѣ и нѣсколько дѣтей, взобравшихся на садовую рѣшетку; судя по тому, что лично видѣлъ, — я

вполнѣ этому вѣрю, тѣм болѣе, что слышал одно и то же от разных лиц.

Возмущеніе всеобщее, особенно против гвардейских офицеров, из числа которых многіе с увлеченіем разыгрывали роль самых зазнавшихся и наглых околоточных; настоящіе околоточные совершенно не вмѣшивались во вчерашнюю исторію.

Если-б царь так позорно не усакал из города, а принял бы депутацію рабочих, если бы хоть сколько-нибудь сердечно отнесся к положенію их—какой бы громадный козырь он получил в свои руки! Эх, вспоминаются слова Грознаго: «пономарем бы тебѣ родиться, Одея, а не царевичем!»

Половина шестого вечера. Наш Суворовскій проспект тонет во мракѣ: электричество не дѣйствует. Сейчас прибѣжала в страхѣ прислуга и сообщила, что на углу 8-й в нашем домѣ выбили окна в магазинѣ Ветчинкина; находимся как бы в осадном положеніи.

Керосина нѣтъ нигдѣ; цѣну за него догнали до 30 коп. за фунт; трехкопѣчное открытое письмо в лавках стоит пять.

Пишу эти строки, а на улицѣ спѣшно закрывают магазины и гасят вездѣ огни; тьма стоит кромѣшная.

Половина восьмого вечера. Сейчас вернулся с обхода. Вышел из двери—на лѣстницѣ горят, поставленные на стулья, свѣчи; швейцар держит дверь на замкѣ. На улицѣ глубокая темнота; кое-гдѣ свѣтятся сквозь занавѣски окна — и только. На панелях смутно рисуются кучки стоящих и идущих людей. Магазины закрыты всѣ. На углу 8-й улицы остановился около четырех рабочих и разговаривал с ними. Один только что вернулся от Гостиного Двора и рассказывал, как его

громили: «это все хулиганы, швырковой народишко, пакостят!» негодуя восклицал он. «Мастеровой развѣ станет? Не затѣм шли!» Затѣм обрушился на студентов, и стоявшіе с ним, хотя и вяло, но поддерживали его. «Еще с ними расчет у нас должен выйти! Что они присосались к нам? Зачѣм свое к нашему дѣлу припутали?» Как выяснил дальнѣйшій разговор, студенты чисто экономическому движенію рабочих, стараются придать революціонный характер и огромное большинство недовольно этим.

Направился я с одним из рабочих к Невскому; в одиночку идти было опасно, так как хулиганы разгулялись и бушуют вездѣ во всю; полиція скрылась, как под землю, да и что может сдѣлать какой-нибудь городской в этой тѣмѣ с десятками и сотнями валящих куда-то людей? Конечно, сообщеніе вездѣ остановлено. Бассейная и Знаменская ул. освѣщены: там газовые фонари — газовый завод, вѣроятно, успѣли охранить. Магазины тѣм не менѣе закрыты и на освѣщенных улицах. Спутник мой сообщил, что вопреки слухам, будто нѣкоторые заводы возстановили работы, — не дѣйствует ни один; оказывается поджидали колпинцев, но на поѣзд их не допустили; тогда тѣ двинулись в город пѣшком и разобрали желѣзнодорожный путь, прервав таким образом общеніе с Москвою; в 8 час. вечера назначена на Невском всеобщая сходка. По дорогѣ колпинцы спиливали телеграфные столбы и рвали проволоки. Увѣряли, будто вчера Семеновскій полк отказался стрѣлять, и почетную работу эту выполняли преображенцы; разстрѣливали народ во многих мѣстах, между прочим, у мостов и на Каменноостровском проспектѣ.

Знаменская была устѣяна кучками людей, толпившимися у подъѣздов; ворота вездѣ были за-

перты и из-за желѣзных рѣшеток отовсюду выглядывали лица. Невскій темен и мрачен, как гроб; нигдѣ ни фонаря, ни освѣщеннаго окна, панели полны стоящим народом; кіоск на углу исковеркан. В толпѣ рассказывали, что незадолго до нашего прихода у Николаевской ул. подожгли такую же газетную будку и туда, свѣтя факелами, прискакала пожарная часть с лѣстницами и бочками. Встрѣтили ее, конечно, улюлюканьем и смѣхом. Не больше, как за полчаса до нас казаки отгоняли народ от Знаменья: рубили пашками, «но не дюже», а иные так и просили даже: братцы, да расходитесь же, непріятно нам бить вас!»! Да нѣтъ, не затѣм пришли! Бейте, коль вам мясо человѣческое нужно!

Каждого проѣзжавшаго мимо офицера, замѣтнаго по сѣрому цвѣту пальто, толпа провожала свистом и воем; у Лиговскаго бульвара стояла казачья сотня, но при мнѣ ни во что не вмѣшивалась; надо думать, что утомились таки солдаты, хотя на помощь петербургским войскам вызваны полки из Царскаго, Пскова и др. мѣст. Обѣщают, что завтра перестанет дѣйствовать водопровод; это будет, дѣйствительно, фунт! Между прочим, рабочіе, узнав, что лавочники повышают цѣны, обѣщали разгромить за это лавки; в одном мѣстѣ рабочій зашел купить керосину и, услышав, что за два фунта с него требуют 50 коп., взял и облил данным ему керосином всѣ съѣстные припасы на прилавкѣ.

Хозяйки спѣшно закупили до закрытія магазинов всякую всячину: завтра, вѣроятно, ничего нельзя будет достать.

Между прочим — утром сегодня слышал, что Святополк-Мирскій подал в отставку, и отставка

эта принята. Кандидатами называют четырех: двух Оббленских, Штюрмера и еще четвертую каналью под стать названным. Думают, стало быть, вернуться к плевенскому режиму. Что говорить, самое время... для того чтоб ускорить революцію! В общем, день сегодня прошел тише, хотя на окраинах была стрѣльба; результаты ея неизвѣстны.

10 ч. в е ч е р а. У нас на проспектѣ зажглись нѣкоторые электрическіе фонари; на лѣстницах нѣтъ свѣта попрежнему.

11 я н в а р я, в т о р н и к. Водопровод дѣйствует, и на улицѣ спокойно. На Суворовском проспектѣ магазины торгуют; на углах Невского попрежнему стоят войсковыя охраны, но уже сильно уменьшенныя. Конки по Невскому не идут, очевидно по распоряженію полиціи, тогда как вездѣ, по другим улицам, онѣ пущены. Движеніе на Невском нѣсколько усиленное, публика, главным образом, преобладает любопытствующая; от Знаменья и вплоть до Аничкова моста в магазинах за ночь перебита масса стекол; между прочим, разбито громаднѣйшее стекло у Соловьева на углу Литейной — стоило оно нѣсколько десятков тысяч. Газетные кіоски, за исключеніем одного, у Казанской ул., разнесены, а нѣкоторые и сожжены; за Аничковым мостом погромов магазинов кромѣ одного Бормановскаго, не было. Выбоины от пуль на домѣ Строгоновых уже заштукатурены и закрашены, но, тѣм не менѣе, очень замѣтны; дом, т.-е. половина его, ближайшая к мосту, был точно вспрыснут пулями; нѣкоторыя пробili рамы и если никто из находившихся в нижнем этажѣ не убит и не ранен, то это чудо. Из-под песка на панели видны сплошныя темно-красныя пятна крови; людей разстрѣли-

вали там почти в упор, и пули пронизывали по нѣскольку человѣкъ. В гостинном дворѣ со стороны Невскаго поврежденій мало; главный разгром говорят, был со стороны Садовой, но туда я не сворачивал. Торговля в Гостином и на Невском почти прекращена; на панелях спѣшно пилят доски или прямо прилаживают к окнам крышки столов и приколачивают их гвоздями; вид города такой, точно он осажден непріятелем, и ожидается вторженіе; в немногих торгующих магазинах пріотворены только двери — окна сплошь забиты и закрыты.

Из газет вышел опять полулист «Пр. Вѣстника» и «Вѣдомостей Градоначальника» с перепечатками вчерашних сообщеній. Какой-то уродливый, но смѣтливый карла, примостился на тумбѣ около разбитаго кіоска у Гостиного двора и продавал московскія газеты по гривеннику; публика расхватывала их у него чуть не с боя.

Разсказывают, что вчера у Маріинской больницы на Литейном просп. произошло побоище: там, по слухам, находится свящ. Гапон — одни говорят убитый, другіе раненый — и народ желал его видѣть; к этой толпѣ присоединилась другая — отыскивавшая своих родных, но в больницу их не пустили и в результатѣ произошло новое столкновение и новые пациенты для больницы. Во многія мелкія промышленныя заведенія, возвращаются рабочіе и заявляют о желаніи начать работы, но хозяева, опасаясь мести и погрома со стороны толпы, отказывают сами; нѣкоторые обѣщали уплатить им за эти дни жалованье, но только, чтоб не начинали работ.

Передают, будто горят Колпино и газовый завод; на послѣ завтра обѣщаны еще небывалые безпорядки; многія учебныя заведенія закрыты.

Магазин Невскаго стеариноваго товарищества, находящійся близ Казанской ул., полон покупателями; всѣ запасаются свѣчами, так как в лавках онѣ изсякают и вздорожали до 35 коп. за фунт, вмѣсто 26; магазин допродает уже послѣдки, с завода же везти ничего нельзя, так как рабочіе не пропускают подвод с ящиками. Любопытно, что будут дѣлать питерцы, если стачка продлится еще с недѣлю? О чем думают гг. революціонеры? Очевидно, нѣтъ настоящаго вожака у движенія; начал было сильно выдвигаться свящ. Гапон, но с ним счеты уже покончены. Как рассказывают, администрація устраивала на него облавы, но он счастливо избѣжал их при помощи оберегавших его рабочих. Спектаклей вчера в театрах не было, нѣтъ их и сегодня. Начавшіяся представленія в воскресенье были прерваны; между прочим в Александринском театрѣ, послѣ перваго дѣйствія, в райкѣ начался скандал, кричали оттуда, что не время забавляться, кто-то провопил Варламову: «Костька, ты хорошій парень. перестань, стыдно нынче камедь ломать!» и т. д. и т. д.

Сѣнная площадь — там молодцы в лавках все дюжіе — обороняла сама себя, и лупка хулиганам происходила у них «первый сорт». Их перехватывали, накрывали мѣшками и бузовали безпощадно.

Между офицерами ходят тѣ же толки об отказѣ семеновцев и Егерскаго полка стрѣлять по толпѣ; сильно возмущен навязанной ему ролью полиціи конно-гренадерскій полк, в котором есть сильно пострадавшій от побоев офицер. Измайловскій, а по другим передачам Павловскій полк (форма у них почти одинаковая), за Нарвской заставой во время стрѣльбы по крестному ходу убил

свыше ста семидесяти человек; переранено огромное число и между ними много совершенно неповинных и непричастных ни к чему лиц: убит, напр., лавочник, услышавший пальбу и выскочивший на порог своей лавки и т. д. Есть убитые гимназисты и студенты—эти уже в городѣ. На Васильевском островѣ рабочіе оборонялись от войск кирпичами; там, на Малом проспектѣ, тоже легло много голов.

Войска, по свѣдѣніям от власти имущих, сбились с ног, да так и должно быть: им надо охранять все, вездѣ и каждую минуту. К какой роли свели гвардію: исполнять роль палачей в столицѣ!

12 января. В городѣ полное спокойствіе, и всѣ вчерашнія тревоги были напрасны; напрасно потратились и магазины на доски для заколачиванія дверей и окон: нигдѣ ничего не тронуту, скопищ не было тоже. Щиты теперь почти вездѣ сняты. Ночью, — я возвращался домой около двух часов, — улицы были освѣщены и пустынные, и только кое-гдѣ патрулировали казачьи разъѣзды по 2—3 человека в каждом. Электричество и газ дѣйствовали повсюду. В обществѣ страшное возмущеніе стрѣльбой. По рукам ходят литографированныя копіи с письма свящ. Гапона ко князю Святополк-Мирскому. Привожу его дословно.

«Ваше Высокопревосходительство!

«Рабочіе и жители г. С.-Петербурга разных сословій желают и должны видѣть царя 9 января 1905 г. в 2 ч. дня на Дворцовой площади для того, чтобы выразить ему непосредственно нужды всего русского народа. Царю нечего бояться: я, как представитель фабричных рабочих, и мы, сотрудники, товарищи и рабочіе, даже всѣ так называемыя ре-

волюціонерныя группы разных направленій, гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он выйдет, как истинный царь, с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук в руки нашу петицію. Этого требует благо его, благо обывателей Петербурга и благо нашей родины.

Иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор еще существует между русским царем и русским народом. Ваш долг, великій нравственный долг, перед царем и всѣм русским народом, немедленно, сегодня же довести до свѣдѣнія его императорскаго величества как все вышесказанное, так и прилагаемую здѣсь петицію.

Скажите царю, что я, рабочіе и многія тысячи народа мирно и с вѣрой в него безповоротно рѣшили идти к Зимнему дворцу. Пусть же он с довѣріем отнесется на дѣлѣ, а не в манифестѣ, к нам».

Подписи.

Затѣм болѣе мелко:

«Копія с сего, как оправдательный документ нравственнаго характера, снята и будет доведена до свѣдѣнія всего русскаго народа».

Прими только царь депутацію, поговори с ней, и какой бы эффе́кт, какую бы популярность сразу создал бы он себѣ! Но вмѣсто этого навстрѣчу мирным людям были пущены штыки и пули... Да... кто идет ко дву с камнем на ногах, тому не вынырнуть! Говорят, что Мирскій настаивал на приѣмѣ депутація, и царь собирался уже ѣхать в Петербург, как вдруг отмѣнил поѣздку.

Газет нѣтъ и сегодня; кстати — единственное сообщеніе, дозволенное Телеграфному Агентству 9 числа в другіе города — именно эта фраза. Даль-

нѣйшія сообщенія Московскихъ газетъ опираются только на «Правительственный Вѣстникъ». Правительство точно думаетъ «скрыть» происходившее на глазахъ у милліона людей. Нѣтъ, залпы 9 января были слишкомъ громки для того, чтобы остаться в тайнѣ! Въмѣсто разумныхъ мѣръ для успокоенія города сегодня выпалили манифестомъ: «признали мы за благо отмѣнить в Петербургѣ градоначальство и учредить генерал-губернаторство»...

Бесъма мудро, но еще почти сто лѣтъ тому назадъ Крыловъ написалъ: «а вы, друзья, какъ ни садитесь, все в музыканты не годитесь!» Къ мудрому манифесту вышло и мудрое дополненіе: бывшій обер-полиціймейстеръ Москвы, недострѣленный там Треповъ назначенъ генерал-губернаторомъ. Повышеніе такой классической фигуры, — это уже издѣвательство и вызовъ всему Петербургу! Мирскій, к сожалѣнію, ушелъ, и власть его пока в рукахъ товарища министра Дурново.

Надо думать, скоро появятся на сцену запоздалыя бомбы. По комъ промахнулась Москва, по тому попадетъ Питеръ!

В Москвѣ, какъ слышно, тоже начинаются забастовки; сегодня знаменитый Татьянинъ день; чѣмъ то порадуетъ насъ матушка первопрестольница?

Рабочихъ на улицахъ не видно почти совершенно; говорятъ, будто бы вся масса ихъ повалила в Петергофъ къ царю; войска исчезли тоже, вѣроятно они стянуты къ мѣстопробыванію Высочайшихъ особъ.

На улицахъ увеличилось количество мужчинъ, просящихъ милостыню — безусловно не профессиональных нищихъ. Это несомнѣнно одинъ изъ результатовъ неудачной забастовки.

Теперь у насъ, можно сказать, дѣйствительно полная свобода печати: «Правительственный Вѣст-

ник» может печатать все, что ему угодно, — опровержений не будет! Этим он пользуется и сообщает, раздѣленные на пять, цифры убійств. Свѣдующіе люди находят, что он дѣйствует еще по-божески.

Отовсюду, начиная с рабочих, слышно о намѣреніи послѣдних расправиться со студентами; что за счеты между ними, опредѣленно не знаю, но озлобленіе на них большое. Чуть ли не им, многіе приписывают даже неудачу дѣла. В общем, думаю, что иностранные корреспонденты, понаѣхавшіе в Питер, «наблюдать революцію» поражены: революціонеры-рабочіе вели себя спокойно и корректно, а буйствовали и безобразили гвардейскіе офицеры и хулиганы. Нда, во всякой странѣ свои обычаи!

13 января. Тихо. Жизнь вошла в обычную колею, хотя по Невскому изрѣдка лѣнливо патрулируют маленькіе отряды городских с околоточными во главѣ. «Революція» кончилась... На стѣнах домов расклеены вездѣ обращенія министра финансов и генерал-губернатора к рабочим, в которых увѣряют, что государь император близко принимает к сердцу интересы рабочих, а потому призывает их возвратиться к работам.

В переводѣ на болѣе понятный языкъ это значит, что будет устроена комиссія для разбора этихъ интересовъ и нужд, в помощь ей дадутъ штукъ пять подкомиссій, и пойдутъ онѣ препираться и переписываться, дондеже свѣтъ стоитъ.

Свящ. Гапон, какъ увѣряютъ теперь, только контужен, и рабочіе скрываютъ его; в городѣ начались аресты, причемъ иныхъ забираютъ и сажаютъ, какъ острятъ, «до отысканія причинъ». Во многихъ гимназіяхъ, напр. у Гуревича, у Стоюниной, у Стеблин-Каменской открыто идутъ сборы на рабочихъ; учи-

теля Тенишевскаго училища и Стоюниной (называю тѣх, о которыхъ мнѣ извѣстно достоверно), бесѣдуютъ с учениками о послѣднихъ событіяхъ, оцѣнивая ихъ, разумѣется, по заслугамъ. Присяжные повѣренные устроили тоже нѣчто в родѣ стачки и рѣшили пока воздерживаться отъ веденія гражданскихъ дѣлъ.

Все это показываетъ, насколько назрѣла потребность въ иномъ режимѣ въ обществѣ.

Да 9 января былъ моментъ, когда Николай II могъ разомъ повернуть курсъ исторіи въ свою пользу; риска съ его стороны не было, но даже если бы и былъ — моментъ требовалъ и стоилъ его! Прими царь депутацію на площади, обставь, приемъ нарочно возможно торжественнѣй и призракъ революціи, которой такъ боится онъ, разомъ бы померкъ и отошелъ вдалѣ. Однимъ ударомъ приобрѣлъ бы онъ популярность и любовь въ странѣ — и онъ этого не сдѣлалъ, не схватилъ чутьемъ того, что висѣло въ воздухѣ, чувствовалось всѣми! Царизмъ проигралъ сраженіе, это несомнѣнно; сколько сторонниковъ онъ разомъ сдѣлалъ врагами себѣ!

Нѣкоторые изъ раненыхъ рабочихъ внѣ себя восклицали: «нѣтъ теперь ни государя, ни Бога!»

Слово «бомба» и сожалѣніе, что онѣ не пущены были въ ходъ, слышится вездѣ, во всѣхъ кружкахъ, даже самыхъ умѣренныхъ; революціонеры увѣряютъ, что движеніе рабочихъ застало ихъ врасплохъ; это — ложь, такъ какъ только мертвые не знали въ Петербургѣ о готовившемся событіи, и только наивное простонародье могло полагать, что все произойдетъ именно такъ, какъ оно хочетъ.

На Маломъ проспектѣ избивали сегодня студентовъ; одни ли рабочіе упражнялись въ этомъ, или

благосклонное участие принимали и другіе — не знаю!

В общем точную цифру убитых и раненых привести нельзя, так как очень многіе были увезены прямо на собственные квартиры или к частным докторам, и узнать о них можно только случайно; во всяком случаѣ, судя по свѣдѣніям идущим со всѣх сторон, количество пострадавших в эти дни надо считать около полуторы тысячи человек и отнюдь не болѣе 2.

Почты из Германіи сегодня не было: почтовые чиновники привезли вѣсть, что там грандіозная забастовка и разрушен путь близ Эйдкунена.

14 я н в а р я. Жизнь вошла в обычную колею; заводы и фабрики начали кое-гдѣ работать.

Город полон разсказов и толков о происшедшем; мрачное и сильное впечатлѣніе производят разсказы лиц, искавших по больницам пропавших близких и видѣвших груды трупов. Только очень и очень немногим «по протекціи» разрѣшено было взять своих покойников из больниц; остальным обѣщали выдать мертвецов в понедѣльник, но когда тѣ явились за ними утром — мертвецкія и сараи были уже пусты: полиція, чтобы избѣжать новых манифестацій, в ночь вывезла всѣх на Преображенское кладбище и похоронила в общих могилах; гдѣ кто зарыт — неизвѣстно. В гробы-ящики складывалось по 4 и болѣе человек; один знакомый, имѣющій родственников, служащих на Николаевской желѣзной дорогѣ, говорит, что убитых вывезено было на Преображенское кладбищѣ сорок вагонов. Так ли это в дѣйствительности, и по скольку человек находилось в этих 40 вагонах — судить не берусь и, если окажется возможным, постараюсь

выяснить в будущем; думаю только, что цифра очень преувеличена.

Высланы за границу два корреспондента-француза, за распространение свѣдѣній, несогласных с данными «Правительственнаго Вѣстника». В послѣднем появилась сегодня телеграмма, произведшая на многих гнусное впечатлѣніе: будто все движеніе рабочих было устроено на деньги Англо-Японскаго союза, приславшаго для этой цѣли в Россію 18 милліонов. Может быть какіе-нибудь кружки, неразборчивые к средствам, и пользовались японскими деньгами, но рабочіе чисты. Кто видѣл их в то время, тот не может сомнѣваться в этом: люди шли за идею, а не подкупленные. Наконец, за разбитіе Петербургских стекол это слишком большая плата; за 18 милліонов можно бы было устроить кое-что посерьезнѣе!

От врачей, лично принимавших у себя на квартирах раненых во время безпорядков, слышал, что раны многих, несмотря на малый калибр пуль, были ужасны; никелевые оболочки на пулях прескверныя, и, надрываясь еще в стволѣ ружья, дѣйствовали как пресловутыя «дум-дум». Война отошла совсѣм на задній план и даже еще дальше; что там творится — никто ничего не знает, да и не хочет знать.

На улицах продаются, кромѣ официальных, московскія газеты и еще какое-то, неизвѣстно когда вынырнувшее на свѣт »Военное Время».

15 января. Вышли почти всѣ газеты; писать что-либо о безпорядках им запрещено, и «Новое Время» прямо заявило, что кромѣ перепечатки из «Правительственнаго Вѣстника» ничего сообщить не может. «Слово» и «Русь», несмотря на это, по-

мѣстили дѣльные передовыя статьи, и, надо думать, попадут на пугундер.

Завтра ожидаются студенческіе безпорядки.

16 января. В редакціях газет «Наши дни» и «Наша жизнь» и у сотрудников их произведены были усиленные обыски; проф. Ходскаго, редактора второй, раздѣли чуть не до рубашки. Газеты эти не выходили до сих пор, так как забраны всѣ статьи и всѣ матеріалы из редакцій. Вѣроятно, Трепов прослышал, что названныя газеты рѣшили пойти на закрытіе и собирались подробно описать событія этих дней, и напечататься притом в огромном количествѣ экземпляров для возможно широкаго оповѣщенія Россіи.

17 января. Никаких студенческих демонстрацій вчера не было. Студенты спѣшно запасаются штатским платьем, так как со всѣх сторон сообщают о случаях избіенія их рабочими.

Знаменитая телеграмма о 18 англо-японских милліонах оказалась фабрикаціей нѣкоего Череп-Спиридовича; Сергѣй расклеил ее в тысячах экземплярах по Москвѣ и только тогда, так сказать с полувысочайшей санкціи, ее напечатали в Петербургѣ правительственныя газеты. Англійскій посол заявил протест и справедливо: в глупости обвинять англичан нельзя!

18 января. Идут усиленные аресты. Арестованы: Максим Горькій, Богучарскій, Анненскій, Пименова, Карѣев, Мякотин и т. д. — цѣлый ряд литераторов.

Утром не прибыла почта из Варшавы; почтальоны, пріѣхавшіе оттуда, передают, что там бунт, и Варшава горит. Все возможно! Наступают словно послѣднія времена государства Русскаго. За что ни хватись — все ползет по швам!

Имѣем газеты, «гласность», а живем, как в лѣсу. В газетах в изобиліи имѣются свѣдѣнія о том, что дѣлает король на Сандвичевых островах, и ровно ничего о том, что творится у нас кругом. Москва и дальнѣйшіе города правду о нас узнают только с «оказіей», письма же по почтѣ не доходят, на что слышатся повальные жалобы. Перлюстрація производится грандіозная. Не доходят даже телеграммы, срочныя и с оплаченным отвѣтом, если касаются событія 9 января: знаю этому примѣры...

Дикія, темныя времена!

19 января. Толки об отказѣ Семеновскаго полка участвовать в избіеніи, по провѣркѣ, оказались миеом.

В «Инвалидѣ» опубликована отставка «по болѣзни» кн. Святополк-Мирскаго.

Среди мрачных исторій нашего времени приходится отмѣчать иногда и перлы высокаго юмора. Так святѣйшій (!) синод «по указу Его Императорскаго Величества» опубликовал и приказал вставить в церковныя ектеньи слѣдующія два прошенія.

1. О еже не помянути грѣхов и беззаконій наших и истребити от нас вся неистовыя крамолы супостатов, Господу помолимся.

2 О еже утвердити в земли нашей безмятежіе, мир и благочестіе, Господу помолимся.

Господа Бога тревожат — Он-де все выслушает, — а на собственный хвост оглянуться нужным не находят!

20 января. Из газет узнал, что вчера государем была принята какая-то подозрительная депутація рабочих... Не лучше ли бы было начать с этого, а главное не припутывать каких-то полити-

ческих тенденцій к дѣйствительным цѣлям дѣйствительных рабочих??. Фраза из рѣчи его: «я вас прощаю» — это верх изумительности! Людей разстрѣляли, избили за желаніе видѣть царя и изложить лично ему свои нужды и их же милостиво прощают за это!!.

По слухам, Гапон находится в Швеціи и уже прислал оттуда прокламаціи к рабочим. Город кипит прокламаціями: есть между прочим «призывы к революціи», подписанныя Горным и Технологическим Институтами.

21 января. Вчера провалился Египетскій мост, но к счастью, никто не убит и не утонул. Судьба, кажется, хотѣла отомстить за петербуржцев; вмѣстѣ с мостом рухнула в Фонтанку часть эскадрона конных гренадер, переѣзжавших рѣку, тоже достаточно-таки отличившихся в битвѣ 9 января. Крушеніе моста надѣлало много шума; что такое был этот мост — говорит катастрофа, а как чинили его, расскажу я со слов подрядчика, три года тому назад умывшаго руки и отошедшаго на покой.

Мост этот нужно было разобрать и поставить новый; вмѣсто этого «на ремонт» его было ассигновано думой 575 р. Но и эта сумма значилась только на бумагѣ, подрядчику же выдали всего 175 р., заставив расписаться в полной суммѣ... правда, зато никакого ремонта с него никто не спрашивал. «И так в Россіи все ведется!» воскликнешь вмѣстѣ с Шекспиром.

Приѣхавшій с театра войны профессор Академіи генеральнаго штаба Колюбакин рассказывает, что настроеніе войск бодро дѣйствительно, а не по газетным версіям; в Куропаткина вѣрят, но у послѣдняго не хватает рѣшимости. Это, впрочем,

видно и из картин бывших уже боев. Интересны отзѣвы о Стесселѣ: «мерзавецъ и трусъ». В Китайскую войну его выручила храбрость Анисимова, командира 12 стр. сиб. полка; в штабѣ знали, что это за гусь, и когда он остался на Квантунѣ главным начальником, Куропаткин, бывшій еще тогда в подчиненіи у Алексѣева, хотѣлъ отозвать его перед самой осадой Артура, но Алексѣев отказал в этом: Стессель умѣлъ заискивать перед ним.

Генералы Фок, Смирнов, Кондратенко — всѣ были в ссорѣ со Стесселем, Смирнов даже не разговаривал с ним, и только Кондратенко, ведшій всю оборону, был между ними связующим звеном.

Записываю этотъ разсказъ, такъ какъ то же самое слышалъ отъ многихъ военныхъ, близко стоящихъ къ дѣламъ Востока.

Какъ мы ведемъ войну и чего стоимъ въ настоящее время, показываетъ слѣдующее: Владивостокъ — истинная крѣпость на Дальнемъ Востокѣ, хорошо укрѣплена съ моря; съ суши же возведены такъ называемыя «временныя» укрѣпленія, т.-е. способныя противостоять лишь полевымъ орудіямъ. Такого сорта формы «найжены достаточными», такъ какъ съ суши мы «не предполагаемъ» возможной осады...

Подъ Портъ-Артуромъ мы «не предполагали» возможнымъ употреблять для осады орудія свыше 6-д., японцы же привезли 11-д., и все пошло къ чорту отъ этихъ «не предполагавшихся» снарядовъ.

Словомъ, за всѣ эти оказавшіяся «непредположенія», намъ наколотятъ шею, и кто же — вчерашніе «макаки», предлагавшіе намъ передъ заключеніемъ договора съ Англіей союзъ, отъ котораго мы отказа-

лись, как от чего-то с величіем Россіи несогласнаго, чуть ли не унизительнаго!

Особенно возмущают военных два факта: отсутствіе в такое особенно страдное время главнаго работника и вдохновителя в их мірѣ — именно начальника главнаго штаба. Очевидно, говорят, эта должность не нужна, раз во время войны, в теченіе почти года не замѣщают ея. Дѣйствительно: с начала кампаніи, т. е. с уходом Сахарова в министры, мѣсто начальника гл. штаба пустоует. В штабѣ идет неурядица, так как кому охота впрягаться в лямку каторжника для того, чтобы по окончаніи войны предоставить это мѣсто другому? А между тѣм, что может быть важнѣе начальника главнаго штаба в военное время?

Затѣм негодуют на замѣщеніе важнѣйшаго в военном отношеніи из генерал-губернаторств—Туркестанскаго, интендантским генералом Тевяшевым, человѣком не только глубоко ограниченным, но и буквально ничего не знающим, кромѣ цѣн на солдатскіе штаны. Всѣ эти «веселенькія» явленія, за которыя потом приходится платиться цѣлой страднѣ, результаты протекцій...

Министром внутренних дѣл назначен бывшій московскій губернатор Булыгин; Трепов, Булыгин все это ставленники Сергѣя Александровича, и хорошаго ждать от них трудно.

Как выясняется, депутація ходившая к царю — простой «ход» перед западом, общественное мнѣніе котораго надо было чѣм-нибудь умаслить. Собрана она была по распоряженію полиціи, явилась во дворец в видѣ толпы безмолвных баранов для выслушанія заранѣе написанной рѣчи, и только... Судя по газетам, пародія эта за границей, ка-

жется, имѣла успѣхъ. Впрочем, развѣ можно в наше время узнать правду из газет??.

22 января. Министръ юстиціи, Муравьевъ, совершилъ новый ловкій ходъ: получилъ назначеніе в итальянскіе послы...

В достопамятное собраніе министровъ, обсуждавшихъ с государемъ вопросъ о конституціи, Муравьевъ отличился наиболѣе консервативной рѣчью; вмѣстѣ с безсмертнымъ кашеемъ Побѣдоносцевымъ они доказали, что государь (это «самодержавный»-то монархъ!) не имѣетъ права ограничивать власть свою.

У революціонныхъ партій Муравьевъ давно занесенъ на черную доску; послѣ же татарской рѣчи его с нимъ рѣшено было управиться, какъ с Плеве, и Муравьевъ былъ извѣщенъ, что имя его стоитъ первымъ в спискѣ осужденныхъ на смерть. Любитель самодержавія, какъ умный человѣкъ, почувалъ, что в воздухѣ дѣйствительно начинаетъ пахнуть бомбами, и увильнулъ в послы, не теряя значенія и положенія, добытыхъ имъ в жизни подобными же ловкими изворотами.

Такъ судятъ о произшедшемъ в обществѣ, и вотъ слова, которыми неизмѣнно сопровождаются разговоры о немъ: «ловкая каналья». Этотъ эпитетъ Муравьевъ имѣлъ полное право включить в гербъ свой!

Сегодня уже в правительственномъ сообщеніи число убитыхъ 9 января (перечислены по фамиліямъ) возрасло до 130. Эта цифра тоже невѣрна, такъ какъ в нее включено еще только одиннадцать неопознанныхъ труповъ, между тѣмъ в дѣйствительности неопознанными осталось не мало, да иначе и быть не могло при спѣшкѣ с похоронами и по многочисленности мѣст, гдѣ были разбросаны мертвые.

23 января. Уволена артистка Императорских театров — Куза.

9 января она проезжала в своей каретѣ мимо стоявшаго отряда Преображенскаго полка и высунувшись из окна, крикнула офицерам: «поздравляю вас с первой побѣдой!»! Ей пустили вслѣд ругательства, а затѣм донесли по начальству, и в результатѣ Кузѣ было предложено оставить трупку.

На театрѣ войны творится, чорт знает что. Поимѣющимся у меня свѣдѣніям из академіи генеральнаго штаба, Гриппенберг дал телеграмму государю, в которой заявляет, что служить болѣе с Куропаткиным и лить понапрасну кровь он не желает и просит уволить его. Поездную битву завязала его армія, одержала уже успѣх, но Куропаткин не только не поддержал, но еще приказал отступить; во время отхода мы потеряли 10.000 чел., между тѣм как атака и взятіе японских позицій обошлась всего в 2.000.

Гриппенберг вызван для личных объясненій к государю.

Так торжественно отправленный на войну, чуть не триумфатором. Скрыдлов явился с нея сильно поджав хвост и, кажется, на этом флангѣ, весь вѣкъ занимавшемся фокусами и саморекламированием, поставлен окончательный крест. Еще болѣе раздутая знаменитость—Стессель выясняется все болѣе и болѣе во весь рост и в самом гнусном видѣ... Как это все больно, как это обидно! Все это очень волнует общество.

24 января. Оттепель. На 28 января ожидаем манифеста, которым будет нам «все» дано, что желаем... так будто бы выразился Трепов и Георгій Михайлович (великій князь). Блажен, кто вѣрует!... А пока, в ожиданіи манифеста, по городу

распространяются неизвѣстно гдѣ напечатанные памфлеты и стихи на царя и царицу.

26 января. На Путиловском заводѣ — пострадавшем болѣе всѣх во время разстрѣливанія, и на резиновой мануфактурѣ опять нелады и забастовка. Рабочіе возмущены приказом Трепова о назначеніи им депутаціи к государю, причем выбрать в депутаты приказано только «из благонадежных», т.-е. по усмотрѣнію полиціи, а не тѣх, кого хотѣли бы рабочіе. Разумѣется, «депутація» эта только и могла, что упасть в ноги и окончательно осрамить их дѣло, к которому свыше, для оправданія себя, так ловко успѣли уже подклеить революціонную подкладку. И как быстро гипнотизируется общество: люди, вчера еще знавшіе истинное положеніе вещей, послѣ увѣренной правительственной лжи, начинают сомнѣваться, а многіе и вѣрят в нее!

Арестованных писателей, профессоров и т. д. выпускают одного за другим. Спрашивается — для чего было сажать их? Для пущаго озлобленія общества?

В учебных заведеніях — говорю про высшія — смута. Рѣшается вопрос об общей забастовкѣ; среди младших курсов недовольство против нея большое, так как, в случаѣ прекращенія занятій в этом году, первые курсы снова должны держать конкурсные экзамены. Трепов вчера, созвав высшіе персоналы институтов и др., заявил им, чтобы было произведено голосованіе среди учащихся относительно продолженія занятій. Если за послѣднее окажется большинство — меньшинство будет исключено, и занятія пойдут своим чередом; если наоборот — всѣ высшія учебныя заведенія будут им закрыты на год, а учащіеся не только навсегда

исключены, но и всѣ высланы из столицы, без права въѣзда в нее.

28 января. В мастерских Варшавской жел. дороги убит рабочими главный мастер; по слухам, на Путиловском подготовлялось убійство цѣлаго ряда мастеров, но кто-то выдал заговор, и мастера успѣли скрыться, а выдавшій и вмѣстѣ с ним еще нѣсколько человѣкъ заплатились жизнью. Так говорят в городѣ, добавляя, что убит Смирнов — злосчастный упрямец, из-за котораго и начал бастовать Путиловскій завод, гдѣ он состоит директором. Около трех часов дня туда спѣшно поскакал конно-гвардейскій эскадрон и жандармы; дѣло там несомнѣнно неладно.

В Казанском соборѣ служили сегодня панихиду по Михайловском; народа, главным образом, всякаго студенчества, набралось гибель; по выходѣ толпа запѣла «со святыми упокой», но была разсѣяна полиціей и казаками; говорят, опять поработали нагайки; но много ли и как — еще не знаю.

Манифеста, разумѣется, нѣтъ как нѣтъ. «Обѣщаннаго три года ждут», говорит пословица. И получают кукиш, добавлю я от себя!

29 января. Мстят Максиму Горькому: по распоряженію властей снимают вездѣ с репертуара новую пьесу его «Дачники». Ставят, говоря иными словами, Горькаго в угол... то-то умники! По городу ходит басня, будто бы в пресловутые дни этого мѣсяца ожидали революцію и уже было выбрано (към?) временное правительство, среди котораго

значился и Максим, вслѣдствіе чего его и арестовали.

3 февраля. На заводах все еще неспокойно, то тут, то там происходят забастовки. Всѣ слои общества, даже московское купечество, дружно высказываются за конституцію; есть адреса к государю, написанные прямо замѣчательно. Начинаются елейно, а кончаются неизмѣнным припѣвом о земском соборѣ. Эти два слова теперь у всѣх на языкѣ.

В Тенишевском училищѣ произошел водевильчик — по плевенским временам трагедія. Среди уроков явился в один из классов министерскій инспектор (училище это в вѣдѣніи министерства финансов) и задает одному из учеников вопрос — что вы проходите теперь по исторіи? Ученик попался, как на грѣх, недалекій. «Об ограниченіи императорской власти в Россіи» — выпалил простофіля.

Конечно, произошло замѣшательство; кто-то усиленно стал подсказывать «в царствованіе Анны Іоанновны», но впечатлѣніе было уже произведено. Инспектор встал и, заявив: «я, вижу, застал вас здѣсь врасплох!» с многообѣщающим видом оскорбленной добродѣтели удалился. Острогорскій (директор) рѣшает теперь шараду: что будет с ним и училищем; оно давно «в подозрѣніи» у начальства; или у бюрократіи, как теперь в модѣ выражаться.

4 февраля. В Москвѣ убит взрывом бомбы главный совѣтник государя, великій князь Сергѣй Александрович. Телеграммы об этом произвели большой и притом радостный эффект в городѣ: «кто будет № 2?» задают вопросы друг другу. Ставленники Сергѣя — Трепов и Булыгин очутились, без почвы под ногами и вряд ли будут долго у власти.

Положеніе Трепова глупѣйшее: сидитъ вмѣсто государя во дворцѣ безвыѣздно, какъ в казематѣ, под охраной сыщиковъ и пр. челяди; какъ будто можетъ все сдѣлать, но в сущности властенъ только над маленькими людьми, а большіе щетинятся, особенно Государственный Совѣтъ.

5 февраля. Сергѣя разорвало на куски... Кинул бомбу субъектъ в рабочемъ костюмѣ лѣтъ 35, говоритъ с иностраннымъ акцентомъ. Работа заграничная, что говорить! И тутъ намъ, видно, «нѣмецъ» потребовался! Петербуржцы не только радуются, но и поздравляютъ друг друга с этимъ убійствомъ. Славную репутацію заслужилъ покойникъ!

Выпущенъ Высочайшій Манифестъ, по обычаю высокопарно надутый и приглашающій всѣхъ соединиться в молитвахъ за упокой души Сергѣя и высказывающій увѣренность, что вся Россія раздѣляетъ скорбь царствующаго дома. Люди радуются, а ихъ скорбѣть зовутъ!

Интересно, какъ будутъ хоронить Сергѣя; в Питеръ везти опасно: хватятъ бомбой в процессію — разомъ отъ всей фамиліи только мокрое мѣсто останется; полагаю, что выдумаютъ благовидный предлогъ и погребутъ его в Москвѣ, гдѣ онъ царствовалъ. И чего ради люди такъ судорожно держатся за власть: живутъ, какъ загнанные звѣри в норахъ, боятся показаться куда-нибудь, дрожатъ передъ каждымъ шагомъ и все-таки не хотятъ поступиться ничѣмъ! Именно «ничѣмъ», такъ какъ в сущности, что такое, какъ не фикція, власть теперешняго государя? — это власть — Плеве — Сергѣя — Маріи Ѳедоровны — Витте и т. д. и т. д... только не его самого. А ужъ имъ ли бы не жить, что называется, в сласть?

Пріѣхалъ с войны Гриппенбергъ.

6 февраля. Высшіе круги возмущены при-

бытіем Гриппенберга; запальчивый генерал кинул, как увѣряют, армію и прискакал в Питер без всякаго разрѣшенія. Поступок смѣлый, и настолько крупный, что надо думать, что у Гриппенберга есть и большія основанія к нему.

7 февраля. На заводах вездѣ работают, но поговаривают, что мы накануне общей желѣзнодорожной стачки; Виндавская дорога уже не работает. Окончательно прекращены занятія и во всѣх высших учебных заведеніях. Оригинальным путем идет у нас революція: забастовками!

Вел. князь Владимір, Марія Ѳедоровна и Трепов говорят, получили и продолжают получать письма с извѣщеніями о приговорѣ их к смерти. Никто из высочайших на улицах не показывается, а еще недавно стоило выйти на Невскій или Морскую, и непременно встрѣтишь кого-нибудь из них.

На три мѣсяца поставлены в угол газеты «Наша Жизнь» и «Наши Дни» за «непрекращающееся вредное направленіе».

8 февраля Грандіозная обще-университетская сходка студентов приняла резолюцію: прекратить занятія до сентября мѣсяца. Такія же вѣсти приходят и отовсюду. Сходка, между прочим, закончилась скандалом: один из студентов вынул красный флаг с надписью: «долой самодержавіе» и воткнул его в громадный портрет государя, стоявшій в залѣ. Затѣм портрет был разодран окончательно.

9 февраля. Завтра «временно» хоронят в Москвѣ то, что осталось от Сергѣя; ни государь, ни братья убитаго присутствовать не будут...

Прощен жившій до сих пор за границей вели-

кій князь Павел Александрович, попавшій в опалу за женитьбу на баронессѣ Пистолькорс.

11 февраля. Воспрещена розничная продажа газеты «Русь». На заводах опять нелады, многіе остановились.

13 февраля. Забастовки охватывают всю Россію; на нѣкоторых желѣзных дорогах прекращается движеніе; на Кавказѣ идет форменная рѣзня; прекратили рейсы в Батум пароходныя общества русскія и иностранныя... Картинка, в общем, размышленія достойная!

Напомнили мнѣ сегодня очень давно слышанный мною рассказ об разговорѣ Николая I с извѣстным Авелем. Николай велѣл его позвать к себѣ и спросил, кто будет царствовать послѣ его сына, Александра.

— Александр, — отвѣтил АVELЬ.

— Как Александр? — изумился император. — Старшаго сына его зовут Николай! (в то время послѣдній был жив и здоров).

— А будет царствовать Александр, — подтвердил АVELЬ.

— А послѣ него?

— Послѣ него Николай.

— А потом?

Монах молчал; царь повторил вопрос.

— Не смѣю сказать, государь, — отвѣтил тот.

— Говори!

— Потом будет мужик с топором! — сказал АVELЬ.

Рассказ этот я слышал еще мальчиком в царствованіе Александра II.

Не грядет ли и впрямь царство мужика с топором?

Интересно, как широко охватила идея освобожденія не только всѣ классы, но и всѣ возрасты: в гимназiи Стоюниной по полученiи извѣстiя о смерти Сергѣя, священник рѣшил отслужить панихиду и на урокѣ заявил об этом классу, добавив, что это долг всѣх вѣрнопопданных.

«Совсѣм мы не вѣрнопопданныя!» дружно закричали дѣвочки (лѣтъ 14—15), и ни одна на панихиду не явилась. У Гуревича вышло еще проще: на приглашенiе идти в церковь гимназисты отвѣтили, что если будут служить молебен по случаю происшедшаго, то они пойдут, на панихиду же идти не желают. И не пошли.

Свѣдѣнiя эти безусловно вѣрныя.

Среди забастовок есть и курьезныя: забастовала... консерваторiя. Требования ея сводятся к уменьшенiю платы, и праву бесплатнаго посѣщенiя опер (это тогда только для них одних Марiйинскiй театр существовать будет!) и т. д. Единственный разумный пункт, кромѣ перваго, — требованiе вѣжливаго обращенiя со стороны профессоров и профессорш, позволяющих себѣ отпускать учащимся «дураков» и «дур» и сравнивать их по таланту с коровами и другими, столь же музыкальными особами.

16 февраля. Приѣхал Стессель; у Знаменья и на противоположной сторонѣ Невскаго стояли небольшiя кучки народа, замѣчался усиленный наряд полиции — и только. Ничего подобнаго встрѣчѣ «Варягов» и «Корейцев»... На вокзалѣ его привѣтствовали разные «предсѣдатели», но в общем все прошло незамѣтно... Бросалось только в глаза полное отсутствiе моряков; между послѣдними и стесселевцами идет какая-то вражда, но из-за чего, почему — неизвѣстно.

Почтампт во взбудораженном настроеніи: в экспедиціи его подкинули прокламаціи с угрозами взорвать зданіе, если к 19 февраля всѣ не забастуют. Многіе этой ерундѣ вѣрят и сильно встревожены; трусит между прочим и Ермолай и шатается по экспедиціям в неурочные часы для поддержания бдительности в своих подчиненных.

17 февраля. На 19 число ждем чего-то грандіознаго во всѣх отношеніях. Со всѣх сторон говорят о новой забастовкѣ, о серьезных погромах и стычках с оружіем в руках против войск. Обѣщана даже новая Вареоломеевская ночь. Каково настроеніе у многих — можно себѣ представить; всякій слух принимается на вѣру, и достаточно будет произойти пустяку, чтобы вспыхнула паника.

20 февраля. Полное спокойствіе. Ночи на 18 и на 19 дворники во всѣх домах под командою старших просидѣли спрятанные за воротами; войска были наготовѣ тоже, но и 18 и 19 — сорочки 9 января — прошли тихо, несмотря на многочисленныя прокламаціи, усердно разбрасывавшіяся по заводам и в которых всѣ призывались к возмездію «Николаю Кровавому».

Этой ночью Петербург казался вымершим: на сравнительно оживленном всегда Невском и пр. улицах совершенно не встрѣчалось обычных путников из интеллигенціи; изрѣдка попадался кое-кто из простонародья. Так напуганы питерцы обѣщаніем Вареоломеевской ночи!

26 февраля. В 4 ч. утра сегодня в меблированных комнатах «Бристоль», что против Исаакиевскаго сквера, произошел взрыв. Выбиты рамы и стекла во всей срединѣ дома, причем особенно сильно пострадал второй и первый этажи. В 10 ч.

утра я проходил мимо; проѣзд для экипажей около дома закрыт конной полиціей; окна спѣшно исправляются. Передают, будто виновник взрыва — какой-то субъект в формѣ студента; катастрофа произошла в его комнатѣ; есть убитые и раненые, так как разрушены и сосѣднія комнаты в обоих этажах. Вѣроятно, приготовлялась бомба, угодившая в самого автора...

На войнѣ новый разгром: взят японцами Мукден, сожжены наши миллионные склады и т. д., и т. д.

4 марта. Высочайшим приказом смѣщен Куропаткин и назначен Линевиц.

6 марта. Носятся слухи об арестах в Пажеском корпусѣ. Взрыв в «Бристолѣ», разорвав на куски виновника и превратив в щепки всю комнату, случайно не тронул чемодана, в котором отыскались переписка и разные бумаги, указавшія на прикосновенность к дѣлу камер-пажа, фельдфебеля роты Его Величества, Верховскаго. При обыскѣ у послѣдняго нашли будто бы бомбы... Кромѣ него, говорят, арестованы и посажены в Петропавловку еще три паж.

9 марта. Уже недѣли двѣ или болѣе, как измѣнены (безо всякаго оповѣщенія публики) бандероли на папиросах: с них исчез государственный герб — орел. Это подало повод к толкам, что акциз с табака и винный негласно проданы правительством Ротшильду. Говорят об этом усиленно.

14 марта. Слух об арестѣ в Пажеском корпусѣ подтверждается. Биржа угнетена страшно, и рента наша опустилась еще. Объявлен новый заем по курсу 96 за 100 и $5\frac{1}{2}\%$ заем этот внутренний, так как вышній не удался... между тѣм заем японцев прошел с успѣхом! Вѣсти со всѣх сторон плохія: в Варшавѣ пошли в ход бомбы, в десятках

других городов — стрѣльба губернаторов, полицеймейсторов и даже городских. Мужики грабят помѣщиков; словом, разлад и безпутица полнѣйшія... Настроение у большинства какое-то устало-подавленное: нервы притупились. Всѣ разговоры, сходки, волнения наши, порывы — все это толчение воды в ступѣ! Уж теперь ясно видно, что пресловутая конституція будет простое надувательство, «обман глаз», как говорит народ, и ничего болѣе. Ждать пути приходится только от бомб и только на них и начинает раасчитывать все большее и большее число людей. Указывают на май мѣсяц, как на срок наступления революціи; я в это не вѣрю — слишком много называли нам сроков, и ничего в эти сроки не было!

17 марта. Около 1¹/₂ ч. дня на Морской произошло загадочное событіе. Трое одѣтых в штатское платье проходили мимо стоявшаго на углу Почтового пер. посыльнаго; один из них толкнул его; посыльный огрызнулся, и в ту же минуту двое других штатских разом схватили его сзади. Посыльный успѣл вырвать из своего кармана револьвер и сдѣлал два выстрѣла, но оба впустую. В ту же минуту у мѣста свалки оказалась карета; в нее втиснули схваченнаго, и всѣ трое штатских умчались с ним. Оказалось, что штатскіе были сыщики и уже два дня выслѣживали посыльнаго. Исторія послѣдняго такова: нѣсколько дней тому назад на упомянутом углу появился новый посыльный; мѣстные артельщики стоявшіе на противоположном углу, конечно, сейчас же примѣтили коллегу, но никто не знал его. На другой день они дали знать в полицію, что появился самозванец в формѣ их артели; учредили за ним надзор, и посыльный оказался совсѣм другой птицей. Кого караулил

незвѣстный — не знаю; говорят, будто Трепова, который впервые за все время сегодня рѣшился, наконец, выѣхать в Государственный Совѣтъ.

Придет же в голову нелѣпая затѣя переодѣваться в форму артельщиков, знающих друг друга на перечет, и помѣщаться перед глазами у них! Не богат мозгами, видно, попавшійся.

18 марта. Из двух источников слышал, что на наслѣдника, маленькаго Алексѣя, произведено было покушеніе. По одним версіям его хотѣли украсть, по другим задушить, причем мамка явилась спасительницей его. Преданіе свѣжо, а вѣрится с трудом!

21 марта. Говорят, будто на Морской в Трепова стрѣляли, но неудачно. Не преувеличили ли молва происшествіе на уг. Морской и Почтамскаго пер.? Даже количеством выстрѣлов они сходятся.

Всюду толкуют о близкой революціи, политическіе разговоры просто оттошняли: гдѣ собрались двое, там уже идут горячіе дебаты о политикѣ; вся Россія, можно сказать, состоит теперь из министров!

3 а прѣля. Многіе с тревогой ждут наступленія мая; со всѣх сторон на него указывают, как на мѣсяц, в который должна произойти революція. Так ли или не так, только правительство, видимо, готовится к худшему; с Дона, напр., выписаны еще казаки, ни одна гвардейская часть не посылается на войну и т. д. Слышал, что рабочіе вооружены чуть не поголовно; деньги и оружіе будто бы в большом количествѣ непрерывно идут к ним из-за границы. Вообще толков и арестов много; многіе обыватели намѣреваются покинуть Питер и переселиться на дачи до 1 мая; дачи в Финляндіи идут

нарасхват, так как только эта окраина признается теперь наиболее безопасной от грядущаго террора.

Не мало разговаривают о каком-то загадочном происшествіи: застрѣлился молодой гвардейскій офицер и двѣ родственницы, кажется, племянницы Трепова; причина — открытіе их участія в чем-то политическомъ.

6 апрѣля. Все сильнѣе разгораются толки о грядущихъ безпорядкахъ. Срокъ наступленія ихъ перенесли уже на первый день Пасхи, и намѣченными жертвами называютъ не болѣе и не менѣе, какъ всю питерскую интеллигенцію. Слухи объ этомъ ходятъ повсюду; многіе уѣзжаютъ, другіе собираются выѣхать изъ города; общее настроеніе тревожное. Слышалъ, будто бы нѣсколько лицъ, пользующихся нѣкоторой популярностью среди рабочихъ, получили анонимныя дружескія предупрежденія отъ нихъ; затѣмъ будто какая-то дама, учительница, встрѣтила в глухомъ мѣстѣ вечеромъ босняка и на просьбу его о милостынѣ дала ему, со страха, все, что имѣла съ собой — рубль. Босняка, оказавшагося безмѣстнымъ рабочимъ, это такъ тронуло, что онъ в видѣ благодарности сообщилъ учительницѣ, что на первый день будутъ избиенія, и она хорошо сдѣлаетъ, если оставитъ городъ на всю Святую.

10 апрѣля. Весь городъ говоритъ о близкихъ избиеніяхъ; увѣрятъ, что народъ будетъ врываться в квартиры и избиваютъ интеллигенцію на подобіе Пскова и др. мѣст. В литературныхъ кружкахъ заявляютъ, что избиеніе это организуетъ полиція и страдаютъ наиболѣе непріятныя правительству лица.

14 апрѣля. Погода теплая и хорошая. Вчера заговорили о тревожащихъ всѣхъ слухахъ «Биржевыя Вѣдомости»; сегодня отозвались «Петербург-

ская газета» и «Русь»: в Думу сдѣланы запросы, какія мѣры примет город для предотвращенія погромов.

Лично я в возможность их не вѣрю; Петербург не Кишинев, и правительству устраивать Варфоломеевскія ночи не время; хулиганству же, на которое, между прочим, тоже указывают толки — такая затѣя не по плечу: интеллигенціи здѣсь все же больше, чѣм их братіи.

В общем — огромное большинство общества сильно утомлено политиканством, во многих домах гостям ставят условія — о войнѣ и политикѣ не говорить. И правильно!

Осточертѣли всѣ эти нелѣпые толки вкривь и вкось; проку от них нѣтъ, а только одно раздраженіе и надсадка ушей и горла. Нервничаем всѣ сильно.

15 а прѣл я. На улицах расклеены объявленія Трепова, призывающія обывателей успокоиться и завѣряющія, что слухи об избіеніях ложны, и что всякая попытка к чему-либо подобному будет немедленно энергично подавлена.

16 а прѣл я. На перекрестках усиленное количество полиціи: во дворах многих домов поставлены отряды солдат; вѣсть об этом подѣйствовала успокоительно.

17 а прѣл я. Вот и 17 число... Вездѣ тихо и мирно, хотя пьяных хоть пруд пруди с самаго утра. Полиція расправляется с ними энергически. «Ташши» и «непушай» сегодня дѣйствует в полной силѣ, да оно так и слѣдует: в праздники из Питера хоть уѣзжай, до того отвратителен он со своими потоками пьяных людей на тротуарах, заражающих воздух запахом водки и сверхъестественными ругательствами!

Но наканунѣ большихъ праздниковъ, особенно Пасхи, Питеръ интересенъ.

Я всегда встрѣчаю Свѣтлый Праздникъ на улицѣ; кто хочетъ получить настоящее настроеніе, хочетъ ощутить душой праздникъ, тотъ не долженъ идти въ церковь. Домовыя церкви, куда устремляется большинство интеллигенціи — это выставки нарядовъ и противны онѣ донельзя; прочіе храмы всё до единого способны привести въ изступленіе: тѣснота в нихъ страшная, давка самая безцеремонная, пихаютъ васъ какъ на рынкѣ и, разумѣется, тамъ ужъ не до настроеній!

Въ прежніе года я ходилъ обыкновенно въ Александровскую лавру и изъ сада слѣдилъ за службой. Голоса едва долетаютъ въглубь старыхъ березовыхъ аллей, вокругъ церкви толпится народъ съ безчисленными звѣздочками огней въ рукахъ, на колокольнѣ ярко пылаютъ смоляныя бочки, фантастически озаряя бѣлыя стѣны и колокола.

Наконецъ изъ дверей церкви, склоняясь, показываются хоругви; это красивѣйшія минуты — выходитъ крестный ходъ, раздается торжественное «Христосъ Воскресе».

Вчера очень удалаться отъ дома я не рѣшился, хотя и плохо вѣрилъ толкамъ. Прошелъ къ Смольному монастырю, оттуда вернулся по Суворовскому проспекту.

Извозчики, конечно, отсутствовали совершенно, по обѣ стороны непрерывно лилъ народъ; встрѣчалось довольно много солдатъ и, кое-гдѣ, офицеровъ. Нѣкоторые шли весьма медленно и, дойдя до 2-ой улицы, поворачивали обратно къ Смольному: вѣроятно въ эту ночь были наряжены негласные патрули...

На улицах у церквей вездѣ устроены длинныя скамьи для священія пасхъ; особенно красива была площадь вокруг церкви Рождества Христова, вся полная народом и огоньками; почти у всѣх в руках были пасхи и куличи. В церковь, конечно, протискаться нечего было и думать!

Начал накрапывать дождь и я вернулся домой.

30 а пр ѣ л я. Видѣл скверно напечатанныя пишущей машиной прокламаціи, вѣрнѣе воззванія «революціоннаго комитета», призывающія к оружію на завтра. Воззванія эти найдены подобранными на парадных лѣстницах; написаны онѣ глупо и все еще твердят про «январскую кровь»... Питерцы уже поостыли к ней; впечатлѣнія так долго здѣсь не держатся!

С е н т я б р ь. Срамная война с Японіей срамно и окончена: мы отдали половину Сахалина, Манчжурскую дорогу и т. д., и т. д. Мир ратификован. Ни одной побѣды, ни одной свѣтлой страницы, на которой бы мог отдохнуть глаз! Разнузданность, воровство, бездарность — вот с чѣм выступили мы в борьбу со сплоченным народом. Как и Крымская война, эта открыла нам глаза, но вопрос всѣм ли и надолго ли? Уроки Крыма забыты были очень скоро!

2 о к т я б р я. Хоронили ректора Московскаго университета князя С. Трубецкаго. У клиники Елены Павловны собралась огромная толпа; впереди колесницы выстроились безконечныя пары студентов и разных учащихся с вѣнками; полиція почти отсутствовала и порядков не наводила, а потому он был образцовый. Шествіе тронулось на Суворовскій проспект. Я шел почти сейчас же за гробом, но мало-по-малу отстал. Толпа пѣла «коль славен», но крайне нестройно; в одном мѣстѣ пѣ-

ли начало, в другом конец, а в третьем совсѣм иное.

Против Николаевской академіи вдруг раздались крики, вопли, и толпа, как безумная, шарахнулась к тротуарам; многіе бросались и влѣзали на желѣзную ограду. Оказалось, что жандарм, слѣдовавшій близ гроба и на котораго начали кричать из толпы: «долой полицію, вон сволочь» повернул лошадь и поѣхал прочь. Ближайшіе, думая, что он хочет напасть на них, перепугались и произвели панику в задних рядах. Кое-как всѣ успокоились, шествіе пошло дальше; часть студентов — вѣроятно распорядителей — шедшая близ гроба, опять заплѣла «коль славен», позади раздалась марсельеза и «Вы жертвою пали». Жандармы исчезли окончательно и поступили умно.

Когда вышли на Невскій, гроб уже сворачивал к вокзалу. У забора, ограждающаго до сих пор мѣсто будущаго памятника Александру III, виднѣлись шапки и султаны отряда конной полиціи; мы протѣснились до площади, но дальше пройти возможности не было. Гроб уже скрылся, но всѣ стояли и чего-то ждали.

Очень насмѣшила какая-то женщина — в родѣ лавочницы; протискиваясь она назад мимо нас и во все горло заявила: «вот так погребали, с пѣснями!» Это было так вѣрно и так забавно, что всѣ кругом засмѣялись.

Сейчас же позади нас раздалось пѣніе марсельезы; в революціонных пѣснях, главным образом, слышались женскіе голоса. Как бы в отвѣтъ на это из-за угла, со стороны Гончарной, показался эскадрон конных жандармов; я успѣл выбраться направо к тротуару и стать под защиту желѣзнаго фонарнаго столба. Эскадрон доѣхал до Сѣверной

гостиницы; рыжій подполковник, ведшій его, командовал перестроеніе; блеснули обнаженные шашки, и жандармы тихой рысью, почти шагом, по три в ряд, двинулись на толпу. Что тут произошло — неописуемо! С дикими воплями, не видя ничего ринулось все в стороны; на тротуарѣ близ нас нѣсколько человекъ упало; моментально образовалась на них цѣлая гора, и по ней неслись студенты, курсистки и т. п. Слышался плач, визг, треск ломавшейся зеленой ограда вокруг насаженных там деревьев; люди лѣзли на них, бросались к дверям домов, куда попало. Напрасно десятки голосов, в том числѣ и я — кричали: «стойте, стойте, ничего нѣтъ!» — паника продолжалась.

Тѣснимые безусловно никого не трогавшими жандармами, мы выбрались переулочком на 1-ю Рождественскую улицу, и я направился домой. По дорогѣ вездѣ царило смятеніе: спѣшно запирались и даже заколачивались ворота и двери домов, и торговцы с лотками товаров тѣтено стучали в них и молили о впускѣ. Жена увѣряла меня, что были 2 выстрѣла; я слышал треск, но увѣрен, что это трещала деревянная ограда около деревьев.

И вот такая-то братія, нервы которой не могут выдерживать блеска обнаженных сабель, идет устраивать демонстраціи! Кстати, сказать, толпу составляла почти сплошь интеллигенція, простонародье было в видѣ единичных исключеній.

4 октября. Газеты полны описаніями похорон Трубецкого; тон возвышенно-лирический, особенно у «Руси»; в дѣйствительности же процессія производила даже на нас, участников, далеко не то впечатлѣніе. Шла огромная орда непонимавших друг друга людей, шла прилично и нестройно распѣвала разные пѣсни. Увѣренія, что были 2 вы-

стрѣла из толпы в жандармов, слышал от нѣскольких лиц; возможно, конечно, но я их во всяком случаѣ не различил, да и зачѣм же было устраивать такую пальбу.

7 октября. Газеты сплошь заняты телеграммами из разных городов Руси о забастовках, демонстраціях, и п. д. Вездѣ на сценѣ войска, патрули и артиллерія. Гражданская война разгорается все больше и больше.

11 октября. Разрастается желѣзнодорожная забастовка.

12 октября. Питер отрѣзан от всей Россіи; всѣ желѣзныя дороги, кромѣ отказавшейся примкнуть к движенію Финляндской, забастовали. На Николаевской дорогѣ, около Фарфоровскаго полустанка, разобранъ путь. По городу распространяется паника; увѣряют, что сегодня вечером прикроются и забастуют всѣ магазины, и достать что-либо будет немыслимо. Колбасныя, булочныя, бакалейныя и т. п. осаждаются покупателями; всѣ дѣлают запасы провизіи. Цѣна на мясо шагнула с 16 на 22 коп. за фунт.

Всѣ среднія учебныя заведенія закрылись; распустили сегодня и мы свое коммерческое училище. Нѣкоторыя дѣвочки остались у нас, так как живут на Обуховском заводѣ и попасть туда нѣтъ возможности. Ожидаем больших безпорядков, и, конечно, дѣтям на улицах теперь лучше не показываться.

14 октября. Окна магазинов заколочены досками и щитами; электричество сегодня не дѣйствует. Внутри магазины тускло освѣщены или парой свѣчей, или какой-нибудь грошевой лампочкой; все имѣет такой вид, что при первой тревогѣ

остается только захлопнуть дверь, задуть огонек, и получится нѣчто в родѣ крѣпостцы.

15 октября. В Питер подходят войска из окрестностей; говорят, пришла пѣхота из Пскова и гвардейская кавалерія из Царскаго. На улицах то и дѣло проѣзжают кавалерійскіе разъѣзды; ворота домов заперты; за желѣзными рѣшетками их, видны сидящіе в косматых шубах дежурные дворники.

Газет сегодня нѣтъ. Это — вторичная забастовка их в этом мѣсяцѣ; в первый раз онѣ, трехдневными прекращеніями работ выражали свою солидарность с московскими типографіями.

Царь находится в Петергофѣ, и там же стоит под парами императорская яхта «Полярная Звѣзда», готовая принять его и отплыть в Данію. Мѣсто зловѣщее: вспомнил бы он Петра III и попытку его уйти в море!..

На углах улиц еще вчера вывѣшены объявленія Трепова, успокаивающія населеніе, причем добавлено, что всякая попытка к безпорядку будет немедленно подавлена; войск достаточно, и им приказано холостых залпов не давать и патронов не жалѣть.

Любопытен слух о забастовкѣ конных городских; их, дѣйствительно, что-то совершенно нигдѣ не видно.

Магазины торгуют без перерыва; нѣмецкіе булочники остались совершенно без дрожжей и командировали в Выборг одного из своих. Тот привез 15 фунтов, болѣе не мог раздобыть; на весь город это слишком маловато!..

16 октября. На улицах тихо и малоллюдно аптеки вездѣ позабиты наглухо досками, так что появилось правительственное сообщеніе о том, что

нуждающимся в лекарствах таковыя будут отпущаться из госпитальных аптек. Говорят, вчера были разгромлены три частныя, не желавшія бастовать. Вообще забастовки наши далеко не дружныя; бастует меньшинство, и только террором заставляет примкнуть к себѣ остальную массу. Невскій проспект вчера вечером и ночью освѣщался прожектором, установленным на Адмиралтейской башнѣ; эффект замѣчательный.

Вечер. Электричество капризничает: то на улицах темнота, то вдруг затрешат и вспыхивают фонари и опять гаснут через нѣкоторое время. Очевидно, на мѣстах производств идут свалки и одолевает то одна, то другая сторона. Прожектор освѣщает Невскій и сегодня, но нынче он какой-то желтый и освѣщает сквозь дождь плохо: будто какой-то огромный ярко желтый глаз глядит из мглы и тумана.

Ходят толки, что «революція» произойдет 20 числа, теперь же будто бы всѣ рабочіе и революціонеры запасаются оружіем. Вся эта, хотя бы и вооруженная банда, конечно, и гроша мѣднаго не стоит перед регулярными войсками, и весь вопрос в том, на чьей сторонѣ будут они. Старшій д-р л.-гв. Гусарскаго полка, А. И. Воскресенскій говорил мнѣ, что даже за этот полк ручаться нельзя: солдаты толкуют, что «конечно, что говорить — нехорошо это они (т.-е. рабочіе) дѣлают, только как тоже в своих-то стрѣлять?» Словом, часть войск вѣрна правительству, другая ни шатка, ни валка, примкнет к тому, кто будет энергичнѣе, а третья намѣрена стрѣлять в тѣх, кто станет стрѣлять в народ. Это слова какого-то офицера, сказанныя им на митингѣ в университетѣ среди многочислен-

ной толпы; погоны офицера были при этом закрыты платками.

Кстати, на том же митингѣ произошло слѣдующее: какой-то господин попросил слова и предложил всѣм записать то чрезвычайно важное, что он имѣет сообщить. Кто мог, достали карандаши и бумагу, и неизвестный продиктовал толпѣ рецепт бомб и исчез.

17 октября. Тревожное настроеніе усиливается. В редакціи «Всходов» слышал, что было совѣщаніе газетныхъ представителей Петербурга и всѣх, кромѣ князя Ухтомскаго (редактор «С.-Пб. Вѣдомостей») и еще какой-то маленькой газетки, рѣшили слѣдующее: газетамъ завтра выйти, причемъ с цензурными правилами болѣе не сообразоваться и устроить между собою круговую поруку и поддержку на случай закрытія газетъ правительствомъ. «Союзъ союзовъ» разогнанъ; Политехникумъ Треповъ приказалъ очистить отъ студентовъ (тамъ огромное общежитіе) в 24 часа и пригрозилъ, в случаѣ сопротивленія штыками. Всѣ высшія учебныя заведенія заняты войсками и пулеметами; увѣряютъ, будто царь слышать не хочетъ ни о какихъ уступкахъ, и в верхнихъ кругахъ твердо рѣшили «залить революцію кровью». Похоже на ерунду, но тѣмъ не менѣе записываю, такъ какъ об этомъ усиленно твердятъ в городѣ, увеличивая общую тревогу. Рассказываютъ, будто морской министръ Бирилевъ, поѣхавшій на Черное море, взорвался или взорванъ с какимъ-то броненосцемъ, а остальная взбунтовавшаяся эскадра ушла, неизвестно куда.

Забастовали, т. е., вѣрнѣе, распущены чиновники Государственнаго Банка: остановился, можно сказать, послѣдній жизненный пульсъ Руси.

Забастовала и Финляндская желѣзная дорога вплоть до Гельсингфорса. Питер теперь отрѣзан совершенно.

В министерствъ произошли тревоги: в Департамент Государственнаго Казначейства явились сегодня трое каких-то господ (двое узнаны — какой-то присяжный повѣренный и помощник присяжн. пов.). Шипов (директор) вышел к ним в коридор, и они предложили ему от имени «временнаго новаго» правительства прекратить занятія и распустить чиновников. Шипов крикнул на них: «вон отсюда», и послал за стражей. «Временное» правительство быстро ретировалось.

В зданіи, гдѣ д-т Шипова, помѣщается цѣлый ряд их; мгновенно о случившемся узнало все чиновничество, высыпало в коридоры и зашумѣло. Стали раздаваться голоса — какое право имѣл Шипов отвѣчать так за всѣ департаменты и т. д. Начало становится довольно бурно, но... появился Федоров (начальник отдѣла торговли), и чинуши попритихли; на просьбу о сходкѣ Федоров отвѣтил рѣшительным отказом, но добавил, что в виду тревожнаго времени, кто боится за себя или за семью свою, тот может не ходить на службу.

В Государственном Контролѣ директор созвал своих начальников отдѣленія и сказал то же самое, прибавив при этом, что сам он будет оставаться на своем посту до тѣх пор, пока его не удалят силой, но чиновников своих подвергать этому не хочет, и оставляет поэтому за ними полную свободу дѣйствій.

На улицах тихо. Окна магазинов попрежнему заколочены, но торгуют вездѣ, кромѣ аптек и газетчиков. Эти политических забастовок устраивать права не имѣют!

Электричество дѣйствует почти повсюду.

18 октября. Ура! Мы свободные люди!!

Вчера был в гостях у Сиверса (члена ученаго комитета Министерства Финансов): вдруг за ужином раздается звонок; хозяин выпел посмотреть, кто пожаловал, и быстро возвратился с листком в рукѣ.

— Господа, манифест!

Дважды прочли его и от души чокнулись за новую Россію. Нашлись и в нашем небольшом кружкѣ скептики, но в общем шаг вперед сдѣлан, и большая тяжесть свалилась с души!

Ночью возвращался от Сиверса по Невскому; вездѣ горѣло электричество; по тротуарам и за извозчиками бѣгали мальчишки, размахивавшіе листами бумаги и выкрикивавшіе: «манифест! Высочайшій манифест!»

Сегодня на улицах вывѣшены флаги, на углах у расклеенных манифестов толпятся кучи прохожих. День сѣрый и тусклый.

Говорят, что сегодня Николай пріѣзжает из Петергофа в Зимній дворец, и что манифест этот дѣло рук Витте, который читал несчастному императору, чуть ли не цѣлыя сутки исторію французской революціи с російскими комментаріями.

Ночью, оказывается, не обошлось без происшествій. Около часу все бывшее на Невском бросилось на Загородный к Технологическому институту: в нем студенты устроили форт Шаброль, и их опѣнили войска. В эти войска из института бросили бомбу, убили городского и извозчика; солдаты отвѣтили залпом.

Затѣм — только что появился на улицах манифест — на углу Литейнаго и Невскаго остановился какой-то субъект и, собрав вокруг себя зна-

чительную толпу, начал говорить, что «нѣтъ, теперь уж этого нам не нужно! Мы должны вести революцію до конца и т. д.». Там же мирно присутствовали пристав и два околоточных. Очевидно, слышавшій эту рѣчь А. Беграмов, струсил, как сам признался, и поспѣшил скорѣй прочь.

12 часов дня. На Невском большое оживленіе; тротуары забиты народом. Конок все-таки нѣтъ. Николаевскій вокзал закрыт; движеніе поддерживается только частными omnibusами. На углу Невского и Дегтярной я и шедшій со мной А. И. Воскресенскій были свидѣтелями любопытной сценки. Видим там небольшую толпу; нѣкоторые из нея (было все простонародье) кричат: «мерзавец! Палкой бы его подлеца по головѣ. Манифест смѣет поворить!».

Оказалось, что какой-то субъект, прочтя прибитый к стѣнѣ манифест, обругал его, за что едва не поплатился боками и должен был удирать во всю прыть.

2 часа дня. Поѣхал с женой на Невскій проспект. Люди и экипажи запрудили его совершенно. Извозчик сообщил, что с заводов прибыли 2 парохода с рабочими, и что сегодня утром он был очевидцем, как у Технологическаго института гусары изрубили за что-то саблями какого-то господина: он получил три раны в голову.

На Невском у угла Суворовскаго мы встрѣтили толпу рабочих, о которых сообщил извозчик. Впереди шли дѣти, было много простых, но чисто одѣтых женщин; мужчины производили опрятное, хорошее впечатлѣніе. У всѣх на лѣвой сторонѣ груди алѣли красные банты из лент; над процесіей развѣвались два небольших, складных, красных флагов.

Тѣснившіеся по тротуарам прохожіе махали шапками и кричали ура. Шествіе отвѣчало тѣм же. Как-то странно и радостно было видѣть эти красные флаги, банты, еще вчера бывшіе под жесточайшим запретом, а сегодня мирно и безпрепятственнодвигающіеся по городу! Николаевскій вокзал открыт; около него, как всегда, бѣлѣли ряды носильщиков, подѣзжали извозчики с кладью и пассажирами — дорога, очевидно, работает.

На углу Владимірской мы свернули с Невского и направились к Технологическому институту: я хотѣл провѣрить рассказы о творившемся там. Нѣсколько окон института со стороны Загороднаго проспекта пробиты пулями; дырки в стеклах второго этажа виднѣлись чрезвычайно отчетливо, но их очень немного, не болѣе трех. Против подѣзда стояла полурота гвардейской пѣхоты; из-за стекол закрытаго подѣзда выглядывали солдатскія лица и виднѣлись штыки. Толпа вокруг стояла значительная; около подѣзда и на тротуарѣ тѣснилась самая разношерстная публика. Мы сошли с извозчика и вмѣшались в нее. Один из технологов разъяснил, что в институтѣ заперты под караулом 83 студента и 2 профессора; из окна института была брошена бомба, «никого не убившая и, несомнѣнно, провокаторская». Ночью пріѣзжал в институт Витте для разбора происшедшаго, и теперь арестованных держат до «выясненія дѣла». Около нас, конечно, сейчас же собралась порядочная группа, один — брюнет, довольно посредственно одѣтый, нѣчто вродѣ рабочаго, сообщил, будто в Путиловцев сегодня опять стрѣляли.

«Одной рукой дают, другой берут. Вот вам и манифест!» слышались негодующіе голоса.

Мѣста, гдѣ произошел взрыв бомбы, я не мог

найти — никаких слѣдов поврежденій мостовой нѣтъ, или же оно было занято солдатами. Послѣдніе в отвѣтъ на бомбу стрѣляли, но как я уже говорил, слѣды пуль на окнах единичны, и из студентов никто не ранен.

Окружавшіе нас говорили, что у Казанскаго происходит митинг, на который навалилась «черная сотня», что там идет побоище, и присылали просить помощи.

Мы с женой сѣли на извозчика и направились туда. Сквозь коллонаду собора увидали двигающіеся по Невскому флаги; их было семь: два бѣлых с черными надписями «да здравствует свобода и царь» и пять обычных, торговых цвѣтов. За флагами валила огромная толпа любопытных; митингов и драк не было и слѣда. Мы вмѣшались в толпу и послѣдовали за процессіей; флаги свернули на Морскую, к Зимнему дворцу и остановились перед средними воротами. Раздалось пѣніе «спаси Господи люди твоя», затѣм ура; в воздух полетѣли шапки, замахали руки, платки. Толпа, притиснувшись к самым воротам, из-за запертых рѣшетчатых створ чернѣли косматыя шашки гренадер. Толпа занимавшая все пространство между дворцом и колонной, состояла почти сплошь из простого люда, рабочих, лавочников и т. п. Один полный, бородатый старик плакал, пѣли от души. Зазвучал гимн, опять «спаси Господи», ревѣли «ура» — царь не показывался. Большой он враг себѣ, царь Николай! Позади, ближе к колоннѣ и дальше, тѣснились не участвовавшіе в демонстраціи: там публика была отборнѣе; окна департаментов, что против дворца, форточки — все было открыто и отовсюду высовывались головы чиновников.

Флаги двинулись наконец влѣво, к адмиралтейству, но их остановили крики — «назад, назад»; — в окнах праваго выступа дворца показались какія-то фигуры. Грянуло новое ура, опять полетѣли вверх шапки и толпа, крича: «бить анархистов! Долой анархистов!» повалила к выступу. На подъѣздѣ под ним стояли конногвардейскіе или кавалергардскіе офицеры; фигуры дам, принятых за царскую семью, и офицеры скрылись.

Толпа в этот момент была снята каким-то фотографом, с аппаратом стоявшим на извозчикѣ. Народ повалил затѣм на Милліонную, мы же вернулись через Морскую на Невскій; там творилось Вавилонское столпотвореніе: лошади могли слѣдовать только шагом; стѣна пѣшеходов едва передвигалась. Порядок тѣм не менѣе был замѣчательный. Медленно доплелись мы до Думы; около часовни Спасителя и на ступенях широкой лѣстницы в Думу чернѣло сплошное море голов; с первой площадки горячо говорил какой-то рыжеватый кудрявый человек с подвязанной щекой, без шапки, в пальто с барашковым воротником. Видом он походил скорѣй на рабочаго. Только что мы успѣли перейти пол-улицы — он кончил и раздались аплодисменты. И вдруг часть толпы, слушавшей рѣчь, в безпричинном страхѣ шарахнулась прямо на вереницы извозчиков; нѣсколько минут происходила паника. Мы благополучно успѣли перебраться обратно; знакомые, слышавшіе оратора, тут же рассказали содержаніе рѣчи: он призывал не вѣрить правительству, стоять на своем и требовать амнистіи и освобожденія всѣх политических арестованных. Затѣм неизвѣстный оратор назвал всѣх, кто славит царя, кто поет Боже царя храни и т. п. — провокаторами, но приглашал ли их бить — я не

успѣл узнать. Легко клеймятся у нас люди! Не наш — стало быть, провокатор!

Может быть у Зимняго Дворца и были ставленники правительства, но что много было и искренних людей — свидѣтельствую. Они дѣйствительно пришли благодарить царя, уваженіе и любовь к которому истинно русскій человекъ всасывает, вѣрнѣе всасывал, с молоком матери!

Послѣ рыжаго говорили еще какіе-то ораторы, но мы их не слушали. На углу Садовой повстрѣчали цѣлый лѣсъ длинныхъ красныхъ флаговъ на высокихъ шестахъ и в видѣ хоругвей; явились они с Садовой, несшіе ихъ производили чисто хулиганское впечатлѣніе: испытые оборванцы — мальчишки и молодежь, ухарскаго, кабацкаго вида. За этимъ пугачевскимъ отрядомъ толпы не было, «ура» тѣмъ не менѣе гремѣло имъ с обѣихъ панелей Невскаго. Среди хоругвеносцевъ выдѣлялся какой-то солдатъ, форму полка его не успѣлъ разобрать.

На Аничковомъ мосту около ресторана Палкина, близъ Надеждинской, опять повстрѣчали красныя знамена: толпы, сопровождавшія ихъ, производили впечатлѣніе ошалѣвшихъ ордъ, готовыхъ на что угодно.

Проѣхалъ извозчикъ, на которомъ сидѣлъ какой-то весьма довольный собой субъектъ, а надъ нимъ развѣвался красный флагъ, с черною надписью: «свобода». Этотъ былъ совсѣмъ шутъ гороховый.

Настроеніе напряженное; на улицахъ не праздникъ, а ожиданіе грозы, и если ея не произойдетъ сегодня — будетъ чудо!

Пишу эти строки в 5 ч. вечера ; скоро отправлюсь опять на Невскій: нужно видѣть все самому, чтобъ имѣть право судить о происходящемъ. Переживаемъ величайшій мигъ русской исторіи!

В 6 часов на углу Суворовскаго и 2 Рождественской показалось множество красных фонарей и флагов на высоких палках; на улицах полутьма, электрическіе фонари горят через два в третій. Громадная толпа, сопровождавшая эти флаги, остановилась против больницы, и кто-то из нея начал держать рѣчь. Казалось, будто кровавое зарево стоит над самою улицей.

Рѣчь то и дѣло прерывалась громовым ура; в окнах сосѣдних домов показались люди, и вдруг освѣщенные квартиры одна за другой стали погружаться в мрак: гасили огни из боязни разгрома со стороны толпы. Приказчики спѣшно бросились закрывать щитами двери и окна магазинов. Толпа с революціонными пѣснями двинулась дальше по Суворовскому; по обѣ стороны ея в большом количествѣ разбрасывались прокламаціи.

— Товарищи, за нами! — кричали проходившіе: — разгромим тюрьмы, выпустим всѣх!

Буйств и безобразій никаких не происходило.

Невскій полутемен и, сравнительно с утром, — пустынен. Магазины сплошь заперты и закрыты щитами и досками. На перекрестках чернѣют что-то обсуждающія кучки людей; больше всего их около Гостиного двора и Казанскаго собора. Экипажное движеніе почти отсутствует — извозчиков можно пересчитать по пальцам. На обратном пути от Морской около Троицкой встрѣтили новое шествіе с красным фонарем и флагами; толпа сопровождала их многолюдная, но, состояла, главным образом, из подростков и мальчишек простонародья; бородастые лица видѣлись лишь изрѣдка.

Ни городских, ни войск не видно — и к лучшему. Тѣм не менѣе, все наготовѣ, и в любом мѣ-

стѣ быстро могут появиться и заговорить пулеметы и артиллерія.

В центрѣ города день прошел мирно.

19 октября. Улицы имѣют обычный вид; флаги убраны, сборищ не видно. Только конок нѣтъ. Из газет вышли опять только Градоначальническая да Правительственная. На стѣнах домов бѣлѣют новыя извѣщенія Трепова — «День 18 октября», написано в них, «...к сожалѣнію не обошелся без насильственных столкновений разных групп населенія между собой, а также с полиціей и войсками»... Далѣе идет предвареніе о рѣшительных мѣрах, которыя будут употреблены впредь при подобных случаях.

Какія были столкновенія, гдѣ — еще не знаю.

В типографіи, куда я зашел, смущеніе: всѣ встали на работу, как вдруг явились какіе-то субъекты с требованіем продолжать забастовку под угрозой расправы. Типографія вся, как один человек, против забастовки, но работать боится. Стыдил их за глупый страх и повиновеніе каким-то оборванцам, желающим только анархіи и слишком самонадѣянно считающим себя чѣм-то вродѣ наставников и распорядителей судеб всего общества. Тѣм не менѣе, кажется, и послѣ обѣда типографія не работала.

На Невском тоже особеннаго ничего не замѣтно; сегодня в Казанском соборѣ назначен торжественный молебен и, может быть, туда, а может и на какой-нибудь митинг — их теперь нѣсть числа — шло много людей.

Витте со дня ратификаціи мира, объявил, что обсуждается вопрос об амнистіи лиц, арестованных по политическим дѣлам.

6 часов вечера. Сейчас был преподаватель П. И. Шелков. Рассказывал, что, когда он возвращался вчера домой в 9 час. вечера по Невскому проспекту, у Казанскаго собора стояла многотысячная толпа, мирно обсуждавшая разные вопросы. На Авичковом мосту он повстрѣчался с другой, меньшей, чисто хулиганскаго вида. Толпа эта срывала флаги с домов, ревѣла «Боже царя храни» и спихивала древками флагов шапки с прохожих, не успѣвших снять их. У Казанскаго произошла драка, обошедшаяся без внимательства войск, причем вторая толпа пострадала и была разсѣяна.

Сейчас университет оцѣплен войсками; около него убиты два студента. Как, кѣм — Шелков не знал.

83 студента, сидѣвшіе под арестом в зданіи Технологическаго института, сегодня выпущены.

Как обострены теперь страсти! При малѣйшем сомнѣніи в чьей либо ультра-краснотѣ у людей появляется чуть не пѣна у рта; слова: «провока-тор», «черносотенец», как прежде «шпіон» — сыплются без всяких колебаній и разсужденій!

20 о к т я б р я. Вечером был вчера у Константина Яковлевича Бодиско и вернулся опять в смутном, подавленном настроеніи.

Константин Владимірович Крапивин, начальник отдѣленія департамента торговли и мануфактур, рассказывал, что он сам был очевидцем, как вчера в половинѣ пятаго дня на углу Конюшенной, жандармы ни с того ни с сего принялись разгонять собравшуюся толпу и избивать ее сперва нагайками, затѣм саблями. Затѣм — через руки его проходят телеграммы со всей Россіи, даже тѣ, что не попадают потом, благодаря цензурѣ, в газеты — и

он говорит, что содержаніе их ужасно: манифест принят вездѣ восторженно, во всѣх городах устраивали радостные митинги, и почти вездѣ опять выступили на сцену против них нагайки и залпы.

18-го на Невском у дома Елисеѣва разыгралась кровавая свалка между огромными шествіями «націоналистов» — и «краснофлажцев». Пущены были в ход револьверы, были пострадавшіе. Подобныя же свалки с выстрѣлами, а также безпричинныя паники, от которых в хаосѣ неслись, как безумные в общем потокѣ, давя и сшибая все на пути своем, извозчики, пѣшеходы, дамы и сами манифестанты, происходили во многих мѣстах; сильнѣйшія, повторяю безпричинныя, паники были у Полицейскаго моста и на углу Загороднаго и Лештукова переулка. Это показывает, в каком теперь состояніи нервы у массы.

Стачечный комитет (Петербургскій) объявил продолженіе забастовки, и вчера опять стали начавшія работать желѣзныя дороги. Московскій наоборот объявил о началѣ работ.

Представители періодической печати собрались к Витте и указали ему, что манифестом дарована свобода слова, но не печати; Витте отвѣтил, что в настоящее время она еще невозможна, благодаря анархіи; тогда ему заявилъ, что газеты не будут выходить совершенно... Нѣтъ их и сегодня.

Что это за дичь, как может существовать в свободном государствѣ несвободная печать, как мог Витте говорить и устраивать подобную шутку — понять нельзя! Недаром, видно, на одном из недавних митингов какой то оратор сказал «Витте не либерал, Витте не консерватор он просто каналья». Добавлю: преумная!

6 час. вечера. От многих слышал подтверждение о вчерашних избиениях казаками на Невском; уверяют, что они безпричинныя.

Митинги 18-го постановили между прочими пунктами требовать — освобождения политических заключенных и увольнения Трепова. О нем толкуют чуть не со скрежетом зубов; говорят, 18-го числа войска получали то и дѣло приказы то от Витте, то от Трепова; от перваго: не смѣть пускать в дѣло оружіе, от второго — стрѣлять.

Царь, подпадающій под вліяніе того, кто говорил с ним послѣдній, вѣроятно вчера поговорил с Треповым, и, благодаря этому, повеселились казаки, и уже прежней свободы собираться на улицах сегодня нѣтъ.

И все-таки, несмотря на такія неблагопріятные слухи, огромное большинство общества с 18-го числа на сторонѣ правительства и желает спокойствія.

На улицах сегодня расклеено воззваніе к благоразумію общества; указывая на полную невозможность мгновенно пересоздать законы, оно призывает к порядку и снова обѣщает всѣ дѣйствующіе пока законы и постановленія примѣнять согласно манифесту. Да, но казаков слѣдовало бы убрать куда-нибудь на задніе дворы!

Убитых за вчерашній день и 18-е число насчитывают порядочное количество; свозили их в Обуховскую больницу; большинство погибло в междоусобных свалках.

Бухгалтер редакціи журн. «Всходы» и разсылный ея же вчера были свидѣтелями нѣскольких убійств у Казанскаго собора: встрѣтилась толпа с красными флагами, среди которой было много студентов, и другая — поменьше, с національными

флагами. Студенты начали стрѣлять из револьверов, и трое из послѣдней партіи упало с ранами на головах. Публика кругом ринулась бѣжать, націоналисты, покидав флаги тоже.

Курсистки вчера против Казанскаго собора и Гостиного двора производили демонстрацію: появились цѣлыя полчища их с перевязками краснаго креста на рукавах.

На вопросы прохожих: «что значат эти перевязки и такое количество их?» — отвѣчали: «а вы гарантированы от того, что вас не изрубят и не разстрѣляют сейчас здѣсь?» Словом, явились будто для поданія на мѣстѣ помощи лицам, могущим пострадать от «насилій войск».

Раненых на этот день много ожидало и правительство: весь двор армянской церкви, что против Гостиного двора, полон был лазаретными фурами и повозками. Солдаты сидѣли наготовѣ, скрытые во многих мѣстах, но бойни к счастью не произошло.

Путиловцы начали было работать, но туда явилась толпа, человек до 500 студентов, и опять взбаломутила пол-завода; между забастовщиками и желавшими работать пошла драка, в которую вынуждены были вмѣшаться войска, и опять были жертвы. Многострадальный этот завод!

Эти дни много разъѣзжал по городу на извозчиках и разговаривал с ними. Всѣ, как один человек, против забастовок и против студенчества. Особенно возмущен был один, котораго какой-то студент укорял в безчувственности к общему дѣлу и между прочим сказал, что революція стоила французам 100.000 человек.

— Что же и у нас, стало быть, хочешь, чтоб легло 100.000? — спросил он его, добавив крѣпкое слово и схватив кнут. Студент скрылся. Вообще,

кромѣ заводов, в городах пропаганда их особым успѣхом не пользовалась.

Этот же извозчик — пожилой уже мужик — насмѣшил меня.

— Господа! — восклицал он, дергая возжами. — Чего уж теперь больше нужно: одно слово — свобода! Вот, надясь, стою я на Вознесенском проспектѣ, вижу извозчик ѣдет. Сидит на сѣдоцкой подушкѣ, а ноги на козлы положил. Что ты, говорю ему, сукин ты сын дѣлаешь? А городской тут же стоит и ничего, глядит только.

«Не сукин он, говорит, теперича сын, а гриздинин!»

Сейчас приходил старшій дворник с извѣщеніем, что на завтра ждут больших безпорядков; ворота домов приказано запереть и всѣм дворникам никуда не отлучаться от них.

Вмѣсто газет теперь раскидывается и раздается революціонный листок «Извѣстія совѣтов рабочих депутатов».

Электричества нѣтъ нигдѣ: опять пришла лафа керосину и стеариновых свѣчам. «Извѣстія» объѣщают полную забастовку всего, до магазинов включительно. Даже между докторами собирали подписку о забастовкѣ.

21 октября, 11 часов утра. На улицах усиленное движеніе, но спокойно. «Правительственный Вѣстник» опровергает сегодня дѣйствительно нелѣпую корреспонденцію, помѣщенную в «Русских Вѣдомостях»; в ней сказано, между прочим, будто манифестантов пло 300.000; в дѣйствительности ни одна толпа краснофлажцев не превышала, пожалуй и 1.000 человек; нельзя же считать за манифестантов народ, тѣснившійся по всему Невскому! Націоналистов было и того меньше.

Неправ и «Правительственный Вѣстник», говоря, что на всем Невском было 40—50 тысяч человѣкъ; прибавить ноль позади и будет вѣрнѣе.

Вѣсти идут самыя революціонныя.

Но никто так дружно не ругает теперь царя, как консерваторы; вот человѣкъ! Не легко приобрести такое расположеніе и своих и чужих!

18-го числа кучка манифестантов явилась в зал Консерваторіи и шумно потребовала прекращенія спектакля. Произошел переполох, дамы падали в обморок, и спектакль вынуждены были прекратить. Оттуда «закрыватели» двинулись к Мариинскому театру; их встрѣтил полицеймейстер и очень вѣжливо сказал им, что в театр толпой входить неудобно, так как может произойти паника, а пусть они выберут человѣкъ 10 и пошлют их в зал говорить с публикой. Тѣ так и сдѣлали. Надо замѣтить, что перед началом спектакля публика потребовала гимн и нѣсколько раз повторила его — настроеніе, стало быть, было повышенное. Не успѣли депутаты кончить своего предложенія, поднялась буря: раздались свистки, крики — вон, долой их! Стоявшій ближе всѣх какой-то офицер принялся бить их ножнами палки, и цѣлая масса народа кинулась лупить злополучных закрывателей. Из лож летѣли в них стулья. Избитые депутаты едва напши выход и исчезли. Весь театр стал требовать исполненія гимна, но музыканты, перепуганные начавшейся дракой, разбѣжались—кромѣ семи человѣкъ, и Направника, сидѣвшаго на своем дирижерском мѣстѣ. Направник тѣм не менѣе нашелся, подал знак поднять занавѣс и вызвал на сцену спрятанных за кулисами солдат трубачей, тѣ под его управленіем, исполнили

гимн. Оперу не продолжали за исчезновением оркестра, и публика разъехалась.

6 час. вечера. Николаевский вокзал открыт и работает, электричество действует всюду. Есть вѣсти, что здѣшній стачечный комитет постановил вчера — стать всѣм на работы с 12 часов сегодняшняго дня.

Движеніе по улицам очень большое: точно черные потоки лавы движутся по панелям. Всюду патрулируют усиленные разъезды казаков, конно-гвардейских полков и жандармов. Вездѣ флаги, знаменующіе (по полицейскому приказу) радость населенія по случаю 11-лѣтняго юбилея восшествія на престол Николая II.

Министры уходят в отставку один за другим; остаются из старых только Ламздорф да Бирилев; перваго-то бы слѣдовало фукнуть, как слѣдует. Намѣсто преподобных мошей — Побѣдоносцева — в Св. Синод назначен кн. Оболенскій, бывший генерал от питейных дѣл. Не по-русски: наш народ из церкви в кабак идет, а этого из кабака в церковь поставили!

10 час. вечера. Сейчас вернулся с Невского; порядок полный, и о каких-либо происшествіях не слышно. Обычной иллюминаціи нѣтъ и слѣда; только на 1-й Рождественской видѣл с десяток подвѣшенных перед домом на проволокахъ, фонариков — вот и вся иллюминація в этой части города. Да и в этой половину задул какой-то проходившій пьяный мужик. Очевидно домовладѣльцы опасались битья стекол и т. п. удовольствій в случаѣ появленія щитов, вензелей и им подобных обычных украшеній.

Слова Крапивина о рубкѣ людей на Конюшенной не подтверждаются: лупка была, а рубки дру-

тіе не видали. Причина — нежеланіе толпы разойтись, несмотря на многократныя требованія.

Один пострадавшій там мѣщанин со злобой говорил: «свободу личности дали, ну а насчет спины видно распоряженія еще не вышло!»

22 октября. Высыпали как грибы всѣ газеты и раскупаются нарасхват. Первые, дѣйстви-тельно свободные №№!..

Трепову, принцу Ольденбургскому и им подобным достается жестоко. Есть описаніе стрѣльбы на Гороховой и в других мѣстах; напечатаны между прочим и треповскіе приказы. Все это, конечно, не так страшно: надо помнить, что мы еще не привыкли к свободѣ, а гг. Треповы не привыкли к уздѣ. Собака на цѣпи всегда сперва мечется; мечется теперь и предержавшая власть въ большинствѣ городов Руси. Это в порядкѣ вещей. «Образуется», как говорят мужики!

В городѣ, как будто ничего не происходило: звонят конки, торгуют, идут и ѣдут люди.

Завтра готовится нѣчто грандіозное. Во всѣх газетах помѣщено извѣщеніе, вѣрнѣе опубликовано распоряженіе разных комитетов, чтобы «тѣла всѣх борцов, павших за свободу», к 12 часам дня были доставлены к Казанскому собору, причем каждой части города назначен особаго цвѣта значек; затѣм вся процессія должна двинуться оттуда по Невскому проспекту на Волково.

Забастовку рѣшили прервать на 3 мѣсяца, т.-е., дали срок правительству сдержать обѣщанія и проявить себя. По городу идет записка на получение от рабочаго комитета револьверов Браунинга; каждый револьвер, стоящій въ магазинах по 22 руб., будет выдан по 10 руб.; цѣль — вооружить в те-

ченіе этих трех мѣсяцев всѣх граждан для возможной революціи.

Ходит упорный слух, будто к Петербургу идут англійская и германская эскадры, каждая для охраны своих посольств.

23 октября. На улицах расклеены два объявленія: одно генерал-губернатора, написанное весьма сдержанно и предвещающее, что похороны в том видѣ, в каком они предположены, допущены быть не могут. Другое от городской Думы, упрашивающее жителей быть благоразумными во время похорон.

Народа шло гибель; в 11 часов утра я уже стоял на лѣвом крылѣ Казанскаго собора, между колоннами и смотрѣл на площадь. На панелях Невскаго чернѣли сплошныя стѣны людей; движеніе экипажей и конок тѣм не менѣе продолжалось совершенно свободно. Крылья собора и ступени тоже были полны народа; в скверѣ стояли и ходили небольшія кучки. В нѣскольких мѣстах говорили какія-то рѣчи; около фонтана вдруг над толпой взлетѣли на воздух бѣлые листки, за ними взлетѣла другая пачка их, затѣм третья. Их жадно подхватывали, вырывая друг у друга.

По скверу бѣгало десятков пять уличных мальчишек; сперва они вскидывали вверх красный флаг с увязанным в него камнем, потом вдруг с криком «ура» шарахнулись в сторону; часть толпы из сквера перепугалась и бросилась бѣжать; я видѣл очень хорошо, как нѣкоторые из этих же мальчишек обрабатывали карманы сосѣдей.

Войск не было и признака, хотя в толпѣ и говорили, что окрестные дворы полны ими. На панелях, поодаль, стояла большею частью интеллигентная публика; в скверѣ и у собора, главным об-

разом, фабричные и простонародье; студенческих фуражек виднѣлось с десятков не болѣе.

Стоявшіе около меня увѣряли, будто одних студентов было убито 60 человекъ.

Без десяти минут двѣнадцать внизу к нашему крылу подошла кучка заводских рабочих и громко объявила, что похорон не будет. Я сошел в сквер разузнать причину; никто, даже студенты ничего толком не знали. Одни говорили, что полиція ночью распорядилась похоронами, другіе будто рабочие сами отказались от зати.

Я сильно промерз и отправился домой; панели Невского и углы улиц были полны публикой, главным образом, зѣваками; порядок вездѣ был образцовый.

Вернулся домой и узнал, что во всѣх газетах было помѣщено извѣщеніе от союза рабочих, что от проектированных похорон они отказываются, и шествія не будет. Удивительная странность: перед уходом я читал «Русь», но этого объявленія не замѣтил; притом это произошло не только со мной, а и с три-четвертью обывателей Петербурга, заполнивших не только Невскій, но и всѣ улицы, по которым предположено было везти убитых.

Прочел сегодня о диком назначеніи; Дурново, этот завѣдомый палач, попал вдруг в министры внутренних дѣл!

Он — друг Витте, и Витте многим ему обязан, тѣм не менѣе такое назначеніе болѣе, чѣм чорт знает что!

А обязан ему Витте вот чѣм: Плеве был на ножах с послѣдним, и наконец, Плеве удалось при помощи шпионов и документов установить несомнѣнныя связи Витте с революціонной партіей. В присутствіи Дурново, Плеве имѣл неосторожность

высказать, что пѣсенка Витте спѣта, и теперь осталось немного: арестовать его и посадить в Петропавловку. Дурново сейчас же сообщил это Витте, а на другой день Плеве был убит. Дурново в качествѣ товарища министра тотчас же явился на его квартиру, опечатал кабинет с бумагами и «убрал» дѣло о Витте со всѣми документами.

24 октября. «На Шипкѣ все спокойно».

Газеты полны сообщеній о кровавой гражданской войнѣ, идущей по всей Россіи. Во многих городах перевѣс уже за монархистами, кстати сказать, сплошь называемыми теперь «черной сотней». Революціонеры хотѣли смѣшать их с грязью, дав имя, знаменовавшее не так давно простонародье, подкупленное полиціей, но даже такіе отчаянные монархисты, как Д. М. Бодиско открыто приняли его.

Москва — шедшая во главѣ движенія — избивает студентов и заподозрѣнную в либерализмѣ интеллигенцію. Нѣкоторые города, не так давно еще требовавшіе ухода войск и замѣны их милиціей, потребовали войска обратно для охраны от погромов.

Газеты, особенно «Русь», настойчиво требуют удаленія Трепова, все упирая на знаменитый приказ его: «патронов не жалѣть». Витте выступил его горячим защитником.

В заслугу Трепова ставлю вчерашній день, когда он предупредил грандіозное побоище: на Сѣнной площади собралась громаднѣйшая толпа торговцев и простонародья, к которым примкнула часть рабочих с заводов и хотѣла идти к Казанскому, разгромить собравшихся туда на похороны «героев». Трепов послал войска, приказав не допускать их, хотя бы силой оружія.

25 о к т я б р я. На улицах то и дѣло стали попадаться нишіе, полиція не преслѣдует их и вообще из рьяно-ретивой сдѣлалась удивительно безучастной ко всему. Стоит, напр., городской, перед ним начинается какой-нибудь скандал — он отворачивается и отходит в сторону.

Ларинская гимназія опять забастовала. Мальчишки в ней устроили сходку и постановили требовать исполненія начальством цѣлаго ряда пунктов; между прочим один гласит, чтобы гимназія управлялась не только директором, а и старшинами из гимназистов, начиная с 4-го класса. Занятія гимназисты сами постановили прекратить до января, о чем и увѣдомили родителей.

Эти «дѣятели», пишущіе слово зеленый через два ять, мнят о себѣ теперь, чорт знает, что; вообще анархія не только в учебных заведеніях, но и в большинствѣ семей безмѣрная. Знаю примѣры, когда эти, недавно надѣвшіе штаны, революціонеры осмѣливались в пылу спора заявлять в видѣ угрозы своим родным — «погодите, вот придет январь, мы вам покажем себя»!

На январь, как на мѣсяц, в который должна произойти «настоящая» революція, указывают многие.

26 о к т я б р я. Прекращены занятія еще в нѣскольких мужских гимназіях и в нашем Рождественском Коммерческом училищѣ.

Директор 6 гимназіи Мор разставил помощников классных наставников на улицах, ведущих к гимназіи (она у Чернышева моста), для того, чтобы возвращать гимназистов с дороги; родителям он разослал довольно неграмотныя извѣщенія о том, что в настоящее время он не ручается за безопасность учеников на улицах и потому — находит

лучшим временно прекратить занятія. Во многих гимназіях начальство совѣтует учащимся ходить в штатском платьѣ... Этот Мор славен своей глупой выходкой: во время всеобщей забастовки ученики среднеучебных заведеній тоже устроили митинг, на который явился и он и громогласно заявил, что он пріѣхал взглянуть, нѣтъ ли на митингѣ кого-нибудь из его гимназистов, и что таковой будет немедленно им исключен. Мальчишки, само-собой, разумѣется, устроили скандал и выставили его вон.

Распространились тревожные слухи, будто Кронштадт весь в огнѣ, и город бомбардируют форты и наши же военные суда. Причина — возстаніе, но гдѣ оно — в городѣ, или крѣпости, и кто по ком стрѣляет — разобрать нельзя.

Собирается забастовать для поддержки москвичей ресторанная прислуга.

Среди чиновников в министерствах большія волненія: ожидается увольненіе чуть ли не половины их; это, конечно, несправедливо — слѣдовало бы уволить три четверти!

27 октября. Вчера вечером Н. М. Яковлев передал мнѣ по телефону, что вѣсти о Кронштадтѣ — правда: бунтуют солдаты и матросы, и туда на баржах послали войска. Газеты сегодня помѣстили ряд телеграмм и статей о Кронштадских событіях: погром там полный.

Петербург взволнован усиленными слухами о готовящемся на завтра еврейско-интеллигентом погромѣ. Газеты твердят, что есть какой-то руководитель и организатор «черных сотен» и кивают на полицію.

Между тѣм я знаю истиннаго организатора, вѣрнѣе, двух таких г. г. Один — автор монархически-патріотических брошюр, генерал Богданович,

другой прибывшій изМосквы московскій купец,устроитель особых московских черных сотен—Полторацкій. Послѣдній — невысокій человѣкъ, очень смиренной и скромной наружности (мать его, по его словам грузинка) лѣтъ 40, с просѣдью. Впечатлѣніе производит скорѣе послушника, чѣм мірскаго человѣка, рѣчь тихая, вкрадчивая.

Мой дядя — извѣстный консерватор Дм. Мих. Бодиско, многих взглядов котораго я не раздѣляю и с которым тѣм не менѣе часто видимся, так как оба не признаем нетерпимости, сообщил мнѣ недавно, что он был на обѣдѣ у Богдановича и познакомился с Полторацким. Послѣдній очень его заинтересовал, и они вели долгую бесѣду.

— Да, — сказал Бодиско: — я монархист, но я против Николая II.

— Плох он, плох... — тихо подтвердил Полторацкій. — А все-таки он царь. Надо его любить! Разговор коснулся пропаганды Полторацкаго.

— Вот-с как я ее веду... — начал своим вкрадчивым, размыренным голосом послѣдній. Приду на фабрику, на завод, а то и еще гдѣ бесѣдованіе устраиваю. Покажу народу на красный флаг: братцы, говорю, скажите мнѣ, знаете ли вы, что он значит?

Больше все — «нѣтъ» отвѣчают; другіе «свобода», мол, «значит». Нѣтъ, говорю, не то: кровь он знаменует, кровь он зовет вас лить, братцы, своих же людей. А я к вам с крестом пришел... Вот так поговорю с ними, и знаете ли — сколько слушает человѣкъ, так всѣ, всей толпой и крикнут: «за тобой идем! Долой красный флаг!» Сейчас мы подписку отбираем, клятву дают за царя стоять, старшин выберем. Только мы не насиліем, а словом дѣй-

ствуем: такое общаніе у нас, чтобы кровь не лить, развѣ уж защищаясь только!

Между прочим у Полторацкаго вырвалась интересная фраза, что у них организована во дворцѣ охрана, и, что бы ни случилось с царем — наслѣдника они спасут и уберегут.

Сюда, в Питер, Полторацкій пріѣхал с цѣлью вести такую же пропаганду и среди здѣшних рабочих. В разных мѣстах он устраивал уже митинги, мѣст и времени их не указывает и видимо не хочет, чтоб на них были даже единомышленники из другого круга. Это странно...

Производит он впечатлѣніе человѣка ограниченного, фанатика; я встрѣтил его у Бодиско один раз, не знал даже, кто он, бесѣд с ним не вел, но мнѣ почему-то показалось, что он должен быть раскольниковом.

Его девиз — крест, и слово «бить» не из его лексикона; думаю, что пріѣзд его или только совпал с проявленіем дѣятельности настоящей черносотенной сволочи, или же молва придала его пропагандѣ такой характер.

30 октября. Вчера ѣздил к себѣ в Кемере, по Финляндской жел. дор. Поѣзд был битком набит до того, что всѣ 3 часа пути пришлось простоять на площадкѣ с 6 пассажирами. Поразило меня обиліе еврейских лиц; стал присматриваться — вижу, публика исключительно еврейская; говорить старается намѣренно громко и только по-русски; студенчества среди них было изобиліе. На каждой станціи я выходил, желая узнать, куда именно стремилось это великое переселеніе, но ни в Перкіярви, ни в Теріоках никто не оставался: всѣ стремились в Выборг.

Дѣло в том, что наша красная печать уже нѣсколько дней как бьет тревогу: всѣ №№ газет выходили со всякаго рода воззваніями, предостереженіями, указаніями градоначальнику о готовящемся с 29 на 30-е (эка удивительная точность!) еврейско-интеллигентском погромѣ. По городу ходили самые невѣроятные слухи, будто еврейскіе магазины и квартиры отмѣчаются крестами; к дворникам будто являются неизвѣстныя личности, выспрашивающія о составѣ жильцов дома и т. д.

Словом, все петербургское еврейство, начиная с четверга, ударилось в бѣгство, в единственную сторону, гдѣ рассчитывало на полную безопасность — в Финляндію, в ближайшій город Выборг.

Что там происходило — узнал в тот же день вечером на обратном пути.

Вхожу в почти пустой вагон и вижу в нем опять-таки только нѣсколько евреев; возвращеніе их в Петербург в ночь, назначенную для избіенія, было странно. Я разговорился с ними и узнал причину. Выборг набит пріѣзжими из Петербурга до такой степени, что нѣт ни №№ в гостиницах, ни угла в частных квартирах: все разобрано; в каждый № набилось по 2 по 3 семьи; вокзал переполнен тѣми, кому не хватило пристанища, до того, что спали ночь на стульях, на полу и даже просто на корточках, прижавшись спиной к стѣнѣ. Тѣм не менѣе каждый поѣзд из Петербурга приносил новыя тысячи людей с дѣтьми.

Возвращавшіеся со мной не могли вынести такого ада болѣе суток и рѣшили проскользнуть через Петербург и уѣхать на нѣсколько дней, пока не успокоится все, в Вильну, гдѣ имѣлись у них родные. Магазины и квартиры бѣжавшіе заперли и оставили пустыми на произвол судьбы. В

Лѣсном паника доходила до того, что люди бросали все, захватив только дѣтей и бѣжали, как бы из горящих уже домов, позабыв даже запереть их.

Напрасно я убѣждал, что всѣ эти слухи вранье, пущенное какими-нибудь мерзавцами, что в Петербургѣ ничего подобнаго произойти пока не может — никто не намѣревался даже заѣхать взглянуть на свою квартиру.

«И Бог с ней, и пусть все пропадет, только бы самим живыми остаться!» отвѣчали мнѣ.

Прямо эпидемія паник!

Город, когда я ѣхал на извозчикѣ, был пустынен (в половинѣ двѣнадцатаго ночи); извозчик рассказывал, что дома на Садовой всѣ заколочены; тоже и на большинствѣ окрестных улиц, гдѣ много еврейства, «людей как метлой вымело — одни кавалигварды да жандары ѣздят».

К бунту и разгрому в Кронштадтѣ возница мой, лѣтъ ему на вид 35—40, относился очень неодобрительно.

«Ну погуляли день, а погом што? Под разстрѣл пойдут, да в каторгу на всю жизнь. Нѣтъ, это все студенты проклятые натворили!»

— Почему студенты?

«А так — на это их взять, людей смущать! А потом разстрѣл! Небось с красными-то флагами как ходили — сами не носили их, нашему брату, дураку, в руки совали, ну и носили их, куда хошь, за полтинник да за рупь!»

Вышнія учебныя заведенія закрыты до января мѣсяца.

31 октября. Гучков, один из отказавшихся от министерскаго кресла, сказал, что отказ их вызван тѣм, что Витте хотѣл сдѣлать из них ширму, из-за которой намѣревался управлять сам.

Всю ночь ѣздили и ходили патрули; «Русь» сегодня увѣряет, будто почти всякое движеніе в городѣ к вечеру замерло; в 8 часов вечера я по Суворовскому вышел на Невскій, затѣм поѣхал к Крапивину на Загородный просп. — народа вездѣ была гибель, пожалуй даже больше обыкновеннаго. Магазины и рестораны, правда, позакрывали щитами окна, но торговали. Врут вообще теперь газеты всѣх лагерей жестоко и беззастѣнчиво.

Любопытный факт: отец Іоанн Кронштадтскій, пользующійся там страшным вліяніем, во время разгрома города бѣжал...

1 ноября. На заводѣ С.-Галли произошло кровавое столкновеніе между забастовщиками и желавшими работать. Говорят, первые пострадали сильно, есть убитые.

2 ноября. В Либавѣ поймали какого-то несчастнаго чинуша, подозрѣвавшагося в подстрекательствѣ к погрому; привели его во двор завода, устроили суд, и этот суд приговорил его к смертной казни, которая и была исполнена тут же выстрѣлом из револьвера. (Сегодняшній № Руси). В том же № Руси появилось сообщеніе от Совѣта Депутатов Рабочих, что они требуют отмѣны смертной казни над матросами Кронштадта и на основаніи этого, «сознавая свою политическую мощь», всѣ рабочіе в Петербургѣ с 12 ч. сегодняшняго дня забастовывают.

4 ноября. Заводы стоят, желѣзные дороги тоже; из газет вышли только «Правительственный Вѣстник» с новым манифестом о крестьянах и о сложеніи с них с 1 января 1907 г. выкупных платежей... опять опозданыице!

На Владимірской ул. разгромили окна огром-

ной аптеки, непожелавшей примкнуть к забастовкѣ.

5 н о я б р я. Возвращался домой в 2 часа ночи; стоял сильнѣйшій туман; улицы казались погруженными во тьму, и только совсѣм вблизи неясно просвѣчивали сквозь него высокіе электрическіе фонари. Окна магазинов забиты наглухо. По улицам, словно по громадным, темным ущельям, бродили патрули.

Разсказывали, будто гдѣ-то разграбили нѣсколько квартир, но по Садовой, на Невском и на Бассейной, по которым я ѣхал, была полная тишина.

Э. С. Монвиж-Монтвид, только что вернувшійся из Харькова и Кіева, утверждает, что погромы на югѣ были организованы полиціей и властями. Весьма возможно; кому-кому, а им, жившим только произволом, разумѣется, новые порядки не ко двору; конечно, без борьбы сдаться старая власть не могла, но все - таки как-то не вѣрится мнѣ в подлинность, напримѣр, одесских ужасов. Что-то уж слишком 16-м вѣком пахнет!

По городу сегодня расклеены воззванія градоначальника, приглашающія давать мирный отпор группам забастовщиков, ходящим по городу, и тотчас же сообщать о появленіи их полиціи, которой даны надлежащія инструкціи: тон уж нѣсколько поднялся!

Забастовка в общем не удалась. Насколько первая была стихійная и дружная — еще небывалая в мірѣ, настолько эта никуда негодная. Бастует, да и то частями, только Петербург; раздраженіе на эту забастовку чуть не всеобщее.

6 н о я б р я. Часов около 4-х дня конки пре-

кратили движеніе: на Васильевском островѣ что-то неспокойно, улицы полны хулиганами и рабочими; конки на окраинах, за Средним проспектом были заброшены камнями.

Возвращавшаяся около 9 часов вечера наша бонна с Литейнаго моста видѣла над Васильевским островом громадное зарево. Вечером по всему городу замѣчался усиленный наплыв фабричных; электричество то дѣйствовало, то вдруг все погружалось во тьму; На Невскій проспект опять глядѣлъ прожектор.

6 ноября. Вчера начали работать нѣкоторыя дороги; газет все еще нѣтъ.

7 ноября. Вчера бесѣдовал с Ѡ. К. Геккером (он же Ѡ. Плетнев — художник, получившій нѣсколько лѣтъ тому назад 1-ю премію на выставкѣ «блан и нуар»), только что вернувшимся с родительскаго совѣщанія из Ларинской гимназіи, гдѣ учится живущій у него уже 12 лѣтъ племянник.

Передаю разсказ его вкратцѣ.

Вопрос, подлежавшій обсужденію родителей, был — когда и как возобновить занятія, но его, разумѣется, и не обсуждали, а по руссійскому обыкновенію говорили обо всем, кромѣ главнаго.

Один из ярко-красных родителей предложил пригласить на совѣщаніе и старост; всѣ согласились. Тогда встала какая-то дама и энергично воспротивилась этому, так как находила невозможным дѣлать гимназистов свидѣтелями неурядицы и хаоса среди самих родителей. Согласились и с ней. Тѣм не менѣе старост вызвали с тѣм, чтобы только выслушать их и узнать толком, чего хотят они.

Старосты явились — парни лѣтъ 16—17.

На предложеніе высказаться начали держать рѣчи.

В общем желаніи г. г. гимназистов таковы:

1) полная свобода в гимназіях;

2) предоставленіе им права выбирать учителей и у с т а н а в л и в а т ь с п о с о б преподаванія.

Т.-е., в переводѣ на общепонятный языкъ добиваются полного произвола. Что мальчишки воображаютъ, будто они все знаютъ и сами могутъ учить другихъ — это понятно: такой періодъ переживаетъ каждый изъ насъ; но что между родителями находятся люди, неспособные уразумѣть всей нелѣпости такихъ требованій — это удивительно!

В заключеніе отличился и директоръ. На вопросъ той же дамы, «что же, будутъ или не будутъ заниматься в этомъ году», онъ отвѣтилъ, что «старшіе классы разрѣшили четыремъ младшимъ классамъ начать теперь занятія». Это «разрѣшили» — превосходно!

О Витте вѣрнаго ничего не слышно; несомнѣнно что-то приключилось с нимъ, но что именно — неизвѣстно; толковъ о немъ много: говорятъ даже будто бы его хотѣли арестовать и даже былъ подписанъ приказъ объ этомъ... Во главѣ дворцовой партіи, по слухамъ, сталъ новый главнокомандующій питерскими войсками — великій князь Николай Николаевичъ. Человѣкъ онъ энергичный и настаиваетъ на военной диктатурѣ; его поддерживаютъ болгарско-россійскій мазурикъ, гр. Игнатьевъ, Штюрмеръ, Стишинскій и К^о. Словомъ на чеку стоитъ новое министерство, готовое начать поливать Россію кровью.

Возникаютъ русскіе союзы и общества, в общемъ в большинствѣ направленные къ умиротворенію страны. Первой появилась партія Правового порядка и др.

Укорялъ Д. М. Бодиско за манифестъ «священнаго патріотическаго союза», написанный исклю-

чительно для чернаго народа, и содержащій скверную фразу, призывающую охранять самодержавіе. Охранять то, чего уже нѣтъ с 17 октября — нелѣпо, а призывать к охраненію простой народ — значит призывать к рѣзнямъ.

Оправдывался, что не он писал манифест.

Конки опять работают.

Сейчас узнал, что за Невской заставой очень неспокойно: вчера там дѣло дошло до стрѣльбы, есть убитые.

Был сейчас Э. С. Монвиж-Монтвид и рассказывал о вчерашнем собраніи редакторов.

Теперь любопытная минута: даже если бы кто-нибудь и желал выходить попрежнему, с цензурой, — не мог бы этого сдѣлать. Изданій в СПб.—250 (кромѣ газет); из них только 50 прислали своих представителей, да и тѣх, почти половина пребывала в нерѣшительности и не знала, как быть с цензурным вопросом: махнуть ли рукой на цензуру, или вести дѣло по старому.

Рѣшительнѣе оказались наборщики; союз их прямо заявил, что они освободят всѣх от цензуры; собраніе наборщиков постановило не набирать ничего, что будет имѣть цензурную дату; тѣ же типографіи, которыя не подчинятся, будут ими «сняты» с работы; на случай же артаченья владѣльцев, рѣшили бороться с ними частными забастовками и на такой случай образовали фонд, куда уже журналы, издатели и пр. внесли около 15.000. Первая война будет с Каспари, издателем, «Родины», жаждущим подчиненія цензурѣ; вторая, посерьезнѣе, с вдовой Маркса, издательницей «Нивы».

9 января. Был у А. Я. Острогорской-Малкиной, издательницы журнала «Юный читатель».

Муж ея, присутствовавшій в воскресенье на

«польском» собраніи, рассказывал с негодованіем слѣдующее; в числѣ ораторов выступили и социал-демократы, и один из них заявил, что наша интеллигенція только примазывается к великому дѣлу, произведенному рабочими, что она не при чем в нем, и смысл его наглой рѣчи был — давайте свои двугривенные и убирайтесь вон. Присутствовало много литераторов; со стариком Анненским даже сдѣлалось от волненія что-то вродѣ обморока.

Раздраженіе против новых узурпаторов — самозваннаго и невѣдомаго никому правительства — растет сильно даже среди либеральнѣйших кругов. Дѣйствительно — наглость его и его агентов начинает становиться чрезмѣрной!

Взять хотя бы способ печатанія его лейб органа «Извѣстія совѣта рабочих депутатов». Ночью врывается в типографію, (непремѣнно имѣющую ротационную машину), толпа вооруженных револьверами темных личностей, арестовывает находящихся в ней, берет самовольно бумагу и приступает к печатанію «Извѣстій», которыя затѣм увозятся на извозчиках. Так были напечатаны номера в «Сынѣ Отечества», «Нашей Жизни», «Руси», «Новой жизни» и др. Третьяго или четвертаго дня очередь дошла до «Новаго Времени» и там напечатали 7-й нумер — и вѣроятно — по крайней мѣрѣ таким образом — послѣдній, так как «Новое Время» опубликовало об этом происшествіи.

Оно, конечно, курьезно, что Суворин напечатал 30.000 революціонных листков, но с другой стороны такое насиліе и грабеж непозволительны!

Брат Малкиной, А. Я. Острогорскій, директор Тенишевскаго училища, рассказывал такой курьез. Являются к нему третьеклассники и просят разрѣшенія собраться.

— Да вѣдь вы уже собрались, — отвѣчает он, прикинувшись непонимающим в чем дѣло.

— Нѣтъ, это не то: мы хотим устроить митинг!

— Какой митинг, о чем?

— Поговорить хотим...

— Да о чем?

— О необходимости у нас демократической республики...

А. Я. разсмѣялся и прогнал их.

На другой день приходит в класс, и на столѣ под тетрадью находит лист бумаги, а на нем надпись: «Александр Яковлевич — второй Трепов».

Кстати о прокламаціях.

Встрѣтился на-днях с капитаном I ранга Н. Дибичем — Владивостокским героем: рассказывал, что экипажи прямо засыпаются этими листками; часть матросов в несомнѣнном броженіи, другая, — огромное большинство, — относится индифферентно.

10 Н о я б р я. Получил от книжников любопытное свѣдѣніе о Максимѣ Горьком; дѣло в том, что сочиненія его, продававшіяся раньше «как хлѣб» по выраженію торговцев, теперь совершенно не идут.

«Знаніе» товарищество, основанное им начинает трещать и над Горьким вот-вот разразится крах.

Это знаменательно! Посмотрим, что скажет тогда этот босяк, вспоенный, вскормленный и за уши вытащенный из грязи интеллигенціей, которую он обливает теперь помоями!

Погода сѣрая, на улицах грязь. Нищенство вездѣ усиленное и наглое. А. Беграмов и Д. Н. Бодиско, шедшіе по Невскому пр. были остановлены одним из Горьковских типов просьбою о милосты-

нѣ. «Сегодня я прошу», заявил этот тип, «а завтра я у вас сам возьму!»

15 ноября. В Севастополѣ и смѣх и грѣх. Вбунтовавшіеся матросы выгнали от себя всѣх офицеров, но порядок поддерживается образцовый; ночью ходят патрули и забирают... безбилетных и пьяных матросов. Вчера в день рожденія Маріи Ѳеодоровны устроили молебен, а послѣ него парад, который принимал фельдфебель; словом, все идет, как будто там ничего не произошло.

Это не простой бунт, на него надо взглянуть поглубже!

Много разговоров возбуждает арест фельетониста «Руси» — Шебуева; забрали его и запечатали типографію «Труд» за выпуск и напечатаніе перваго номера «Пулемета», Шебуевского сатирическаго журнала. Особо остроумнаго или интереснаго в нем нѣтъ ничего, и только на послѣдней страницѣ находится манифест 17-го октября с отпечатком на нем кровавой ладони и подписью: «генерал Трепов руку приложил».

Трепов скоро станет чѣм-то вродѣ теши юмористических журналов прежних лѣтъ. Пора бы уж и забыть его!

Говорил с офицерами, только что вернувшимися с Дальняго Востока. Настроеніе арміи по их словам злобное: солдаты и офицеры возмущены отношеніем к ним страны и происходящим теперь в ней.

17 ноября. Ходит вездѣ слух, будто вел. князь Борис Владимірович стрѣлял в Николая и ранил его в плечо.

В Московском гв. полку происходило что-то вродѣ возстанія; говорят об этом глухо, но со всѣх сторон. Тѣм не менѣе гвардія считается болѣе или

меньше надежной; лучшие круги общества настроены пессимистически. Причина — двуличие правительства: устраненных по дружному требованию общества разных господ вроде одесского Нейдгардта и ему подобных, опять назначают в другие города губернаторами... Вѣрят в близость диктатуры и даже предполагают провозглашение ея в эту субботу, т.-е. послѣ завтра.

Вѣсти из глубины Руси плохія — всюду сильно растет реакція и самая грубая — холопская.

Забастовал почтамт: злосчастные паріи не выдержали таки гнета этого ломбрововскаго типа — Дурново! Удивляюсь только изумительному долготерпѣнію их!

18 ноября. Есть слух, что среди гусар и желтых кирасир неспокойно и будто бы, в Царское передвигают семеновцев. Увѣряют, что в первых двух полках произведено много арестов. Не в связи ли это с дѣлом в. кн. Бориса — гусара?

Слышал повѣствованіе генерала Волкова, челоуѣка, честность котораго, кажется, внѣ сомнѣнія, о недавно умершем генералѣ Церпицком, героѣ войны. Повѣствованіе удручающее!

Неужели и впрямь нѣтъ честных людей на Руси?

В знаменитую Китайскую «войну» грабительством занимались всѣ, но особенно выдѣлялись Стессель и Церпицкій, грабившіе храмы, частные дома и увезшіе цѣлые возы драгоценностей из Китая. Церпицкій ради выставленія себя героем, жег мирныя деревни и городки и о таких побѣдах писал яркія реляціи...

19 ноября. Почтовая забастовка продолжается; она всполошила даже иностранныя посоль-

ства. За этот год, можно сказать, мы прошли через огонь и воду и мѣдныя трубы: испытали, как жилось людям в XV вѣкѣ в городах без фонарей, как они обходились без продуктов во время осады, видѣли войну на улицах, наконец, узнали, как жилось без дорог, без почты и телеграфа. Разореніе принесла и несет послѣдняя забастовка — страшное. Рента сегодня — 78. Такого курса не бывало и послѣ Цусимы! Дисконт поднят до 3 проц. Золотая валюта висит на волоскѣ. Всѣ, кто имѣет малѣйшую возможность, берут свои деньги и уѣзжают за границу: за какой-нибудь только мѣсяц переведены туда десятки милліонов (в том числѣ и великими князьями).

20 н о я б р я. Крестьянское движеніе растет. Разореніе и истребленіе всего идет безсмысленное и беспощадное; у одного помѣщика, напр., вырѣзали весь конскій завод, у другого перерѣзали и бросили в овраг 5.000 баранов и т. д., Все бѣжит в города. Здѣсь проживающіе помѣщики спѣшно уѣзжают в имѣнія разорять их, т.-е., продавать все живое и всю движимость, чтоб не совсѣм даром пропала она.

В министерствѣ земледѣлія получаютсѣ шифрованные сообщенія о движеніи аграрных безпорядков, и впечатлѣніе от них такое: растет девятый вал.

22 н о я б р я. Необыкновенно гнусные, темные дни. Опять начинают поговаривать о новой и близкой «мертвой» забастовкѣ. Предполагается ее будто бы устроить на 6 недѣль и притом абсолютно всеобщую.

Почтово-телеграфная забастовка продолжается; забастовщики страшно возмущены тѣм, что у

нас в Петербургѣ выступили добровольцы и разбираютъ вмѣсто нихъ письма. Любопытнѣе всего, что между этими добровольцами много студентовъ.

Доходящіе со всѣхъ концовъ Руси вѣсти нерадостны: в Кіевѣ, Воронежѣ, Батумѣ — вездѣ начались возстанія войскъ — все это вразброд, все безъ связи и, конечно, безрезультатно.

23 ноября. Убитъ в Саратовѣ генерал-адъютантъ Сахаровъ, посланный для усмиренія аграрщины. Застрѣленъ женщиной, объявившей, что она дѣйствовала по приговору социалистов-революционеров.

Положеніе сильно напряженное... живемъ точно на пороховомъ погребѣ!

И весь сыр-боръ горитъ из-за одного человѣка, упорно непонимающаго положенія вещей! Изъ министровъ вреднѣйшій — Дурново: всѣ распоряженія, всѣ дѣйствія его, уничтожаютъ по частямъ манифестъ 17 октября. Кой чортъ можетъ тогда успокоиться и «вѣрить» такому правительству?.. Больше мѣсяца прошло съ объявленія свободы, и что же? — Собранія попрежнему начинаютъ разгонять, предсѣдателей и делегатовъ арестовываютъ, высылки изъ города продолжаются и т. д., и т. д. Общество сильно винитъ Витте и право: если нельзя сломить дворцовую камарилью, то надо уйти прочь, не тянуть волокиты, чтобъ общество ясно увидѣло, съ чѣмъ имѣетъ дѣло и приняло соотвѣтственныя мѣры.

Курьезъ: вдова гофмейстера Софья Петровна Хитрово, обратилась къ моей женѣ съ просьбой найти лектора и устроить у нея в домѣ нѣчто вродѣ сообщенія о происходящихъ событіяхъ, причемъ общество будетъ исключительно, конечно, изъ высшей аристократіи. Причина такого желанія та, что ари-

стократическія дамы не могут читать теперь газет, так как почти ничего не понимают в них. «Там все такія слова... напр. автономія, эсдеки, эсэры, что это такое?» — нужно объяснить, словом, всѣ жупелы гг. аристократкам. Нѣкоторые из них даже схватились теперь за Добролюбова и спрашивают по знакомым: «не знаете ли вы, гдѣ найти его?». Такую плебейскую книгу в их домах сыскать, конечно, трудно!

Хитрово, имѣющая свой дом на Песочной ул., переѣхала теперь на Сергіевскую — излюбленную улицу нашего «большого» свѣта. Причина — боязнь близости фабрик и заводов.

На дверях почтамта вывѣшено объявленіе, что в услугах посторонних лиц почтамт болѣе не нуждается. Это не значит, что почтовые чиновники вернулись к своим занятіям, а только то, что добровольцев и числившихся «кандидатами» на должности вполне достаточно.

Не во-время забастовала почта! Примкни она ко всеобщей, прежней — получила бы все. Теперь же еще большой вопрос...

Удивительная разрозненность дѣйствій: забастовки, бунты — все это вспыхивает то здѣсь, то там, или преждевременно, или очень поздно и дает бить себя по частям. Нѣтъ Наполеона у нашей революціи!

24 н о я б р я. Видѣл А. И. Воскресенскаго. Спрашивал его, как обстоит дѣла у них в Царском Селѣ и в их Гусарском полку. Вытаращил на меня глаза и сказал, что гусары спокойнѣе, чѣм кто-либо, и ровно никаких броженій у них не происходило.

И врут же у нас в Питерѣ, могу сказать!

26 н о я б р я. Несмотря на резолюцію почтовой сходимки, напечатанной во всѣх газетах о продолженіи забастовки она сорвана. Очень многіе вернулись на работы, и почта дѣйствует.

На помощь бастующим двинулися рабочіе и сегодня была на Почтамской ул. перестрѣлка: рабочіе не пускали ходивших на работу почтальонов; говорят, были убитые.

27 н о я б р я. Пасмурно: такіе же и толки кругом.

Газеты сообщают об арестѣ совѣта рабочих депутатов. Сдѣлали это совсѣм легко и просто... оказалось, что для этого требовалось только немного рѣшительности, которую и проявил Дурново.

Общее недоумѣніе и раздраженіе вызывает высочайшая благодарность, объявленная казачьим полкам за их вѣрную службу против «внутренних» врагов. Это вызов; очевидно, близок послѣдній бой с самодержавіем. Впрочем, со дня смерти Александра III, нѣтъ самодержца на Руси, а есть только самодержавные министры.

На сегодня всюду назначены собранія и совѣщанія.

28 н о я б р я. Нѣчто об о. Гапонѣ. С. П. Хитрово, попечительница какого-то пріюта, рассказала мнѣ слѣдующее. Г. Гапон получил мѣсто в их пріютѣ, причем ни нравственностью, ни воспитанностью не отличался. Любил покутить и нѣсколько раз каким-то образом ухитрился попадать в спальню к дѣвушкам. Однажды встрѣтил на улицѣ какую-то из них (воспитанницу пріюта), и отправился с ней в меблированныя комнаты. Об этом узнали и предложили ему оставить пріют.

Г. Гапон, кончив служить свою послѣднюю

обѣдню в нем, вышел с крестом на амвон и произнес очень рѣзкую рѣчь, в которой предлагал дѣвушкам не слушаться начальства, не желающаго им добра и т. д. Закончил рѣчь еще болѣе странным возгласом: «а кто любит меня, тот иди за мной!»

В тот же вечер дѣвушка, бывшая с ним в меблированных комнатах, пропала. Впослѣдствіи она приходила в пріют в весьма жалком видѣ, беременная и брошенная Гапоном.

Дальше: С. П. Хитрово увѣряла, будто 9 января Гапон в толпѣ рабочих не был — были переодѣтые в рясy студенты — а сидѣл он в Вольно-Экономическом обществѣ, ожидая прихода депутацій, с тѣм, чтобы идти во дворец «за министерским креслом».

С. П. Хитрово — дама, во многом очень осведомленная и наблюдательная — высказывала предположеніе, что Гапон по всей вѣроятности незаконный сын митрополита Антонія; он выдѣлывал такія штуки, какія другому не сошли бы с рук. Между прочим Гапон за нетрезво-развратное поведеніе отсиживал в Черной кельѣ — замѣняющей тюрьму у духовенства, но выпущен был очень скоро, далеко не отсидѣвъ присужденнаго срока.

Газеты сегодня вышли только частью. У газетчиков есть лишь Новое Время, Слово и П. Листок.

29 ноября. Слышал от офицера военного телеграфа, как произошла в дѣйствительности исторія в электротехнической ротѣ, перевранная газетами.

Электротехники поставлены так, как не снилось солдатам даже гвардейских полков, и потому петиція, поданная ими командиру об улучшеніи пи-

щи и т. п. являлась простым результатом пропаганды.

1) Солдаты - электротехники свободны послѣ служебных часов, и им не препятствовали заниматься частными работами, что давало им солидный заработок.

2) За работы во время забастовок солдаты получали по 2 руб. в день (по освѣщенію города), унтера от 4 до 6., а офицеры по 14 руб.

3) Деньги эти, якобы задержанные их командиром (по словам их петиціи) в дѣйствительности не были еще даже получены им от градоначальника.

4) Солдаты являются в этой ротѣ, в сущности говоря, бесплатными учениками, по выходѣ из которой сейчас же получают прекрасныя мѣста по 60—100 и болѣе рублей.

Вот такіе-то молодцы (220 из 270) подали командиру, под вліяніем агитатора-механика, заявленіе, в котором требовали исполненія в опредѣленный срок всѣх пунктов (точно их не помню).

Командир обѣщал отвѣтить, ушел и дал знать по начальству и градоначальнику.

В 5 ч. вечера (а не ночью), когда было уже темно, во двор безшумно вошел батальон Павловскаго полка; с ним явился и сам командир полка нѣсколько в нетрезвом видѣ и приказал командиру бунтовщиков «обезоружить» их.

Тот приказал вызвать к себѣ роту наверх, якобы для отвѣта, и когда тѣ явились — нижнее помѣщеніе, гдѣ стояли ружья, были заперты дневальными, поставленными из числа вѣрных людей.

Наверху он заявил, что переговорит с ними на болѣе просторном мѣстѣ — во дворѣ. Ничего не

подозрѣвавшіе бунтовщики стали сбѣгать с лѣстницы и попадали прямо в объятія павловцев.

Когда вся рота была окружена и арестована, ей выкинули матрасы и шинели и повели в Петропавловскую крѣпость, гдѣ и размѣстили в маленьком манежѣ.

С почтовой забастовкой неразбериха: газеты твердят, что она продолжается, между тѣм письма весь Петербург получает исправно.

30 н о я б р я. От П. М. Кошкина, члена совѣта Министра внутренних дѣл, слышал подтвержденіе разсказа Хитрово о Гапонѣ.

Гапон, как и Зубатов, оказывается, тоже получал содержаніе из Министерства Внутренних дѣл и является никѣм иным, как провокатором.

1 д е к а б р я. Государь, здоров и весел. «Цвѣтет», по выраженію видѣвших его лиц. Толки о стрѣльбѣ в него и ранѣ тѣм не менѣе держатся.

2 д е к а б р я. Послѣ полудня сегодня у газетчиков конфисковано 7 газет: в них помѣщен «Манифест» Совѣта Рабочих Депутатов, социал-демократов и т. д. Манифест предписывает бойкот государственных бумаг, бумажных денег, обратное истребованіе вкладов и т. п.

На Невском проспектѣ буквально нѣтъ прохода от всякаго возраста субъектов, выкрикивающих и предлагающих каждый день все новые и новые юмористическіе журналы и газеты. Плодятся, как, грибы, теперь!

4 д е к а б р я. Лѣвых газет в продажѣ нѣтъ до сих пор. Вчера в редакціи «Руси» мнѣ сказали, что она выйдет на днях под другим именем; также поступят и остальные 6 газет.

В ночь на сегодня произведено много арестов.

У газетчиков полиція отбирала разные юмористические журналы.

5 декабря. На улицах расклеены правительственные афиши, предупреждающія, что лиц, подстрекающих к забастовкѣ, будут штрафовать на 500 р., или сажать в тюрьму на 3 мѣсяца.

Газета «Русь» вышла под именем «Молвы»: прочел в ней правительственное сообщеніе, взваливающее вину за все происходящее только на крайнія партіи.

Цѣль этихъ сообщеній — еще болѣе разъединить общество и в этомъ отношеніи Дурново ведет политику умѣло!

Огромная масса общества уже струсила и под влияніемъ забастовок и рабочихъ манифестовъ пошла на попятный; то и дѣло слышишь всюду нападки на революцію, уже именуемую «безобразіемъ».

Да, свобода, намъ дѣйствительно еще «не к рылу», какъ выразился одинъ мой пріятель!

Слышалъ сегодня толки, будто Семеновскаго полка офицеры, «запретившіе» недавно «Руси» писать что-либо о нихъ, явились третьяго дня в редакцію этой газеты и перепороли розгами всѣхъ, начиная съ Алексѣя Суворина. Кто только пускаетъ такія утки?

7 декабря. С часа на часъ ждемъ новой всеобщей политической забастовки. Финансовое положеніе многихъ ужасное; рента, хотя биржевые бюллетени, составляемые казенными маклерами показываютъ ее в 79—80 р., на самомъ дѣлѣ уступается по 60. Банки даютъ подъ закладъ ея только по 25 р. Разореніе будетъ полное, но лучше пройти и черезъ него, только поскорѣй былъ бы какой-нибудь конецъ!

От Л. В. Крапивина слышалъ нерадостные рассказы. Это отставной штабс-капитанъ, отказавшійся

стрѣлять по толпѣ и самовольно бросившій полк, и за это попавшій под суд.

Теперь он бѣдствует, живет в углах с рабочими на Шлиссельбургском трактѣ и постоянно вращается в их кругу.

Настроение среди рабочих, несмотря на всѣ увѣренія газет — плохое; «жрать нечего» — это выраженіе Л. Крапивина я слышал не раз и от других лиц.

А тут еще праздники на носу, и всякій думает о лишнем грошѣ. Вдобавок, начинается возмущеніе против своих депутатов: вышла какая-то темная исторія с деньгами, которыя собирались с рабочих в видах самопомощи.

Правительство играет в пятнашки: каждый день ловят и отбирают то № газет, то №№ еженедѣльных журналов; вмѣсто них появляются десятки новых, опять с остервенѣніем накидывающихся на ловителей и т. д. без конца.

8 декабря. Объявлен бой: в 12 ч. дня назначена всеобщая забастовка. Лавки полны покупателей. Ночью арестован в типографіи номер 3 «Сѣвернаго голоса». «Молва» («Русь»), «Набат» («Русская газета»), «Наши дни» («Сын Отечества») — полны резолюціями разных обществ и комитетов и так вызываючи, что навѣрное конфискуют и их.

Оружіе (револьверы) припасено в каждой семьѣ, но оно хорошо только против хулиганщины.

Полчаса седьмого вечера. Электричество у нас на песках горит; в частных квартирах на Невском потухло в 3 ч. дня.

У газетчиков отобраны всѣ юмористическіе журналы. Правительство круто повернуло на путь Плеве.

Из Кронштадта, для работ на электрических станціях привезли минеров; на Морской, тѣм не менѣе, темнота.

9 декабря. Признаков забастовки на улицах не замѣтно, конки ходят, магазины торгуют попрежнему. На стѣнах домов расклеена «дурная» литература, «успокаивающая», благонамѣренных граждан и извѣщающая, что всякія попытки «снимать с работ», или прекращать торговлю, будут немедленно подавлены.

10 декабря. На вокзалах вездѣ войска. Вчера ѣздил вечером в Царское Село и вернулся около 2 ч. ночи. У всѣх дверей внутри вокзала стояли часовые семеновцы. Электричество на улицах всюду работало исправно. На Загородном проспектѣ обогнал низкій, длинный фургон с вентиляторами на крышѣ и маленькой рѣшеткой в верхней части двери, везшій арестованных. Четверка добрых вороных коней довольно быстро везла этот странный экипаж плевенскаго изобрѣтенія, обращавшій на себя вниманіе прохожих.

В городѣ вакханалія арестов. Из газет вышли только Новое Время и Свѣт. Двор типографіи первой полон «охраняющими» казаками. На Васильевском островѣ вчера были кровавыя столкновенія рабочих с казаками и полиціей, но в городѣ спокойно, и жизнь идет обычной чередой. Настроеніе у думающих людей смутное, подавленное: успѣх забастовки висит на волоскѣ...

Москва бастует дружно и сильно; к ней примыкают другіе города, и только у нас дѣло не клеится. Союзы разных профессій засѣдают усиленно, но надежда на хорошій исход плохая: слишком безучастно у нас большинство!

Сегодня на Аничковом мосту нѣсколько под-

ростков продавали газеты и выкрикивали: «Новая финансово-политическая газета — Виттова пляска! Витте пляшет, Трепов барабанит! Витте пляшет, Трепов барабанит!»

Публика улыбалась и раскупала листки.

Забастовали гимназисты; сегодня кучки их ходили и закрывали женскія гимназіи. Союз учителей тоже постановил прекратить занятія.

11 декабря. Из Москвы доходят ужасныя вѣсти: там баррикады и форменная война с пальбой из орудій включительно. Это безнадежно! Вооруженное возстаніе одной толпы, без войск, немыслимо! Теперь не XVIII вѣк; перед современными орудіями всякія баррикады пустая мечта!

Наша питерская забастовка ползет врозь: бастуют только рабочіе на заводах кругом города, в городѣ же жизнь идет нормальной чередой.

На Митрофаньевском кладбищѣ сегодня хоронили убитаго молодого рабочаго; толпа в нѣсколько тысяч человѣк провожала его. Кладбище было полно войсками и полиціей.

Как тревожно населеніе окраин показывает слѣдующее: жена, ѣздившая на могилу матери, купила для посадки нѣсколько елок; понес их сын хозяина ларька, гдѣ продаются вѣнки. Парень рассказал женѣ, что они открыли один из склепов, снесли туда самовар, углей и кое-что из вещей и при первой тревогѣ всей семьей хоронятся туда. Увѣрял, кромѣ того, будто бы на кладбище рабочим доставили нѣсколько возов оружія.

12 декабря. Нужда среди рабочих ужасная; многія семьи голодают, и, продлись еще забастовка — между самими же рабочими может вспыхнуть рѣзня, так как бастовать желает только значительное меньшинство.

В газетах было помѣщено много писем от желающих на время забастовки кормить у себя на дому дѣтей рабочих, но на эти призывы отклика нѣтъ. Во-первых, неудобно посылать дѣтей за десятков верст, а во-вторых, рабочіе не хотят этого из гордости.

Архангельская, одна из завѣдывающих столовой для бѣднаго люда около Смольнаго, передавала тяжелыя наблюденія; к ним в столовую приходит много изголодавшихся людей, главным образом, дѣтей и женщин. Рабочіе не могли бы, даже еслиб хотѣли, посылать обѣдать в город своих ребят, так как не во что одѣться, и рваныя одежки надѣваются дѣтьми по очереди.

Всѣ взгляды забастовщиков устремлены были на Николаевскую жел. дор. — забастуй она, и весь город стал бы! Но она примкнуть отказалась: всѣ главари и дѣятели прошлой забастовки схвачены и арестованы, и руководителей нѣтъ у нея.

Аресты продолжаются без конца.

По случаю объявленной 17 октября «свободы» всѣ собранія разгоняются; разогнано было даже такое, как «Женскаго взаимнаго благотворительнаго общества», гдѣ бывают только женщины и совѣщаются об устройствѣ школ, чтеній и народных столовых.

В позапрошлую субботу арестовано на митингѣ около 200 чел. боевой организаціи; бездѣйствіе Петербурга понятно...

Газет, кромѣ Новаго Времени, попрежнему нѣтъ. Это большая ошибка. Точно нарочно предоставили монополію Суворинщинѣ распространять свои идеи возможно шире! Поневолѣ теперь всѣ покупают эту газету, чтоб узнать, что творится кругом.

Сейчас слышал подтвержденіе разсказа (вчерашняго) об убійствѣ на Шлиссельбургском трактѣ околоточнаго надзирателя.

Группа рабочих, человекъ около 300, собралась около одного дома слушать оратора. В это время явились казаки и околоточный надзиратель и арестовали говорившаго; когда его увели, показался другой околоточный — очень нелюбимый в тѣх краях. Толпа бросилась на него; он побѣжал и вскочил на проходившую мимо конку; рабочіе, выламывая на бѣгу колья из палисадов, помчались за конкой. Бывшіе впереди, услышав крики: «держи конку», остановили ее, — опустив шлагбаум; рабочіе ворвались в вагон, выволокли отстрѣливавшагося из револьвера околоточнаго на тротуар и измолотили его на смерть. Остервенѣніе было так велико, что даже стѣнка вагона разнесена ими вдребезги. Дикая расправа эта происходила в нѣскольких саженьях от окон квартиры Новиковых, видѣвших и сообщивших мнѣ о ней.

13 декабря. Вчера на окраинах происходили мелкія стычки рабочих с войсками, есть убитые и раненые.

Из Москвы идут странныя свѣдѣнія. Там цѣлый корпус войск и вот уже сколько дней не может одолѣть возставших — очевидно правительственные сообщенія не точны, как всегда. Второе: в «битвах» принимают участіе только казаки, драгуны и артиллерія — про пѣхоту не упоминается. А между тѣм в ней перед самым возстаніем были бунты. Гдѣ же, на чьей сторонѣ теперь она?

Вечером вышел № «Молвы».

14 декабря. Аресты без конца. Полиція запечатала 38 типографій. В Москву сегодня уходит

экстренно вызванный Семеновскій полк: стало быть, положеніе войск там не из блестящих. Бой на улицах Москвы продолжается.

В центрѣ Петербурга спокойно, но с окраин идут тревожныя вѣсти. На Выборгской сторонѣ, напр., казачьи разъѣзды стрѣляют даже по небольшим группам людей, совершенно к движенію непричастных. Были убитые и раненные.

Вниманіе всѣх приковано к Москвѣ; у нас ждут безпорядков 9 января, на день годовщины массовых убійств. В 9 января не вѣрю: если ждать чего—то лишь весною! С юга к нам идет чума, на борьбу с которой мудрое правительство наше назначило 9.000 р., тогда как разные гг. Дурново на «подъем» с одного мѣста на другое получают по 40.000. Чуть не во всѣх губерніях надо ждать голода; промышленность остановилась и частью прекратилась совсѣм.

Положеніе рабочих отчаянное. Немногим лучше и других — не чиновников. Журналы, напр., сотрудникам уже не платят, так как подписчиков нѣтъ абсолютно. Даже такой ходкій прежде журнал, как «Мір Божій» до сих пор не имѣет ни одного. Под заклад вещей ломбарды дают гроши — менѣе половины того, что давали за тѣ вещи раньше. Продавать что-либо — немыслимо, так как предложеній много, а желаній купить нѣтъ совершенно.

16 декабря. Москва воюет и разстрѣливается артиллеріей. Адмирал Дубасов, генерал-губернатор ея, способен всѣх мирных москвичей превратить в боевиков — революціонеров: пушками разбивают дома, откуда был хотя бы один выстрѣл, и гдѣ живут сотни неповинных людей; жарят шрапнелью по всякой толпѣ без разбора, открывают ружей-

ную стрѣльбу по кучкамъ в 3 человѣка, по глядящимъ в окна женщинамъ и т. д.

В центрѣ Питера тихо и ожидать чего-либо скоро нельзя. Аресты продолжаются.

На окраинахъ, особенно по Шлиссельбургскому тракту, голодъ; среди рабочихъ раскол, такъ какъ большинство хочетъ стать на работы; вожаки всѣ арестованы.

Телеграммы изъ всѣхъ городовъ приносятъ вѣсти о безконечныхъ арестахъ. Хватаетъ всякаго, зря, по старому — до выясненія причинъ.

25 де к а б р я. Революція подавлена... пока что, конечно! Пишу эти строки в Кемере. Из Петербурга и со всей Руси вѣсти прежнія, темныя: повальные обыски, аресты и даже разстрѣлы.

Дурново и к-о торжествуетъ.

Рузумѣется, ни одно государство не потерпѣло бы ни баррикадъ на улицахъ, ни «манифестовъ», в родѣ выпущеннаго рабочими, но ни одно государство и не истребляло бы такъ бессмысленно жестоко людей, какъ у насъ, и не надругивалось бы со своей стороны над своими же законами.

У меня в Кемере скрывается в настоящее время один из членовъ перваго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ — рабочій Семяниковскаго завода Н. Ф. Климчинскій. Онъ былъ изрубленъ 6 ноября казаками; по выходѣ изъ больницы Э. К. Пименова (писательница) направила его ко мнѣ.

Это огромнаго роста человѣкъ, лѣтъ около 30, изъ крестьянъ Могилевской губерніи, брюнетъ. Лицо умное, с глубокой складкой между бровей. На коротко остриженной головѣ у него краснѣютъ три большихъ еще свѣжихъ рубца; кромѣ этихъ трехъ ранъ у него было прикладами сломано 2 ребра, и пе-

ренести такое избіеніе могла только подобная желѣзная натура; раньше он подымал 18 пудов.

Среди боевой организаціи зародилась мысль овладѣть Кронштадтом.

Сперва у нас опаздывало во всем правительстве, теперь начинает опаздывать революція!

31 декабря. Реакція торжествует по всей Руси.

Петербург готовится к выборам в Государственную Думу.

Наступающій год встрѣчаем мрачными глазами. Много еще должно пролиться крови и разориться людей, прежде чѣм настоящій мир воцарится на Русской землѣ!

1906 год.

28 марта. Три мѣсяца не прикасался к этой книгѣ. Чуть не повальные обыски и безконечные аресты, идущіе и по сейчас в Петербургѣ, заставили меня увезти ее в Кемере и хранить там, подальше от жандармских рук.

Несмотря на всѣ ухищренія Дурново и Витте, несмотря на аресты, запрещенія собраній, разстрѣлы, провокацію и всяческіе приемы такого рода — одолѣла конституціонно-демократическая партія: в Питерѣ в выборщики прошли только ея кандидаты и почти во всѣх городах тоже. Успѣх неожиданный!

В день выборов в Питерѣ было очень оживленно: у Соляного городка, куда направился и я,

как житель Рождественской части, с 9 ч. утра толпа. Распорядители были столь умны, что для входа и выхода многотысячной толпы предоставили только одну дверь, так что давка происходила, как на пожарѣ — одна волна втискивалась в зданіе, другая опрокидывала ее.

Я пришел к десяти часам. У входа в изобиліи раздавали разныя черносотенныя воззванія и приглашенія голосовать за партію правового порядка; — раздатчики лѣвых партій, даже кадеты допущены не были, и воззванія послѣдних отбирались и уничтожались полиціей.

Огромный сарай, предоставленный для выборов, имѣл вид собачьей выставки, гдѣ у стѣн, за черными рѣшетками, как в клѣтках, сидѣли за столами приѣмщики. Над каждым столом возвышалась палка с буквами алфавита и МНЗ, по которым должны были раздѣляться податели голосов. В загонах сидѣло по три приѣмщика; один принимал повѣстку и опускал ее в «урну», имѣвшую вид огромнаго почтоваго ящика, густо вымазаннаго сажей; сидѣвшій посрединѣ отмѣчал в книгѣ фамилію. Я подал голос за «кадетов», перед самыми выборами переименовавших свою партію болѣе понятным для массы образом — в партію народной свободы.

Оправдает ли она наши ожиданія??.

Несмотря на драконовыя мѣры не только против редакторов сатирических изданій, но даже и против типографій, печатавших их, — число послѣдних дошло до безумной цифры: с 17 октября вышло болѣе шестидесяти названій. Их конфискуют, жгут, рѣжут, а они растут себѣ, как ни в чем не бывало.

4 апрѣля. Ждали к Пасхѣ амнистіи поли-

тическим заключенным, число которых по официальным свѣдѣніям свыше 70 тысяч, и ничего не дождалось. В насмѣшку говорили, что амнистія будет дана только устроителям погромов!

На смѣну нам идет совсѣм другое поколѣніе. Кто из нас в дѣтствѣ имѣл понятіе о забастовках, политических ссылках и т. п.? Теперь дѣти, даже у родителей, намѣренно скрывающих от них все творящееся на Руси, — играют в забастовки, в митинги, с жадностью хватают газеты, так безконечно скучными казавшіяся нам в 10—12 лѣт. Напр., дѣвочки в нашем коммерческом училищѣ играют в митинги, и когда старшія являются уговорять возню, то пресерьезно отвѣчают, «как же быть — мы играем в митинг, подо же нас разгонять!»

Грошевыя соціальныя брошюры идут нарасхват и покупаются, главным образом, подростками и рабочими. Кто в наше время в 12—13 лѣт промѣнялъ бы Жюль Верна на Маркса и Майн-Рида на Бебеля?!

20 а прѣ ля. Напряженно ждем Думу. А пока что — лупят нас нагайками, разгоняют даже самыя невинныя собранія и усиленно обыскивают. Такой свободы давненько, со времен Грознаго, не было еще на Руси!

Жена недавно была на одном из обычных, исключительно дамских, так называемых «воскресных» собраніях общества попеченія о молодых дѣвицах. Никакой политики это общество не касается; тѣм не менѣе к ним пожаловал нѣкій чин с оранжевыми кантами и весьма развязно усѣлся среди дам слушать их разговоры; возмущенныя дамы отомстили ему тѣм, что сейчас же очистили мѣста близ него, а хозяйка дома — (собранія эти происходят поочередно у дам — патронесс на

квартирах) приказала обнести его чаем. Чин однако этим не смутился: кожа на них высокой выдѣлки!

21 а п р ѣ л я. Пропаганда среди войск идет усиленная. Соціал-демократы издают специальную газету для них «Казарму», конечно, нелегальную. От членов военной организаціи их слышал, что Кронштадт настолько опять подготовлен к возстанію, что бояться, как бы не вспыхнуло оно у них преждевременно. Из питерских войск очень надѣются на преображенцев, за исключеніем какой-то одной, кажется, царской роты, и на Петропавловскій гарнизон. В Царском, Гатчинѣ и др. окрестностях солдаты начинают устраивать митинги и видимо пробуждаются... Преданіе свѣжо...

Много говорят и пишут в газетах всѣ эти дни о пресловутом Гапонѣ. Окончательно выяснилось, что за гусь и какую скверную, хотя все же еще загадочную, роль играл он в дѣлѣ 9 января. Он дѣйствовал на два фронта и увлекался, и там и тут.

26 а п р ѣ л я. Опубликованы «основные законы», — вѣрнѣе послѣднія судороги самодержавія. Кѣм надо быть, чтобы придумывать и издавать новые законы чуть не за день перед Думой?..

На этих днях ушли в отставку Витте и Дурново, а с ними и прочіе министры. Дурново в награду за труды получил 200.000 р.

По Питеру ѣздит и ходят войска, как перед генеральным сраженіем; вокзалы переполнены солдатами и жандармами; обыскивают пассажиров без стѣсненій, и на-днях обыскиали даже нѣскольких депутатов.

27 а п р ѣ л я. Вот и великій, долго жданный день! На улицах флаги, но праздничнаго оживленія

не замѣтно. Фабрики всё работают. На углах улиц бѣлѣют плакаты, объявленія нашего остроумнаго градоначальника, распорядившагося прекратить движеніе по двум мостам через Неву.

Вышел на Невскій; народа даже меньше, чѣм в обыкновенные будни. Только на углах Морской, да под аркой штаба толпились небольшія кучки любопытных; ни к Александровскому саду, ни на Дворцовую площадь, ни по Мойкѣ не пропускали никого. Постоял нѣсколько минут под аркой, посмотрѣлъ на красную и бѣлую линіи казаков и кавалергардов, выстроенных перед дворцом, и пошел обратно. Во дворцѣ происходил в это время пріем Думы.

6 ч. вечера. К 4 ч. члены Думы съѣхались в Таврическій дворец. Войск и полиціи нагнано было к нему вдвое больше, чѣм публики; толпа стояла все же весьма порядочная; преобладало студенчество, курсистки и интеллигенція. Чувствовали себя всё чрезвычайно свободно и вскорѣ начали задирать войска: раздались свистки, крики «долой» и «прочь», словом, начался было скандал, и только появленіе обер-полицеймейстера, обѣщавшаго удалить войска, успокоило толпу. Войска, дѣйствительно, сейчас же ушли, и публика взялась под руки, устроила цѣпи и успокоилась. Какой-то министр хотѣлъ подѣхать к самому дворцу в каретѣ; раздался вой, лошадей ухватили под уздцы и заставили его высадиться и шествовать пѣшим манером. Члены Думы пробирались гуськом, кланялись, жали тянувшіяся к ним руки; их встрѣчали и провожали аплодисментами и криками: «амнистію, амнистію!» Болѣе всёх овацій выпало на долю Родичева.

10 ч. вечера. От бывших на пріемѣ во двор-

цѣ слышал, что государь тронную рѣчь свою, состоящую всего из трех-четырех фраз, читал по бумажкѣ; Марія Ѳедоровна выглядѣла презлющей, молодая императрица сидѣла вся пунцовая, и обѣ, не досидѣвъ до конца, удалились. Богатая, хотя неподновленная и грязная, обстановка особаго впечатлѣнія на депутатов-крестьян не произвела. Вообще всѣ выборные были очень сдержанны и скорѣе угрюмы: значит, чувствуют, какая отвѣтственность перед избирателями лежит на них! Один крестьянин глядѣл, глядѣл на раззолоченный мундир какого-то придворнаго и сказал вполголоса: «ежели б с одного его зада золото снять — двѣ деревни цѣльный год прокормить хватило бы!»

30 апрѣля. Об амнистіи по-прежнему ни слуху, ни духу. Дума собирается, газета членами ея издается, но ни о каких рѣшительных шагах, не слышно...

К 1 мая заготавливают войск больше, чѣм их дѣйствовало в Ляоянѣ у Куропаткина. На войнѣ пулеметы у нас отсутствовали, а теперь чуть ли не на каждого жителя по такой штучкѣ найдется! На Троицкій мост и набережную Петерб. стороны наведены со стѣны Петропавловки два вновь взвезенных орудія. Отечески пекутся у нас о спокойствіи народа!

2 мая. Первое мая прошло мирно; заводы, конечно, не работали; в городѣ прѣцессій не было, и только огромная толпа рабочих в красных рубахах и с красными флагами прошла из-за Невской заставы на Преображенское кладбище, к могилам жертв 9 января.

Ухлопали командира Петербургскаго порта, сильно жавшаго рабочих и вообще слишком герой-

ствовавшего среди подчиненных; убито и несколько рабочих, главарей черносотенцев, свирѣпствовавших на Семянниковском заводѣ.

Слухи о смерти Гапона подтвердились: тѣло его нашли на пустой дачѣ в Озерках; он висѣл на веревкѣ, и вскрытіе показало, что он был повѣшен живой; тѣло его сильно разложилось, но лицо можно было узнать, и фактъ установлен окончательно... Кто убійцы — неизвѣстно, хотя, в газетах помѣщено было заявленіе боевой организаціи о том, что Гапон приговорен ею к смерти, и что приговор приведен в исполненіе. Заявленію этому почти никто не повѣрил, и считали его простой мистификаціей. Вот и новая интересная тема для газетнаго романа!

Дума еще засѣдает, только надолго ли? Дворцовая камарилья уже точит на нее зубы.

5 іюня. Понемногу ухлопывают на окраинах черносотенцев. Опять берет верх революціонная партія, задавленная было арестами. На заводах происходят курьезы. На Семянниковском, напр., черносотенцы доведены до такого перепуга, что по малѣйшему окрику приносят свои значки—«истинно русских» людей и револьверы — по большей части скверные. Любопытно, что на квартирах двух убитых — Лаврова и Снесарева — главарей черносотенцев и страшилищ цѣлых районов — рабочими обнаружены склады награбленных ими кошельков, часов, шапок и т. п. У одного напр., — у Лаврова, отыскано было 40 кошельков, 17 часов, 25 шапок. Эти франты со своими шайками с начала репрессій занимались вездѣ на окраинах, под видом обысков, грабежом прохожих. Управы на них, кромѣ самосуда, никакой не было.

Настроение в общем, как перед грозой—душно, дышать хочется!

7 іюня. Бесѣдовал со многими издателями и вот неожиданное сообщеніе их: книжный рынок пресытился, словно захлебнулся тѣм страшным количеством книг и брошюр, что выбрасывается на него теперь ежедневно. Перестали даже идти разныя соціальныя брошюры — еще так недавно нарасхват разбиравшіяся публикой. Мы пережили період книжной вакханаліи: печать вырвалась из проклятых лап цензуры и закрутилась, как дервиш в пляскѣ. Одно время книги, особенно брошюры, шли поразительно бойко; теперь «стали» и онѣ. Казалось бы, при таком спросѣ, издательства и бумажныя фабрики должны бы были процвѣтать, между тѣм явленіе получилось обратное: всѣ жалуются на упадок дѣл — даже газеты, поглотившія теперь все вниманіе публики. Причина проста: фабрики в большинствѣ случаев отпускают бумагу в кредит, иначе онѣ стали бы совсѣм, так как наличных денег теперь сильно поубавилось на Руси; издательства берут в кредит, и печатают; но продать теперь можно только что-либо очень рѣзкое, и книги по выходѣ в свѣтъ весьма скоро конфискуются полиціей. Результаты ясны. Газеты, несмотря на страшный спрос на них, в желѣзных тисках и держатся только продажою в розницу в С. ПБ. Дальше их не выпускают: конфискуют или в почтамтѣ, или же цѣлыми тюками на мѣстах полученных. Даже дѣла такой распространенной газеты, как «Наша Жизнь», висят на волоскѣ; юмористическіе журналы поумирали уже почти всѣ, а с 17 октября выпрыгнуло их в свѣтъ около 80.

Пріѣзжающіе из провинцій рассказывают об особом родѣ нищенства, распространившемся на

Руси: на станціях бабы, подростки и мужики выпрашивают у проѣзжих «газетку»... И это у нас, на Россіи! Основательно же пробудил нас японскій приклад!

20 іюня. Бесѣдовал с Д. М. Бодиско, только что вернувшимся из своей Тульской губерніи. Он, еще недавно увѣрявшій меня в глубоком монархизмѣ крестьян, рассказывал, и не без горечи, что слово «царь» теперь мертвый звук для народа. Мертвый потому, что народ раньше рассчитывал, что царь и никто другой даст ему землю, теперь же всѣ упованія свои перенес на Думу. Потрунил я над ним. Царь-то у нас совсѣм как некрасовскій барин, котораго «все нѣту», который «все не ѣдет!»

1907 год.

30 мая. Кемере. В Петербургѣ открыли опять всѣ игорные дома, в изобиліи высыпавшіе за послѣдній год. Градоначальник было закрыл их, но сердце не камень и против предложенных 100.000 не устояло. Один Купеческій клуб за право сохраненія азартных игр заплатил 20.000.

4 іюня. Вторая дума распущена.

Извѣстіе об этом привезла в Кемере К. Н. Новикова. Колонія наша всполошилась. Питер равнодушен; если б не разѣзды жандармов и казаков на улицах — и подумать нельзя было бы, что случилось нѣчто незаурядное.

8 іюня. В Питерѣ аресты и обыски без

конца. Волнуется и бурлит молодежь, а громадное, подавляющее большинство взрослых людей, «публика» — почти равнодушно. Кто устал от политики, кому наплевать на все, кроме загородных садов и кабаков.

18 іюня. Вчера приѣзжал и сегодня уѣхал В. Л. Бурцев — один из редакторов «Былого».

Немного выше средняго роста, худощавый, нѣсколько остроконечною головою, покрытой вихрами сѣдоватыхъ волос, человекъ этотъ находится вѣчномъ младенствѣ: идеалист, довѣрчивый, наивный, онъ производитъ на незнающаго человека нѣсколько странное впечатлѣніе. Встрѣчался я с нимъ нѣсколько разъ в редакціи «Былого»; человекъ онъ искренній и простой.

В этомъ году онъ заработалъ около 12.000 рублей и много отдалъ на дѣло революціи, но еще больше разобрали у него пріятели, т. к. счета деньгамъ онъ самъ вести не умѣетъ. Ходитъ всегда неряхой и имѣетъ видъ человека, не успѣвшаго вымыться; сегодня съ увлеченіемъ занимался рыбною ловлей, причемъ стоялъ на мосткахъ на солнцепекѣ безъ шапки и въ сюртукѣ, безъ воротничка и манжетъ. Рассказывалъ объ идеѣ устроить музей революціи, и что многіе уже дѣятельно собираютъ матеріалы для него; рылись мы с нимъ и въ моей библіотекѣ.

25 іюня. Прибѣгалъ Бурцевъ — приѣхалъ погостить къ Яковлевымъ (Богучарскимъ). Страшно увлекается рыбной ловлей, сидитъ цѣлыми часами на мосткахъ и удитъ какихъ-то злополучныхъ окуньковъ. Червей у нихъ на участкѣ нѣтъ и онъ прибѣжалъ ко мнѣ за червями, ползалъ на колѣняхъ, въ вѣчномъ своемъ сюртукѣ, по навозу и ковырялъ въ немъ палкой, увѣряя, что предложенный мною для этой цѣли ножъ — не поэтиченъ.

Насмѣшил он нас с Яковлевым: послѣдній — страстный охотник и возился при нем с ружьем; Бурцев и говорит: — послушайте, уберите эту штуку — я, как истинный террорист, весьма боюсь ея!

В этом шутливом замѣчаніи сказался весь Бурцев. Чѣм больше присматриваюсь к нему, тѣм прочнѣе убѣждаюсь, что это настоящее, хотя и сѣдѣющее уже, дитя.

Между прочим: у него не хватило червей для ловли и он на крючок стал насаживать кусочки копченой колбасы; я ему совѣтовал для успѣха нацѣпить на другой крючок рюмку водки; сумасшедших окуней, к большому его сожалѣнію, в нашем озерѣ так и не оказалось.

10 іюля. Вчера ѣздил в Петербург. Народу, по обыкновенію, в поѣздѣ была гибель. Теріоки теперь в нѣкотором родѣ черта осѣдлости разных приговоренных к крѣпости редакторов, издателей и т. п.

На вокзалѣ видѣл Бурцева, присяжнаго повѣреннаго Маргуліеса и др. Послѣдній, чтоб пройти в Думу, вздумал создать новую партію, «радикальную».

Присутствовал раз и я на собраніи этой партіи, послушал разных «товарищей» и ораторов и написал об этих каррикатурах в «Руси». Единственный, настоящій говорун в этой «партіи» был Маргуліес; говорит он хорошо, но особаго впечатлѣнія произвести не может: глубины нѣтъ. Затѣя его, конечно, лопнула, и в послѣднее время, когда он являлся на какое-нибудь собраніе, его привѣтствовали: — «а, вот и вся радикальная партія пришла!»

Вчера же был очевидцем грабежа, или, как принято теперь выражаться по модному, — экспропріаціи.

Иду днем домой — по Суворовскому проспекту и вдруг слышу на 7-ой Рождественской сухие удары молотков по доскѣ, затѣм крики; вижу, народ бѣжит к углу со всѣх сторон. Поспѣшил и я и увидал, что по направленію к Греческому скверу летит четверо людей; навстрѣчу им выскочило двое городских и двое же гнались за ними; убѣгавшіе отстрѣливались, очевидно, из браунингов; дыма видно не было, а слышались только удары; одного из убѣгавших, здоровогонаго верзилу, поймали, остальные исчезли; несмотря на усиленную пальбу, ни раненых, ни убитых не было.

Против нашей квартиры, у чайнаго магазина Парамонова, толпилась публика; одно из окон его было разбито. Оказалось, что грабители вошли в магазин, выхватили револьверы и велѣли горбатенькой старушкѣ-хозяйкѣ подать деньги.

Она открыла конторку, вынула оттуда желѣзную коробку с мѣдью и, неожиданно, запустила ее в окно. Стекла посыпались на тротуар и к магазину бросились любопытные.

Грабители в перепугѣ метнулись вон, успѣвъ захватить лишь сверток с 50 копѣйками.

16 іюля. 14-е и 15-е числа провел в Петербургѣ.

Был, между прочим, в «Трудѣ», книжном магазинѣ на Невском, смотрѣл новинки. Декадентщина вытѣснила в настоящее время всѣ другія книги.

Кликушество и порнографія — вот что теперь заполонило и журналы и книжный рынок. Любопытно, что чуть не всѣ поголовно ругаются и смѣются над корифеями этой марки, а... покупают только их! Одни объясняют такія свои покупки тѣм, что надо же быть в курсѣ современных течен-

ній в литературѣ, другіе — модой и любопытством.

На вопросы мои, что требует и читает теперь провинція, сообщили, что провинціи это теченіе пока не коснулось и что декадентщина оттуда не требуется. Купил нѣсколько конфискованных книг для своей библіотеки; продаются онѣ, конечно, совершенно открыто и грозное когда-то слово «конфисковано» — в настоящее время звук пустой.

21 іюля. Перестал читать газеты: их довели до того же положенія, в каком находились онѣ при Щедринѣ; опять требуется эфіопскій язык и ухищренія для маскировки мыслей. Политическій горизонт так же сѣр и скучен, как погода.

23 августа. В Петербургѣ за это время произошло освященіе храма Воскресенія, знаменитаго не только тѣм, что он построен на мѣстѣ убійства Александра II, а и тѣм, что двадцать шесть лѣтъ, все время своей постройки, весьма сытно кормил высоких особ. Не мало язвительно поострили на этот счет петербуржцы.

Освященіе происходило весьма оригинально. Во-первых, прекращено было всякое движеніе через Неву по мостам, на параходах и даже яликах; во-вторых, войска и полиція оцѣпили весь квартал, гдѣ стоит церковь, и без билетов никто рѣшительно, даже в собственныя квартиры, в этой части города расположенныя, не пропускался; в-третьих, у каждаго окна по пути слѣдованія стояло по городовому и всякое приближеніе к окнам жильцам было воспрещено...

Его Величество прослѣдовало благополучно, и затѣм градоначальнику было объявлено благоволеніе за «отличный порядок».

Порядок, дѣйствительно, был великолѣпный: на улицах было — хоть в кегли играй!

21-го числа происходили новыя казни: покончили на Лисьем Носу трех главных заговорщиков... О казнях приходится слышать или читать каждый день; положеніе в общем не лучше, чѣм до «свобод». Печать опять гнут в бараній рог: штрафуют за всякую ерунду без милосердія.

28 августа, Ѣздил на Сайменскій канал в гости к Д. Ф. Чепикову — пріятелю и компаньону извѣстнаго книгопродавца Карбасникова; послѣдній имѣл прежде книжный магазин на Литейном просп., затѣм, этим лѣтом, перебрался в Гостиный Двор. Купил там рядом с Вольфом небольшое помещеніе за 136.000 рублей, и послѣдній теперь предлагает ему 50.000 отступного.

Карбасников только поглаживает бороду да посмѣивается. Это лысый невысокій человекъ с рыжеватой бородой, длинной, как у Черномора. Как собесѣдник — человекъ незамѣнимый: весельчак и балагур.

20 октября. Состоялись, наконец, выборы; как и слѣдовало ожидать, благодаря всяким беззаконным «законам» Дума будет полна черносотенцами.

В Петербургѣ поразило меня, послѣ долгого лѣтняго отсутствія, обиліе новых училищ, курсов и т. п. Особенно общеобразовательных курсов и коммерческих училищ развелось, как грибов. Всякіе курсы — бухгалтерскіе, техническіе, общіе — полным полны. Обиліе новых коммерческих училищ объясняется тѣм, что они находятся в вѣдѣніи Министерства торговли, а не просвѣщенія, откуда бѣжит, или выживается, все мало-мальски ра-

зумное. Три года тому назад сбѣжали и мы из этого милаго министерства.

Чтоб описать всю дикую косность его — нужны томы; расскажу кое-что о нѣкомъ окружном инспекторѣ, Санчурском, под игом котораго находилось и наше училище.

Дѣло у нас было молодое, но открытая женой школа (3 го разряда) уже имѣла два или три класса. Надо было хлопотать о правах второго разряда и вот тут-то господин Санчурскій поломался всласть. Является, между прочим, в училище, приходит в первый класс.

— Ну-с, заявляет: — я желаю проэкзаменовать дѣтей по Закону Божию...

Начинается экзамен, вызывает дѣвочку.

— Скажите мнѣ, кто у нас Государь Император? Наслѣдник? Дяди Государя? и т. д.

Это, по мнѣнію г. инспектора, относилось к Закону Божию...

В другом классѣ экзаменует по естествовѣдѣнію.

— Скажите, какія деревья приносят плоды?

Дѣвочка отвѣчает: яблони, груши, сосна...

— Как сосна?.. изумляется инспектор.

— Да, у нея есть плоды.

— Какіе? Гдѣ вы их видѣли?

— А шишки?

— Да развѣ это плоды? Плодами называется тольк то, что ѣсть можно...

И господин с такими познаніями назначается на пост почти безапелляціоннаго судьи над десятками школ.

Интереснѣе всего, что когда этот субъект, умершій года два назад от прогрессивнаго паралича, почти уже утратил рѣчь и вмѣсто связанных

фраз произносил неповинующимся языком непостижимую ерунду, он еще болѣе полугода продолжал быть фактическим инспектором школ, с которыми продолжало считаться министерство.

23 октября. Сегодня перебаллотировка выборов в Государственную Думу.

Перед первыми выборами я ѣздил в Финляндію и на вокзалѣ встрѣтился со Львом Ѳедоровичем Рагозиным — предсѣдателем Медицинскаго Совѣта. Со стариком я в очень хороших отношеніях и он рассказал мнѣ слѣдующее.

Перед выборами к нему явился чиновник особых порученій из Департамента Полиціи и, всячески извиняясь и раскланиваясь, сказал, что он пріѣхал от Директора Д-та с порученіем «усиленно просить ваше превосходительство» о подачѣ голоса за столь полезнаго человѣка, как М. Меньшиков.

Курьезнѣе всего, что по подсчетам за Іудушку, оказалось, подано было всего... тринадцать голосов. И это при содѣйствіи величайшей власти в Россіи — Директора Департамента Полиціи!

25 октября. В Питерѣ побѣдили кадеты. Прошли все тѣ же: Милюков, Родичев и Колюбакин.

26 октября. Слышал рассказы лейтенанта князя В, офицера, с императорской яхты «Штандарт», так блестяще усѣвшейся на камни в Финских шхерах.

По рассказам его, Государь страшно любит и балует наслѣдника. Трех-или четырехлѣтній мальчик этот дѣлает рѣшительно все, что ни взбредет ему в голову.

Напримѣр, явился во время поѣздки по шхерам к вахтенному офицеру и потребовал, чтобы играла музыка. Тот вытянулся, держа под козырек,

перед крошкой и доложил, что музыка играла вчера, а сегодня по расписанію ея не полагается.

Наслѣдник потребовал, чтобы музыканты явились; вахтенный доложил капитану и приказаніе было немедленно исполнено.

Сыграли марш, другой, затѣм Алексѣй вытребовал матросов и стал командовать ими, потом заставил командовать офицера, причем велѣл ему «быть папой». Матросы хором отвѣчали «рады стараться, Ваше Величество» и т. д.

Важнѣйшею фігурою при Дворѣ является барон Фредерикс; с ним Государь бесѣдует часами, между тѣм как министрам и даже премьеру — Столыпину удѣляет на дѣла не больше четверти часа, и сух с ним настолько, что появленіе на «Штандартѣ» Столыпина производило впечатлѣніе не большее, чѣм пріѣзд какого-нибудь разночинца.

Николай, не стѣсняясь, заявляет, что «вообще я штатских не признаю... даже чиновников».

А насколько он высокаго мнѣнія о себѣ и обо всем, с чѣм он соприкасается, показывает слѣдующая фраза. Когда «Штандарт» напоролся на камень и остановился, Николай сидѣл в каютѣ и что-то писал. Дежурный офицер бросился к нему с докладом об аваріи.

— Императорская яхта сѣсть на камень не может! отвѣтил Николай II.

В общем, мнѣніе петербуржцев о Николаѣ II довольно единодушное. Было время, когда добрая половина города его жалѣла и защищала. Теперь, с кѣм ни заговори, всякій машет рукой и отвѣчает бранью.

Забавно, что гг. монархисты и «истинно русскіе», тѣ, что с гордостью, заслуживающей луч-

шаго приложенія, именуют себя черносотенцами, ненавидят Николая еще болѣе лѣвых.

8 ноября. Был на днях у Богучарских. Василій Яковлевич уѣхал в Париж, а без него стряслось несчастье — закрыли «Былое». Конфискованы были двѣ книги под ряд — сентябрьская и октябрьская, — первая за записки сенатора Безобразова, в которых попало царской семьѣ, вторая просто, должно быть, за компанію, так как инкриминируемыя записки Бороздина рѣшительно ничего грѣховнаго не содержат.

Говорят, что сентябрьской книгой так были возмущены великіе князья, что насѣли на кого слѣдует и вынудили администрацію прикончить с журналом. Жаль, матеріала заготовлено уже книг на шесть и болѣе!

Как передавала Богучарская, в ея отсутствіе на кухню к ним пришел какой-то неизвѣстный субъект и предупредил, что на днях у них будет обыск. Моментально она выгрузила всѣ документы в огромный чемоданище и, спросив предварительно согласіе, отвезла его к Прокоповичам.

Э. В. Яковлева — одна из дѣятельных и видных участниц нашего нелегальнаго Краснаго Креста; когда к ним ни приди — в передней у нея всегда высятся груды узлов со всякой всячиной, предназначенной для передачи политическим арестантам в тюрьмы; разносят их, помимо членов, еще и курсистки; послѣднія в весьма большом числѣ.

Разсказывала мнѣ о непріятном впечатлѣніи, произведенном на нее и других членов Креста выходкой евреек. Крест, конечно, никогда никакой разницы между ссыльными ни по націям, ни по

религіям не дѣлал, между тѣмъ вдругъ еврейки, вы-
знавъ предварительно все нужное для веденія дѣла
въ Крестѣ, заявили, что онѣ хотятъ выдѣлиться и на-
мѣрены помогать только своимъ, евреямъ.

Въ общемъ, составъ революціонеровъ страшно по-
низился. Всякая сволочь прикрываются теперь кра-
снымъ флагомъ.

Отовсюду приходится слышать жалобы на по-
стоянныя посѣщенія квартиръ «политическими лично-
стями», выпрашивающими пособія и которыя, по
провѣркѣ, оказываются просто шантажистами. Все
это вводитъ Красный Крестъ въ большія затрудненія.

6 декабря. Давно не заглядывалъ въ эту
тетрадь: писать нечего. Все одно и то же: обыски,
казни, грабежи. Все это стало такъ обычно, что не
вызываетъ ни интереса, ни разговоровъ.

Сегодня Питеръ разукрашенъ флагами, коврами,
вензелями и пр. по случаю царскаго дня. Въ газе-
тахъ типа «Новаго Времени» восторженныя описанія
иллюминаціи, убранства города, ликованія и т. п.
А на дѣлѣ градоначальникъ объявилъ домовладѣль-
цамъ, что если убранства домовъ окажутся недоста-
точными, то они будутъ оштрафованы на 500 руб-
лей.

Усиленные аресты и обыски идутъ и въ Фин-
ляндіи. Давно ли я писалъ, шутя, о Теріокахъ какъ о
чертѣ осѣдлости нашихъ революціонеровъ? Теперь
ея нѣтъ!

10 декабря. Встрѣтилъ на Литейномъ похо-
роны министра торговли Философова, внезапно
умершаго 6 декабря въ ложѣ № 13 Маріинскаго
театра. Гробъ сопровождало почему-то множество
жандармовъ съ винтовками за плечами; кто его со-
бирался экспроприровать — неизвѣстно!

12 декабря. НавѣстиЛ Л. Ф. Рагозина. Смѣется. Удивительный чудак этот человек! Доброты он безмѣрной, сановничьей важности ни малѣйшей, доврчив при этом Лев Федорович тоже безмѣрно.

Вся жизнь его — это сплошная цѣль увлеченій. Нѣсколько лѣтъ тому назад он страстно увлекался часовым мастерством; я часто заглядывал к нему и, как ни придешь, сейчас же тащит показывать новинки: он чуть ли не каждый день ходил на толкучку и скупал там всевозможную дрянь, преимущественно карманную. Инструментов у него была гибель. Главное удовольствіе Л. Ф. состояло в том, чтобы починить часы и повѣсить их затѣм над кроватью, гдѣ их у него тикало в ящикѣ за стеклом штук восемнадцать.

Когда наступало время бить часам — в домѣ начинался Содом: во всѣх углах, на всѣх стѣнах принимались звонить, трещать и отжаривать часы всяких видов и размѣров.

Особенно неистово и рѣзко, словно молотком по стальному котлу, били у него часы в кабинетѣ; это окаянное произведеніе ежечасно начинало свои концерты и я первое время каждый раз привскакивал в креслѣ от неожиданных, точно пистолетных, выстрѣлов над ухом.

Всякій другой в такой обстановкѣ впал бы в бѣшенство через двадцать четыре часа, а Л. Ф. только гуляет по комнатам да радуется.

Увлеченіе часами смѣнилось увлеченіем топорами; как-то прихожу — тащит смотрѣть топоры: развѣсил их на стѣнѣ цѣлую коллекцію; послѣ топоров появились на сцену ружья, из которых он вряд ли когда-нибудь стрѣлял и будет ли стрѣлять — неизвѣстно.

Курьезнѣе всего, что этот человек, имѣющій,

кромѣ имѣнія в Калужской губерніи, еще свѣше 12.000 р. жалованья в год и, наконец, 60 лѣтъ на плечах, всегда, сообщая о цѣнѣ той или другой купленной им вещи, прибавляет: — «только, смотрите, Александрѣ Петровнѣ (жена Л. Ф.) не проговоритесь; я ей сказал вдвое меньше!»...

В домѣ у них, кромѣ шлюющихся по комнатам бульдогов и злющей собаченки какой-то невообразимо паскудной породы, торчит клѣтка с попугаями и скворцами, а в столовой, вѣроятно для возбужденія ароматами аппетита — клѣтка с обезьянами.

Докторов Л. Ф., будучи главой медицинскаго міра в Россіи, — ругает наповал. И зачѣм существует этот Медицинскій Совѣтъ, поглощающій такую уйму денег — уму непостижимо!

Л. Ф. бывает в Петербургѣ только по зимам, так с октября мѣсяца по апрѣль, жалованье же получает и с апрѣля по октябрь; рѣдкія засѣданія этих свѣтил — ряд курьезов, заслуживающих историка.

Так, напримѣр, идет у них засѣданіе. Секретарь «что-то читает, (записывая словами Рагозина) в это время проф. Тарновскій, — он очень хотѣлъ сбыть свое крымское имѣніе под Феодосіей Рагозину — передает ему через стол записку. — «Покупайте, продаю дешево, не упускайте случай».

Рагозин отвѣчает запиской же. — «Погодите. Продам сперва татарину штаны: не хватает денег».

И т. д., и т. д. Остальные члены кто дремлет, кто рисует что-нибудь на бумажкѣ.

Таким манером просидят люди часок, другой и разѣзжаются с сознаніем исполненнаго долга.

По политическим взглядам Л. Ф. чиновный либерал старых времен.

Заходил в «Труд». Здорово подтянули теперь и

книжные магазины: нѣтъ уже цѣлыхъ выставокъ исключительно конфискованныхъ книгъ, всѣ такія книги тщательно прячутся, а главное — ихъ уже магазины боятся.

18 декабря. Сейчасъ вынесенъ приговоръ суда надъ депутатами I-ой Думы за Выборгское воззваніе: приговорены къ заключенію въ тюрьму на три мѣсяца. Были оваціи.

Меньшиковъ въ «Новомъ Времени» на судившихся членовъ Думы извергалъ изъ своей плевательницы гнуснѣйшія статьи; читалъ одну, озаглавленную — «Сто шестьдесятъ шесть носовъ», въ которой онъ глумится надъ подсудимыми и находитъ, что они «гордо поднявъ кверху сто шестьдесятъ носовъ, входятъ въ залу суда».

19 декабря. Въ Петербургѣ идутъ усиленные грабежи; что ни день, то новые случаи, удивительные по своей наглости.

Телеграммъ изъ Россіи въ газетахъ хоть не читай; вся первая страница ихъ сплошь занята извѣстіями о казняхъ, убійствахъ и грабежахъ.

21 декабря. Густѣйшій туманъ; съ тротуара съ трудомъ можно различить что-либо на серединѣ улицы.

22 декабря. Былъ у меня Будницкій, рабочій Семянниковскаго завода, только что вернувшійся изъ Севастополя, куда ѣздилъ съ товарищами въ командировку отъ завода для работъ на подводныхъ лодкахъ.

Настроеніе, говорилъ, среди матросовъ весьма острое; накалены, что называется, до бѣла, постоянно происходятъ по ночамъ убійства, или покушенія на офицеровъ-моряковъ и все это — дѣло рукъ матросовъ.

Режим у них, послѣ привольной жизни, установлен крутой: позже восьми часов вечера выход из казарм воспрещен, посѣщеніе гостиниц и т. п. мѣст тоже; всѣ рабочіе Семьянниковскаго завода были строго изолированы от них и посѣщеніе их матросам не дозволялось.

Между тѣм, эти же рабочіе плавали вмѣстѣ с ними на своих подводных лодках во время испытаній; матросы удирают из казарм в штатском платьѣ. Вражда между ними и сухопутными войсками — менѣе распропагандированными — жестокая; убійства и пораненія происходят при всякой встрѣчѣ.

1908 год.

2 января. Были у меня Д. Н. Бодиско, Ольвіопольскій земскій начальник и пристав его; Бодиско сбѣжал из Ольвіополя болѣе мѣсяца тому назад: туземные революціонеры приговорили его к смерти — по его словам — за слишком большія добродѣтели, поведшія к тому, что народ отшатнулся от революціонеров и «всей душой прилѣпился к нему».

О приставѣ он мнѣ разсказывал много и раньше, как о каком-то чудѣ Россійской имперіи. Пристав этот не берет взяток — явленіе дѣйствительно сверхъестественное! Его тоже приговорили к смерти, ...причина для такого приговора как будто нѣсколько странная.

Бесѣдовал с ним о современных безконечных разбоях, а также об Одесских исторіях, о которых

разсказывают невѣроятныя вещи всѣ газеты. Пристав — очень спокойный и положительный человек; так же он относится и к сообщеніям из Одессы, дѣла которой он знает хорошо.

Говорил, что всѣ сообщенія оттуда сильно раздуты. По его словам выходит, что партія с.-р. опустилась у них до сліянія с самыми простыми разбойниками и хулиганами*). Курьезно очень то, что все-таки ниже всего оба ставят в один голос партію Союза Русскаго Народа: «это самые подонки!». таков отзыв их.

4 января. Была Э. В. Яковлева (Богучарская), просила меня спрятать чемодан со всевозможными документами из закрытаго «Былого»: вчера к ней явилась какая-то незнакомая, очень хорошо одѣтая дама и, не называя себя, разсказала, что она была в одном, «очень важном домѣ», гдѣ слышала, что у Богучарских рѣшено произвести обыск, и поэтому она сочла долгом пріѣхать и предупредить ее.

Против нелегальнаго Краснаго Креста начались большія гоненія; Савинкова, напр., выслана по подозрѣнію в участіи в нем; издан циркуляр, запрещающій помощь заключенным.

5 января. Лопнул «Труд» — книжное предпріятіе богача Скирмунта. Я был поражен этим извѣстіем. Магазин его, находящійся на Невском, наискосок от Аничковскаго дворца, вѣчно был переполнен публикой. Когда, бывало, ни взглянешь — в нем всегда стояла толчея; к огромному столу, находившемуся по срединѣ магазина и заваленному книжными новинками, едва можно было протискаться.

*) Имѣются в виду «максималисты». Редакція

Приказчиками служили студенты и интеллигентная бѣднога; «Труд» былъ вѣкотором родѣ клубом эсдеков; весь состав служащихъ исключительно изъ нихъ, и туда заходила в огромном количествѣ ихняя братія поболтать, узнать новости и проглядѣть книги.

Захаживалъ къ нимъ частенько и я, но с другими цѣлями: всѣ конфисковавшіеся книги, а также вышедшія нелегальнымъ путемъ, расходились, главнымъ образомъ, оттуда; ихъ-то я и добывалъ тамъ для своей бібліотеки.

Картину этотъ эсдековскій муравейникъ представлялъ любопытную; во-первыхъ, на хлѣба к Скирмунту эсдеков набилось в качествѣ служащихъ пятьдесятъ человѣкъ, не считая мальчиковъ — цифра для книжнаго магазина дикая.

Крали у нихъ неимоვნно. Порядка в магазинѣ и в отчетности не было никакого. На-дняхъ одинъ букинистъ мѣтко сострилъ про нихъ. — «Торговали, сказалъ, — веселились — подсчитали — прослезились!»

А прослезиться есть с чего! Во дни «свобод» Скирмунтъ началъ это дѣло с 600.000 руб. капитала, а в настоящую минуту, послѣ двухъ лѣтъ, дошелъ до того, что банки не принимаютъ къ учету векселей с его подписью и поручительствомъ.

7 января. С юга приходятъ тревожныя вѣсти: в Севастополѣ со дня на день можетъ вспыхнуть возстаніе; настроеніе среди войскъ крайне напряженное. Желѣзно-дорожный союзъ (тайный, конечно) спѣшно послалъ туда делегата с тѣмъ, чтобы задержать взрывъ насколько возможно. Если не удастся, будетъ только безрезультатное повтореніе Кронштадта и Свеаборга.

9 января. Безобразно растут на все цѣны: 3-х коп. булки превратились теперь во что-то такое миниатюрное, что скоро из прежней булки их будет выходить три. Дроза догнали до 7 р. 80 к. за сажень; не только бѣдному люду, но и людам средней зажиточности скоро придется отказаться от мяса, сколько-нибудь приличных квартир и т. п.

10 января. Положеніе политических заключенных из очень недурного сдѣлалось приглядным.

Вчера был в издательствѣ О. Н. Поповой (умершей в прошлом году) и встрѣтился там с редактором, служившим у нея. Он приговорен к году тюрьмы и должен сѣсть на-днях; слышал от него, что политическим воспрещено теперь имѣть собственную одежду, всѣх облачают в арестантскіе халаты, всѣх будут «выгонять» на обязательныя работы, вродѣ клейки коробочек и т. п.

В газетах прочел, что «полиціей, наконец, установлено, что Рагозинникова скрывалась в Келломяках и, пріѣхав оттуда, убила Максимовскаго». И полиція и газеты плохо освѣдомлены: она жила у Э. К. Пименовой, у нас, в Кемере.

17 января. Заходил к Богучарским. Э. В. больна, тѣм не менѣ вышла. Вспоминали с Василием Яковлевичем о Щегловѣ, сидящем теперь в Коломенской части за неимѣніем мѣст ни в Крестах, ни в других тюрьмах. Чтоб добиться помѣщенія в одиночной камерѣ, или даже в общей в Крестах, нужна теперь протекція; так все набито битком. А еще вольтерьянцы говорят, что в Россіи легко в тюрьму попасть!

Щеглов — бывшій соредактор «Былого» — настолько толст, что сразу бросается в глаза в какой угодно толпѣ; его выслали из Питера, а эта туша взяла да и возвратилась, и мало того,—стала

показываться вездѣ на улицах; конечно, ее скоро изъяли из обращенія. Газеты, описывая этот случай, сообщали, что Щеголева арестовали на улицѣ и, два сыщика усѣлись по сторонам его на извозчика; — что его арестовали — вѣрно, что его увезли — тоже вѣрно, но чтобы с ним мог усѣсться на извозчикѣ еще кто-нибудь — это уже от лукаваго!

Толковали с Василием Яковлевичем о судьбах новаго его журнала «Минувшіе годы», являющагося замаскированным «Былым». Плохо вѣрит в его долговѣчность, тѣм не менѣе дерзает. Замаскировали они его отлично, только сдѣлали одну ошибку: указали в публикаціи о нем адрес — Знаменская 19 — старое мѣстожительство «Былого».

На это мнѣ В. Я. возразил, что и другой адрес не помог бы: теперь, куда он ни отправляется, за ним всюду слѣдят два шпики.

Разсказывал мнѣ, между прочим, любопытный факт. Какое-то земство, чуть ли не Вятское, точно не помню, подписавшееся у них на «Минувшіе Годы», вдруг присылает письмо и просит вернуть обратно деньги. — Мотив — губернатор запретил к обращенію в библіотеках его губерніи журнал... который, еще не родился и первый № котораго еще должен выйти 20 января!

Петербург весь усѣялся разными «иллюзіон», «местер» и т. п. театрами живой фотографіи; буквально чуть не на каждой сколько-нибудь людной улицѣ устроилось их по нѣскольку. Всѣ они выросли в теченіе какого-нибудь года; вечером вывѣски и входы в них иллюминуются разноцвѣтными электрическими лампочками; выглядит необычно и довольно оригинально.

Идет суд над компаніей эс-эров, арестованных

в прошлом году на сходкѣ в университетѣ; преобладает зеленая молодежь.

19 января. Заходил Л. И. Пименов, сказал, что предполагавшійся на завтра (воскресенье) вечер в память Некрасова в Нобелевском Народном домѣ на Выборгской сторонѣ, отмѣнен. Я был приглашен читать, поэтому он уполномочен был предупредить меня.

Градоначальник предъявил между прочим, слѣдующія требованія: 1) представить двѣ рукописных и затѣм двѣ печатных программы, причем в первых двух точно указать имена и адреса исполнителей; 2) представить в двух экземплярах всѣ вещи, которыя предполагаются к исполненію в программѣ, и тѣ, что будут прочитаны на бис.

Как будто, до сих пор Некрасов еще настолько неизвѣстный поэт, что не достаточно одного наименованія его произведений? Все это, конечно, легко можно было бы обойти, купив и послав г. градоначальнику для поученія 2 экземпляра сочиненій Некрасова, но дѣло в том, что из Александровскаго района комитет, устраивавшій такой же вечер, сообщил что вся процедура была им исполнена, афиши напечатаны, и вдруг в день вечера его запретили. Градоначальник, дозволившій его сперва, сообщил, что по его мнѣнію по недостаточному разнытію рабочих, Некрасовскія произведенія им будут непонятны..., а потому вечера он не разрѣшает.

20 января. Вечер был у В. Л. Рагозина (сына); собрался небольшой кружок, и хозяин прочел нѣчто вродѣ доклада о теософіи. Весь стол у него завален книгами по этому вопросу.

Вообще усилилась мода на теософію. Поя-

вилось нѣсколько журналов, посвященных ей, создавался ряд кружков.

Разсказывали, между прочим, вчера о медиумических сеансах, в которых участвовали двое из присутствовавших; обоих нельзя назвать вполне нормальными, тѣм не менѣе и на них сеанс произвел впечатлѣніе жульничества.

Пріѣзжій медиум, конечно, дѣйствовал, как всегда, в темнотѣ, и «дѣйствія духов» выражались в легких пощечинах, давленіях ног и т. п. глупостях. Плата за это удовольствіе взимается обществом изслѣдованія психических явленій—по три рубля.

23 января. Проходил сегодня по Литейному проспекту. В помѣщеніи, гдѣ находился недавно книжный магазин Карбасникова, устроился «магазин правой русской печати». Так гласит вывѣска над ним. Огромная витрина в окнѣ уставлена издѣліями, вродѣ брошюр «Ѣшь меня, собака».

Внутри магазина за прилавками спят в разных позах приказчики; публики ни души. Эту картину я наблюдаю почти ежедневно, проходя мимо.

Пріобрѣлъ кое-какія книги у антиквара Соловьева, из библіотеки покойнаго проф. Помяловскаго. Дочь послѣдняго продала ему, да еще в кредит 40.000 томов за 5.000 рублей. Вчужѣ душа болит, когда слышишь о таких дѣлах!

Соловьев в теченіе двух-трех мѣсяцев выручил за нее 50.000 рублей, причем в видѣ плюса у него на руках осталась еще цѣлая стѣна латинских книг из этой библіотеки.

Любопытна судьба рукописей. В них копался Лихачев и отобрал кое-что для Публичной библіотеки; остаток, что-то около тридцати шести пудов, купил Сеницын — один из наших «вѣсовых» собирателей книг — за шестьсот рублей. Разбирая ру-

кописи, он нашел между ними продолженіе записок Болотова, записки Толя и цѣлый ряд цѣнных документов, незамѣченных Лихачевым. Слышал послѣднее от антиквара Шилова, которому говорил все это сам Сяницын.

25 января. Третьяго дня отмѣтил судьбу библіотеки Помяловскаго; вспоминаю по этому поводу исторію, касающуюся библіотеки покойнаго отца моего, Р. Р. Минцлова.

В ней числилось свыше 14.000 томов, главным образом, иностранных книг; отдѣлы социальных наук и особенно юридическій — были подобраны замѣчательно; слабо были представлены русская исторія и русская литература.

Когда, внезапно для нас, отец заболѣл психическим разстройством, пришлось нанять артель, уложить книги в ящики и сдать их в Кокоревскій склад, гдѣ они и простояли что-то около двух или болѣе лѣт. Обстоятельства заставили подумать о продажѣ их.

Я отправил рукописный каталог к букинистам для оцѣнки, но за эту работу никто из них не взялся даже за плату: им, конечно, не было расчета опредѣлять настоящую стоимость библіотеки, готовящейся к продажѣ.

Не желая дробить собранія — плод заботы всей жизни отца — и желая помѣстить его в хорошія руки, я пробовал обращаться сперва в разныя учрежденія, вродѣ Совѣта присяжных повѣренных и т. д., затѣм к многочисленным знакомым отца — никто не изъявил желанія приобрѣсти библіотеку.

И. И. Янжул, с которым отец разошелся в послѣдніе годы жизни, рассказал мнѣ слѣдующее.

Он тоже имѣет громадную библіотеку и, подумывая о смерти,—рѣшил заблаговременно пристроить ее в надежное мѣсто даром.

Первое предложеніе его было Академіи Наук, гдѣ он состоит членом, академія отказалась; обратился на женскіе курсы и в другія мѣста—всюду был тот же отвѣтъ. Причина—или недостаточность помѣщенія, или недостаточность средств.

Наконец, Московскій университет соблаговолил принять подарок, с прибавкою к нему 5.000 руб. со стороны Янжула. Одним из условій передачи Янжул ставил, чтобы библіотека его была помѣщена в отдѣльных комнатах и называлась его именем. Янжул отправил в Москву большую часть книг, оставив себѣ в пожизненное пользованіе только нѣсколько шкафов с ними. Затѣм, будучи через нѣсколько лѣтъ в Москвѣ, заѣхал в университет взглянуть на свое дѣтище. И что же? Дѣтище это он нашел сваленным на чердакѣ и покрытым слоем пыли и голубиным пометом.

Старик рассказывал это волнуясь и с нотою оскорбленія в голосѣ.

Грустно стало мнѣ от его рассказа! Зашел от него к антиквару Мелину—этот вампир предложил за всю библіотеку тысячу рублей; В. Ключков, к которому я обратился затѣм, от покупки всей библіотеки отказался, заявив, что купит из нея кое-что, рублей на 500—600.

Продад я ее, в концѣ концов, Н. А. Рубакину за 5.000 рублей.

2 февраля. Познакомился вчера с Германом Александровичем Лопатиным. Бодрый старик с умными, нѣсколько суровыми глазами и широкой бородой с просѣдью. Полная противоположность со своим сотоварищем по несчастью Н. А. Морозовым.

Как-то давно уже завтракаю я у Богучарских (Яковлевых), слышим звонок, и вслѣд за ним в передней раздается как-будто дѣтскій, удивительно чистый и пріятный голос.

Смотрю — входит невысокаго роста человѣчек с сильною просѣдью в черных волосах. Это и был Морозов. Он только что был выпущен на свободу. С тѣх пор я довольно часто встрѣчался с ним, и первое хорошее впечатлѣніе сохранилось во мнѣ.

Чуть ли не четверть вѣка просидѣлъ человѣкъ в одиночкѣ и побѣдил ее, вышел из нея не подавленным и разрушенным в конец, а полным кипучей жизни и просвѣтленным.

Тормошили бѣднаго Н. А. безбожно. Кажется, не было вечера, на котором он не выступал бы в качествѣ участника.

7 февраля. Возобновил опять свои занятія в Публичной библіотекѣ, конечно, не в читальной залѣ, а в отдѣлах, что очень удобно тѣм болѣе, что милый и обязательный хозяин Русскаго отдѣла, Вл. П. Ламбин, давно предоставил мнѣ право самому лазить и рыться по всѣм шкафам и полкам.

Бесѣдовали с ним о конфискованных книгах; оказывается, теперь совсѣм перестали доставлять таковыя в библіотеку, и Ламбин просил меня, как вѣчно имѣющаго дѣла с букинистами и типами, продающими запрещенное, направить и к ним кого-нибудь из послѣдних.

В позапрошлом году, еще до напечатанія моей статьи в «Былом» об уничтоженных произведеніях печати, Библіотека просила у меня список их и, получив, затребовала по нем все из Главнаго

Управленія по Дѣлам печати; обращеніе оказалось, конечно, напрасным, т. к. к концѣ 1905 г. и в началѣ 1906 г. никто и ничего в цензуру не представлял.

8 февраля. Стессель приговорен к смертной казни. Выѣстъ с тѣм, суд обращается с ходатайством на Высочайшее имя о замѣнѣ казни заключеніем в крѣпости на 10 лѣт и исключеніем со службы.

По городу уже ходит острота: «что-ж такое, что Стесселя посадят в крѣпость; он ее опять сдаст!»

Слышал смутные толки о покушеніи на Николая II; будто бы Царскосельскій дворец оказался чуть ли не минированным. В сегодняшних газетах об этом ни слова, зато цѣлые столбцы заняты описаніем арестов. Захвачено на улицах нѣсколько лиц с револьверами и бомбами.

9 февраля. Откуда-то прошел слух, будто молодая императрица помѣшалась; недуг будто бы подготовлялся давно и окончательно разыгрался по полученіи извѣстія об убійствѣ португальскаго короля. Говорят, что она отказывается от ѣды и питья и ее кормят искусственно.

10 февраля. Видѣлся вчера в Публичной библіотекѣ с П. П. Семенютой; старик остроумен и зол на язык попрежнему, но сильно подался физически — похудѣл, пожелтѣл и, кажется, протянет недолго.

Говорил с ним, между прочим, о пріятелѣ его, Н. А. Морозовѣ; Семенюта все воюет с ним по поводу безконечных новых знакомств, на которых так падок Морозов, и против столь же безконечных выступленій его на эстрадах, «в качествѣ

прима-балерины», по выраженію Семенюты. Морозов с гордостью показывал ему записную книжку со списком знакомых; список этот заканчивается 1.100 номером.

Внесеніем в книжку новаго знакомства Н. А. не ограничивается, и цѣлые дни уходят у него на посѣщенія. Он радуется, как ребенок, апплодисментам, которыми разражается публика, слушая чтеніе стишков его, и, кажется, не может понять, что не его чествуют люди, а его 25-лѣтнее сидѣніе в Шлиссельбургѣ.

Сидя в казематѣ, он занимался химіей и сдѣлал цѣлый ряд открытій... но увы, всѣ они уже были сдѣланы свободными людьми! Он осужден был открывать Америку задним числом. Любопытна и много-нашумѣвшая книга его об Апокалипсисѣ; к сожалѣнію, Морозов не знает греческаго языка, плохо изучил исторію тѣх времен, и архимандрит Михаил — ушедшій теперь от преслѣдованій синода в старообрядчество, — разом отнял от его «Откровенія в грозѣ и бурѣ» всякое историческое значеніе. Но книга все же остроумна и любопытна.

11 февраля, Обѣдал сегодня у нас мой кузен, А. А. Гоппе. Учительствовал он в Ревелѣ, доучительствовался до чина статскаго совѣтника и за время «свобод» попал в «неблагонадежные», за участіе в забастовках 1905 года и прикосновенность к дѣлу почтово-телеграфнаго союза.

Уроки в гимназіи он потерял и перекочевал в Питер. Здѣсь ему сразу повезло: получил штатное мѣсто в кадетском корпусѣ, в реальном училищѣ и т. д. Поселился он с семьей в Царском Селѣ.

В один прекрасный день, призывает его к себѣ директор корпуса и смущенно предлагает ему

оставить службу. Что такое? Почему? Оказывается, из Ревеля пришла бумага от Меллера-Закомельскаго с требованіем уволить Гоппе... Между тѣм, никаких осязательных доказательств вин его нѣтъ совершенно.

На-днях с ним же вышел курьез. Поѣхал он по дѣлам в Ревель, был там на охотѣ, убил пару зайцев и, уложив их в ящик с другою провизіей, послал семьѣ в Царское.

В Царском этот ящик забрали жандармы и вскрыли с большими предосторожностями; провизія была тщательно изслѣдована, из зайцев повытаскали даже елки, которыми они были набиты, и шарили во внутренностях.

Вернувшись, Гоппе поѣхал на вокзал и стал спрашивать, на каком основаніи вскрывали его ящик; жандармскій унтер галантно пояснил, что основанія эти — усиленная охрана; в концѣ концов, счел нужным показать телеграмму от жандармскаго полковника из Ревеля, извѣщавшую об отсылкѣ в Царское подозрительнаго ящика.

— Вам же лучше, что вскрыли ящик! закончил жандарм: — теперь отвѣтим, что в нем ничего не оказалось!

Спорить насчет того, что лучше, не приходилось, и Гоппе убрался по-добру по-здорову.

Подтвердил и он слухи о болѣзни молодой государыни; в Царском рассказывают о припадкѣ, случившемся с нею на-днях из-за посыпанных красным песком дорожек. — «Кровь, кровь! Опять кровь!» — будто бы кричала она внѣ себя.

14 февраля. Наша Финляндская жел. дор. стала притчей во языцѣх. Кажется, все вниманіе синих мундиров направлено на Бѣлоостров; часто

ѣзжу по ней и каждый раз приходится быть свидетелем то какого-нибудь ареста, то шествій пассажиров для обыска.

Не могу видѣть самодовольной фizioномiи жандармскаго офицера с выкаченными черными сливами — вмѣсто глаз. Этотъ господинъ мѣрять ими всѣхъ гуляющихъ по перрону с такой вызывающей наглостью, что невольно сжимаешь кулаки.

Между прочимъ, столкновенiю с нимъ подвергся и одинъ изъ знакомыхъ моихъ — М. Г. Деммени. Это уже порядочно пожилой, разсѣянный и близорукий человекъ. На дняхъ онъ женился и поѣхалъ с молодою женою на Иматру.

Возвращаясь оттуда, в Бѣлоостровѣ вышел выпить пива и с удивленiемъ видитъ, что вокзала нѣтъ; — впереди тянутся рельсовые пути: онъ не зналъ, что обратный поѣздъ подходит к вокзалу с другой стороны.

Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, — к нему летитъ жандармъ.

— Пожалуйста в Управленiе!

— Зачѣмъ?

Надо замѣтить, что этотъ Деммени, по убѣжденiямъ черносотенникъ и отнюдь, ни какимъ бокомъ к политикѣ не прикасается. Кромѣ приличнаго мѣста в Министерствѣ финансовъ, онъ занимаетъ еще частное, у великаго князя, по нумизматической части.

Приходитъ в сопровожденiи унтера на перронъ. На него налетаетъ вышеописанный жандармскiй офицеръ.

— Вы куда это изволили направляться?

— В буфетъ.

— По ту сторону полотна?

— Я ошибся, сошелъ не на ту сторону.

— Ах, ошиблись! Вас надо обыскать-с. Что у вас в карманах?

Деммени с раздраженіем начинает опоражнивать карманы; жандарм слѣдит за ним.

— Теперь что же, раздѣваться прикажете? язвительно спрашивает Деммени.

Жандарм вспыхнул, т. к. дѣло происходило при публикѣ и нижних чинах.

— Вы что это, издѣваться осмѣливаетесь? начал он орать, наступая на Деммени. — Забываетесь? Я вам покажу!.. и т. д. Марш, тащите его, раздѣть и осмотрѣть, как слѣдует!

Деммени повели в жандармскую комнату, раздѣться он отказался; тогда с него сняли пиджак, брюки, ботинки и все это тщательно обшарили. Кромѣ коробки финских спичек, ровно ничего подозрительнаго при нем не оказалось.

Оскорбленный грубым обращеніем, Деммени потребовал составленія протокола, но офицер куда-то исчез, приказав его отпустить. Окружающіе — не жандармы, совѣтовали ему не заводить исторію, т. к. по общему убѣжденію их мог пострадать только он, Деммени. Такіе примѣры были десятками у всѣх на глазах.

По возвращеніи в СПб. Деммени через знакомых довел все до свѣдѣнія шефа жандармов. Чѣм все окончится — неизвѣстно.

В каждом вагонѣ Финляндской жел. дор. сидит теперь по шпику; кондуктора знают их и указывают нѣкоторым пассажирам, которые извѣстны им в лицо.

На этих же днях возвращались с Иматры Е. В. Сиверс и А. П. Бодиско; онѣ довольно громко бесѣдовали; кондуктор финн, проходя мимо них нагнулся, как бы за билетами и тихо предупредил,

чтобы были осторожныѣ, т. к у вагонов теперь есть уши.

19 февраля. Завтракал у Пивато с 1 ч. дня до шести вечера.

В этот день именины Л. А. Велихова*) и он пригласил меня и небольшой кружок его друзей, «прогрессистов», как он выразился в письмѣ ко мнѣ. Цѣль завтрака была познакомить и сблизить нас между собой.

Дѣло в том, что Лев Александрович задумал издавать газету и намѣтил состав будущей редакціи, которую и пригласил на свой именинный завтрак.

Были А. М. Колюбакин, член Государственной Думы, приговоренный к тюремѣ по желанію свыше; С. Маковский — молодой лѣтъ 33—34 поэт и критик, художник Рерих, молодой Сабуров, братья Красовскіе и цѣлый ряд, около двадцати, все болѣе или менѣе интересных лиц.

Говорили рѣчи, не избитые именинные спичи, а политическаго характера. Я сидѣл между Колюбакиным и хозяином. Колюбакин недурной оратор с темпераментом и с весьма симпатичной наружностью; он говорил дѣльно, красиво, и преобладающій мотив его рѣчи — надо сплотиться, чтобы защитить, сберечь тѣ завоеванія проплага, ту культуру, которым угрожает теперь опасность со стороны реакціи.

Ему апплодировали; в тон ему было вѣсколько рѣчей, все на ту тему, что вот, дескать, как хорошо, что Л. А. собрал нас здѣсь, мы теперь сплотимся, этот день пропал не даром и т. д.

*) Член Государственной Думы.

Я попросил слова и встал. Подробно рѣчи своей не помню, но запишу ее вкратцѣ.

— Господа, начал я: — мой тост, вѣроятно, останется одиноким. Я сейчас слышал цѣлый ряд прекрасных рѣчей, но это только слова. Среди нас есть много талантливых, сильных, умных людей, но мы — тот русскій богатырь Илья, который сидѣлъ сиднем тридцать лѣтъ и три года; может быть, мы и свершим что-нибудь, когда пройдут эти года, но теперь — «суждены нам благіе порывы, но свершить ничего не дано». Мы на войнѣ, господа, на войнѣ нужны не слова, а дѣйствія; против штыков и пушек словами не отстоять ничего, а потому, я пью за тѣх, кого забыли упомянуть здѣсь сегодня; за тѣх настоящих бойцов, которые сидят в Шлиссельбургѣ, на Карѣ, в тундрах Сибири. Пью за бомбу, которая даст настоящую свободу Россіи!

Только двѣ руки протянулись ко мнѣ чокнуться; рѣчь моя, как сказал мнѣ потом Велихов, произвела впечатлѣніе бомбы.

1 марта. Сейчас вернулся из Кемере. В Бѣлом-Островѣ поѣзд наш задержали почти на час — происходил усиленный досмотр. Сперва явились для этого обычные таможенные чиновники, и вслѣд затѣм дважды перепарили весь поѣзд жандармы под начальством какого-то подполковника. Отвинчивали вентиляторы, крышки на умывальниках и т. д. Семь человек из нашего вагона — ѣхало в нем всего душ двадцать — забрали для личнаго обыска; в сосѣднем вагонѣ подвергли этому удовольствію сплошь всѣх пассажиров. Что они искали и в чем было дѣло — не знаю, только ничего не нашли и никого не задержали. До самаго Питера в вагонах торчали шпики.

4 марта. Вышшія учебныя заведенія начи-

нают шевелиться; министр Народнаго Притупленія приказал упразднить дѣйствовавшіе в них институты старост.

5 марта. Бесѣдовал кое с кѣм из студентов университета. В послѣднем 11.000 человекъ; лекціи посѣщает от 2 до 4 тысяч, но бывают дни, когда слушателей является не болѣе полуторы тысячи. Любопытны дружныя показанія студентов, об упадкѣ интереса к политикѣ и к ученью массы их.

Закрѣта — «Столичная Почта» — многострадальный «Товарищ». Причина — вредное направленіе и усиленная охрана.

Итого, больших прогрессивных газет у нас в Питерѣ теперь осталось только двѣ: — «Русь», да кадетская «Рѣчь».

19 марта. В городѣ усиленные обыски; не думаю, чтобы много людей теперь вело записки, как я — того и гляди, влетишь с ними в такую исторію, что не обрадуешься. Из осторожности не называю здѣсь многих имен.

28 марта. Пуришкевич, отколовшійся от Союза Русских Людей, основывает теперь новый союз, и на поддержку этой новой опоры правительства получил сорокатысячную субсидію от Столыпина.

13 апрѣля. К е м е р е. Сегодня зашел к Богучарским, застал у них новую нашу Кемерійскую жительницу А. Я. Малкину (Острогорскую). Бесѣдовали о необъятном количествѣ мазурья, прикрывающагося теперь флагом революціи.

Уже с год, как выработался новый тип прохвостов, избравших себѣ особое хлѣбное ремесло — шлянье по квартирам прогрессивных литераторов; франты эти объявляют, что они бѣжавшіе с ка-

торги, которым необходимо и не на что исчезнуть за границу, что они вынуждены скрываться и т. д.

Сначала зарабатывали эти гг. крупно; так, перед Рождеством явилась в Питеръ какая-то госпожа и здорово обработала три редакціи: «Былое», «Русское Богатство» и «Товарищ», — назвавшись в одной — бѣжавшей с каторги извѣстной Школьник, в другой — Езерской и т. д.

Обман обнаружился скоро, но, конечно, уже поздно. — Якубович, давшій ей лично 25 р., встрѣтился с Богучарским и с довольным видом сообщил ему, новость — бѣжала Школьник.

Богучарскій в отвѣтъ ему: — бѣжала Езерская.

Стали описывать друг другу бѣглянок — вышло что-то уж очень похожее. В тот же день из редакціи «Товарища» сообщали, что бѣжала еще третья политическая. Примѣты опять все тѣ же. Послали узнать по оставленному ею адресу (оставила его для доставки ей бѣлья и др. предметов) — и обман выплыл наружу.

Из трех каторжанок не вышло и одной — их именем назвалась какая-то, фамилію ея забыл, особа, никакого отношенія к революціонным дѣлам не имѣющая.

Когда самозванку уличили, она разыграла цѣлую трагедію и увѣряла, что она хоть и не та, именем которых она назвалась, но тоже бѣжавшая, пострадавшая и т. п. и вдобавок ко всему попавшаяся в руки шантажистов, которые ее и посылают на такія дѣла.

Шайка имѣет «конторы» в Москвѣ, Кіевѣ и др. городах; она давала адреса, предлагала отправить ее и их в полицію и т. д. Конечно, плюнули и ушли.

Публика проучена и стала осмотрительнѣе,

отдѣляется рублями и просит принести удостовѣреніе из партіи, или записку от кого-либо из извѣстных лиц, что предъявитель именно тот, за кого себя выдает.

Послѣ таких заявленій «пострадавшіе» обыкновенно исчезают безслѣдно.

Знаменіе времени — стѣснили газеты и опять стали возрождаться журналы; дѣла у всѣх у них сильно поправились, на книги же спрос попрежнему только на порнографическія.

Между прочим, курьез — запретили и конфисковали роман Арцыбашева «Санин»; книжка эта шла нарасхват, были распроданы уже два изданія и вот теперь наложили арест на напечатанные одновременно третье и четвертое изданія.

Благовременно, что говорить!

1 мая. С революціей тихо, с обысками шибко.

Был, между прочим, обыск у М. Морозова; особеннаго ничего не нашли, но тѣм не менѣе забрали у него всю библіотеку.

Простота полицейских нравов дѣлается все удивительнѣе! Сколько раз приходилось мнѣ радоваться тому, что успѣл заблаговременно укрыть в Кемере свою драгоценную библіотеку и рукописи!

24 мая. Воспользовавшись хорошим деньком, поѣхал на ст. Преображенскую: давно собирался осмотрѣть там кладбище и братскія могилы жертв 9 января.

Ничего нѣтъ унылѣе этого кладбища! Голая глинистая равнина, бурая вода, выступающая всюду, гдѣ лишь на пол аршина вырыта яма, и безконечные, безчисленные бугорки и кресты, кресты без конца. Нѣтъ ни камней на могилах, ни памятников — только маленькіе, бѣлые, деревянные кресты. Кладбище бѣдноты.

На военном отдѣленіи есть немного деревьев; там на Божьем смотру выстроились шеренги красных солдатских крестов. Я изумился числу их. Тысячи этих Иванов и Сидоров, оторванных от своих деревень, пришли со всѣх концов русской земли в Петербург и сложили здѣсь кости.

Обогнув деревянную церковь и домики причта, обнесенные темной деревянной оградой, я увидел у забора небольшую треугольную возвышенную площадку, ограниченную рвами. На ближайшей к военному кладбищу сторонѣ как-то странно в ряд, без насыпей, стояло нѣсколько разноцвѣтных деревянных крестов.

Эта то площадка и оказалась братской могилой; на ней толпилось человекъ пятнадцать простонародья. Кресты были исписаны ругательствами по адресу Николая II.

На крестах значилось нѣсколько имен убитых 9-го января; поставить их разрѣшили с трудом и то только недавно; раньше могила эта представляла собой подзаборный пустырь с бугром.

Поговорил я кое с кѣм из посѣтителей; настроеніе сильно понижено, но не задавлено. Говорят с оглядкой, но то, что говорят, не по вкусу пришлось бы жандармам!

Могила в общем не велика; утверждают, что в ней положено 1.500 человекъ, но вѣрить этому не приходится; глубина ея быть сколько-нибудь значительной не могла, благодаря близости подпочвенной воды, и если положено там 200 человекъ, то и этого чересчур много.

Вѣроятно, часть убитых, кромѣ, конечно, отысканных и увезенных родственниками, похоронили в разных мѣстах.

Осмотр братской могилы убѣдил меня в неимовѣрности раздутости цифры январскихъ жертв.

23 іюня. Пріѣзжали навѣстить меня — Вл. Л. Рагозин и В. А. Минин. Первый увидал у меня на сараѣ голубей и просил прислать ему в Келломяки парочку. По этому поводу вспоминаю «голубиную исторію».

Я, как любитель птиц, развел у себя в Кемере, между прочим, и рѣдкихъ пород голубей; денег, в концѣ концов, на содержаніе их стало выходить много, и я рѣшил продать часть их в Петербургѣ, гдѣ уже имѣлись на них желающіе.

Оказалось, что из Финляндіи в Россію ввозить голубей нельзя. В бѣлоостровской таможенѣ мнѣ заявили, что для ввоза их требуется разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣл, в финляндской же сказали, что разрѣшеніе требуется от министра земледѣлія.

Недоумѣвая, какое отношеніе могут имѣть и тот и другой министры к голубям, рѣшил начать с перваго. Пріѣзжаю в министерство, прошу к себѣ дежурнаго чиновника и спрашиваю — как поступать и куда обратиться с моимъ дѣлом; беспокоить такую глупостью самого министра мнѣ казалось болѣе чѣмъ неудобным. Чинуш думал, думал, затѣмъ побѣжал куда-то справляться. Возвращается и говорит, что я должен обратиться в ветеринарное управленіе.

Я изумился. Эпизоотій у меня в имѣніи, слава те Христе, нѣтъ, чѣмъ может мнѣ помочь это управленіе?

Чиновник категорически заявляет, что всѣ дѣла о голубяхъ вѣдаетъ вегеринарія.

Дѣлать нечего, отправляюсь на Театральную

улицу. В ветеринарном управленіи встрѣчают меня весьма благодущные, круглые старички и говорят, что голуби не по их части.

— Вот если бы, добавляют, свиней вам надо было ввозить — тогда к нам, милости просим! А с голубьями вам придется обратиться в Департамент полиціи.

— Как в Департамент полиціи?

— А так-с, это его дѣло.

— Вы навѣрное знаете?

— Ну, конечно; вы вѣдь не первый обращаетесь с этим. А вот, если со свиньями будет надобность — к нам пожалуйте!

Таковой надобности у меня не было; отправился в Департамент полиціи, к Цѣпному мосту.

Законов у нас много, а в общем идет такая ерунда, что упаси Господи! В доисторическія времена, при царѣ Горохѣ, запретили ввоз голубей — конечно почтовых, потому что «голубиных» писем, перлюстрировать было нельзя, и запрещеніе это красуется в законах до сих пор, несмотря на то, что теперь почтовому голубю никакой шут, никакой тайны не довѣрит. Славу Богу, мы еще не в осадѣ и есть десятки болѣе вѣрных средств переправлять куда угодно и какія угодно письма!

Курьезно и со свиньями. Если я посылаю из Финляндіи живую свинью — ее пропускают, если посылаю окорок или тушу — их коффируют. Большую свинью за полчаса до издыханія я могу ввѣдти в Петербург, т. к. никаких ветеринарных осмотров в таможнях не производится, а окорок с какими угодно свидѣтельствами о его благонадежности провезти нельзя.

Пріѣхал я в знаменитый Департамент полиціи,

вхожу в приемную — вижу народа в ней гибель.

Чувствую себя весьма неловко. Всѣ эти траурныя дамы, озабоченные мужчины и т. п. люди, наполнявшіе ее, пришли кто хлопотать о заключенных, кто об осужденных на смерть; говорить о голубях в их присутствіи казалось дико.

Отзываю в сторону вихрастого, затормошеннаго чинуша и по секрету рассказываю ему свое дѣло. Чинуш смотрит на меня с недоумѣніем; публика пугливо косится и принимает меня за шпика, сообщающаго что-либо подсмотрѣнное, или подслушанное.

Наконец, чинуш сует мнѣ бумагу и предлагает написать прошеніе. Публика всячески сторонится и избѣгает смотрѣть на меня. Пишу и отдаю ему. Через двѣ недѣли обѣщает дать мнѣ отвѣтъ на дом.

В назначенный срок получаю офиціальное извѣщеніе, что прошеніе мое направлено к министру внутренних дѣл.

Недѣли через двѣ ѣду опять в министерство. Там мнѣ сообщают, что бумага моя отправлена к министру финансов, так как де требуется и его согласіе.

Отправляюсь через нѣкоторое время в финансы. Прошу справку; сообщают, что прошеніе мое переслано в Департамент таможенных сборов.

Пріѣзжаю в этот департамент. Там, благодаря кое-каким связям, под строжайшим секретом, узнаю «тайну», что бумага моя отправлена в Военное министерство, т. к. без разрѣшенія Военнаго министра сдѣлать что-либо невозможно.

Вся эта волокита сдѣлалась, в концѣ концов, любопытной. Ёду в Военное министерство. Марсы

отвѣчают, что прошеніе мое передано в Инженерное Управленіе.

Наконец, попадаю в Павловскій замокъ. Писаря водят меня по закоулкам и безконечным коридорам то снизу наверх, то сверху вниз: никто не знал в каком отдѣлѣ могут вершиться дѣла, подобные моему. Наконец, кого-то осѣняет мысль, что, вѣроятно, голуби числятся в воздухоплавательном отдѣлѣ. Юмористическое соображеніе оказывается вѣрным.

Послѣ получасового ожиданія в круглой пріемной, в которой толклось разодѣтое в парадную форму саперное офицерство, ко мнѣ вышел жирный генерал-лейтенантъ, которому я и изложил свою просьбу. Генерал отвѣтил, что он сдѣлает все, что возможно, но что «окончательное разрѣшеніе» зависит от министра, который «очень серьезно» относится к такого рода дѣлам.

Этим аудіенція и закончилась; я уже собрался уходить, как руководившій мною и вдохновленный полтинником писарь шепнул мнѣ, что надо бы мнѣ поговорить со столоначальником: «столоначальник у них всѣ дѣла вершит». Попал в кузов — называйся груздем!

Подождал еще с полчаса и вершитель судеб — невзрачный и замусленный капитан, наконец, явился и милостиво общал «помочь».

Через мѣсяц получаю из Таможеннаго Департамента краткое извѣщеніе, что прошеніе мое «оставлено без послѣдствій».

Рѣшаю тогда вести атаку с другого фронта и отправляюсь к министру земледѣлія, или по новому — землеустройства — князу Васильчикову. Министръ очень любезно принимает меня, выслушивает, пожимая плечами, всю эпопею с голубиным

вопросом, удивляется возможности такой нелѣпицы и общает «непремѣнно сдѣлать все, что от него зависит, чтоб добиться отмѣны такой устарѣлой статьи закона».

Через знакомых чиновников для поручений при министрѣ узнаю, что слова князя не остались словами и, что он написал представленіе по поводу поданнаго ему мною новаго прошенія.

Бумаги пошли по мытарствам. В свое время получаю новое, столь же лаконическое извѣщеніе: «прошеніе ваше оставлено без послѣдствій»

Военный министр, как оказалось, считает невозможным допустить моих голубей в Россію на том основаніи, что поблизости расположена крѣость Выборг.

Можно договариваться до глупостей, но не до столь министерских!

Во-первых Выборг от меня в двадцати верстах, во-вторых — что новаго и кому могут сообщить мои голуби об этой крѣпости, как на ладони видной с Южнаго вала в Выборгѣ, на котором не только гулять, но и фотографировать не воспрещено?

Отсутствіе пушек и припасов во время войны в Порт-Артурѣ и Владивостокѣ, по мнѣнію министра, очевидно опасности не представляло, а мирные голуби и притом совсѣм не почтовые, разводимые гдѣ-то в «районѣ» — это опасность.

Бѣдная Россія, какими врагами переполнена она вся!

Пришлось обратиться к старому способу дѣйствій — к протекціи и голуби мои оказались не опасными во всѣх министерствах.

9 іюля. Заходил провѣдать меня А. Ю. Кайзер; просидѣлъ часа четыре и много рассказывал о

Туркестанѣ и Ташкентѣ, гдѣ он служил в 90-х годах. Запишу кое-что о продѣлках мало извѣстнаго, вѣрнѣе забытаго обществом великаго князя Николая Константиновича.

Эпоха концессій и т. п. предпріятій породила невиданный разгул; деньги сыпались в это время без счета — разумѣется, главным образом, по кафе-шантанам и на разных этуалей.

Увлекался послѣдними и Николай Константинович и наконец дошел до того, что тайком снял с драгоцѣннаго образа у матери камни и через подставное лицо продал их что-то тысяч за 50.

Отец его, великій князь Константин Николаевич, не любил Трепова, и когда Александр II, которому он рассказал о пропавшѣ во дворцѣ, заявил, что Трепов отыщет», Константин Николаевич возразил: — «Трепов ничего не сдѣлает!»

Слова эти были переданы Трепову и, конечно, задѣли его за живое. Вся полиція и сыщики были поставлены на ноги и по горячим слѣдам гончая стая не только отыскала виновнаго, но и в отместку повела дѣло так, что замаять и скрыть его от государя было нельзя.

Попавшагося великаго князя сослали в Оренбург, гдѣ он женился на дочери мѣстнаго полиціймейстера, окончательно впал в немилость и был отправлен в Ташкент. Военную форму с него сняли, запретили войскам отдавать ему честь и в видѣ дядьки приставили к нему генерал майора Дубовина.

При этом изъяли Николая Константиновича из вѣдѣнія генерал-губернатора, и тот мог только посылать о великом князѣ донесенія, параллельно с Дубовиным.

Реляціи эти скоро превратились в сплошную хронику скандалов и безобразій. Николай Констан-

тинович — красивый и представительный мужчина, очень приятный в трезвом видѣ, опустился до того, что никто из порядочных людей не стал принимать его; компанію он повел с разными отбросами общества, вродѣ щеголяющаго теперь в мундирѣ военного вѣдомства и чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, извѣстнаго купца Громова и т. п.

Как-то в добрую минуту великій князь заявил: — «Яшка, дарю тебѣ мою дачу!»

Громов поблагодарил, но никаких документов Николай Константинович не дал ему: такія мелочи выше его широкой натуры. Прошло недѣли три и друзья разругались.

— Убирайся к черту с дачи, подавай ее обратно! заорал великій князь.

— Документов то не дал, так и назад берешь? заявил Громов: — свинья ты, а не великій князь!

Николай бац его в ухо, Громов—мужчина здоровенный — сгреб его за волосы и оба пошли кувырком по полу.

За эту исторію Громов был выслан из Ташкента, а Николаю приказано сдѣлать выговор через Дубровина. Выговоров этих он получал без числа, и впечатлѣніе они производили на него стереотипное: неизмѣнно посылал всѣх, вмѣстѣ с выговаривавшим, к столь извѣстной русской «матери».

Этот терн в вѣнцѣ генерал-губернатора получал в год тысяч до ста и, разумѣется, разматывал их. Но вмѣстѣ с тѣм он много тратил денег и на устройство арыков в степи и старался казаться либеральным фрондером — не выходившим, конечно, из масштабов бывших московских сановников не удѣл.

Один из арыков своих он назвал — Искандер-арык, в память ли Александра Македонскаго, или Александра Герцена — это объяснялось им смотря

по минутѣ и по желанію. Дѣти его тоже получили фамилію Искандеров.

Однажды поѣхав куда-то в степь он пригласил с собой доктора; тот поѣхал. По дорогѣ князь напился пьяный и, разругавшись со своим спутником, приказал его закопать по шею в землю. Приказаніе было исполнено; несчастнаго оставили одного в голой степи и уѣхали; через четыре часа князь вернулся откопать его — но было уже поздно: доктор сошел с ума.

Кайзер видал слѣдующія картины: по улицѣ движется выкрашенная в красную краску арба и на ней в красном халатѣ и в красном же тюбанѣ важно воасѣдает великій князь. Позади верхом ѣдет джигит, везя за спиной оплетенную кожей четвертную бутылъ с ромом; по мановенію руки князя, джигит вытаскивал складной стакан, наполнял его ромом, передавал Николаю, тот залпом осушал его и затѣм ѣхал дальше.

Существует версія, кажется преимущественно в морских кругах, будто Николай этот пострадал за либерализм и даже был завѣдомо лживо обвинен в кражѣ для того, чтобы можно было заслать его к Макару и его телятам.

Когда я упомянул о ней, Кайзер засмѣялся и сказал: — слышал и я об ней, но с тѣх пор как побывал в Туркестанѣ и приглядѣлся к этому франту — рѣшительно перестал сколько-нибудь серьезно относиться к ней!

10 іюля. Условился с Кайзером, что в сентябрѣ поѣдем с ним в Мартышкино, гдѣ на финском кладбищѣ имѣется склеп времен Петра III; в этом склепѣ хоронились его голштинцы; отец Кайзера был в нем и рассказывал, что трупы удивительно хорошо сохранились и лежат в открытых

гробах, в формѣ тѣх времен и с оружіем; особенно хорошо сохранился труп красавицы дѣвушки. В царствованіе какого-то из Александров, в виду забродивших в народѣ толков о мощах, склеп приказано было задѣлать. Задѣлан он плохо⁷ и есть надежда, что при помощи всесильнаго пропускнаго билета — російскаго рубля — удастся пробраться в него и осмотрѣть все.

12 іюля. Побывал у В. Я. Богучарскаго; пили с ним в лѣсу чай и бесѣдовали о разных разностях, между прочим говорили и о ловкой кражѣ из царской библіотеки: помощник библіотекаря, нѣкій Леман в теченіе нѣскольких лѣтъ воровал из нея разные драгоцѣнныя медали и т. п. предметы, а взамѣн их клал мѣдныя, заказывавшіяся им на Монетном Дворѣ.

Продѣлка обнаружилась случайно и теперь во дворцѣ идет провѣрка инвентаря.

Вспоминаю по этому поводу исторію, учиненную со мной лѣтъ 12—15 назад Императорским Эрмитажем.

Жил я тогда в Бессарабіи, в Новоселицѣ, и был, между прочим, в очень хороших отношеніях с одним помѣщиком. Однажды, узнавъ что я собираю старинныя монеты, он сказал, что года два назад у него в имѣніи отыскали небольшой горшочек с серебряными деньгами; горшочек он «конул» об угол дома, а монеты спрятал, но так как онѣ ему были ненужны, то он обѣщал привезти их мнѣ. Сказано — сдѣлано. Монеты оказались странными: какими-то разных величин кружками, тонкими, как лист почтовой бумаги; с одной стороны на них были выдавлены грубыя изображенія, другая представляла изнанку чекана со впадинами; на нѣкоторых имѣлись надписи, но шрифта — не то

древнегерманскаго, не то греческаго — разобрать я не мог.

Денег он с меня не взял и, чтобы не остаться в долгу, я подарил ему большую подзорную трубу, за которую заплатил 35 р.

Приблизительно через год пришлось мнѣ прїѣхать в Петербург. Загадочныя монеты я захватил с собой. Пошел с ними в нумизматическую торговлю к Бѣлину, тот разсмотрѣл их и самоувѣренно отвѣчает, — это не монеты, это оттиски!

— Помилуйте, возражаю, — да кто же из чистаго серебра оттиски дѣлает? Вѣдь они чеканенныя!

— Не знаю-с. По моему, это не монеты!

Пошел я от него в другія мѣняльныя лавки, там невѣжество, конечно, еще большее: у нас хорошо, да и то не вездѣ, знают только болѣе рѣдкіе типы русских монет.

Вспомнил я тогда про Эрмитаж и рѣшил обратиться туда.

В нумизматическом отдѣлѣ сидѣл А. К. Марков, теперешній завѣдывающій им, а тогда помощник Иверсена. Я познакомился с ним и показал монеты.

— Это брактеаты, заявил Марков, взглянув на них: германскія монеты 12 и 13 вѣков, чеканившіяся в Майнцѣ.

— Сколько же может мнѣ предложить Эрмитаж за них? спросил я Маркова.

— Рублей 70, не менѣе, отвѣтил он. — Впрочем, вы подождите Иверсена, поговорите с ним, я завѣдываю восточным отдѣлом.

Через нѣкоторое время пришел Иверсен и попросил меня оставить ему монеты для лучшаго ознакомленія с ними дня на два.

В назначенный день и час я пришел и застал Иверсена над моими монетами, разложенными в чрезвычайном порядкѣ в обитом сукном ящичкѣ. Вид у старика был какой-то недовольный.

— Видите ли что, начал он с сильным нѣмецким акцентом: — ваши монеты не интересны; онѣ всѣ есть у нас, наконец, среди них двѣ испорченных...

— Но остальные 115 штук зато превосходно сохранились!

— Да, но повторяю онѣ у нас есть...

У меня и руки опустились. — Вот тебѣ, думаю, и 70 рублей!

— Так что же значит, спрашиваю, — вы их не купите у меня?

— Нѣтъ, отчего же... купить можно, но мы не можем предложить вам болѣе 25 рублей.

Деньги нужны мнѣ были до зарѣза и я согласился.

Иверсен сразу расцвѣл, разговорился со мной и, узнав мою фамилію, воскликнул, — а, так вы сын К. Минцлова? Это был очень хорошій мой знакомый!

Я отвѣтил, что я его внук а не сын; Иверсен очень стал приглашать меня к себѣ и я общал притти.

Через два—три дня зашел к нему, и старик блеснул передо мною своею дѣйствительно великолѣпною польскою и русскою коллекціями монет. С его разрѣшенія я стал посѣщать Эрмитаж и цѣлое лѣто проработал в нем.

Перед отъѣздом я опять завернул к нему чтобы проститься. Старик был чрезвычайно в духѣ и, когда я заговорил с ним о своих брактеатах, он

вдруг наклонился ко мнѣ, с хитрым видом, потрепал меня по плечу и сказал:

— А знаете что? между вашими монетами были двѣ уники. Ни в один каталог, ни в один мюнц-кабинет их нѣтъ! Я посылал их в Мюнхен, в Берлин — и там нѣтъ! И он с торжеством откинулся назад и посмотрѣлъ на меня.

Меня точно ошпарило. Я знал, что значит уника в нумизматикѣ: в переводѣ на деньги это тысяча, или двѣ тысячи рублей.

— И вы, зная это, взяли их у меня за 25 рублей? спросил я.

— Сердиться не надо! возразил успокоительно Иверсен: — дѣло коммерческое, вы могли и не продавать их!

— Я думал, что прихожу не в лавку к татарину, а в Императорскій Эрмитаж, в учрежденіе, гдѣ не воспользуются моим незнаніем, сказал я, повернулся и ушел и уже до самой смерти этого господина не заходил больше в нумизматическое отдѣленіе Эрмитажа.

31 іюля. Разбирал сегодня книги в своей библіотекѣ и наткнулся на нѣсколько разрозненных №№ покойнаго «Наблюдателя» за 1899 и 1900 гг. В этих книжках напечатаны мои юношескія стихотворенія.

Исторія их напечатанія любопытна и потому запишу ее.

Когда я жил в Одессѣ, у меня был небольшой кружок пріятелей, среди которых я читал иногда свои стихотворенія. Писал я их мало, а в то время уже и совсѣм бросил это младенчество. Стишки нравились и сюрпризом мнѣ, большая часть их — что-то семнадцать, кажется, штук, были изданы

пріятелями и, разумѣется, вслѣдствіе сюрпризности, с невѣрностями.

Экземпляров было напечатано очень немного, и, книжка вскорѣ разошлась по рукам; по положенію, были отправлены экземпляры для отзѣвов в редакціи журналов и по заслугам были изруганы и раздѣланы под орѣх.

«Лавров» было с меня довольно и потому, несмотря на намѣреніе возмущенных пріятелей переиздать ее я рѣшительно воспротивился, книжка сдѣлалась рѣдкостью; года два тому назад, получив каталог букиниста И. Иванова я к удивленію увидал в нем свою брошюрку, опѣненную... в 10 рублей!

Перебрался я затѣм в Петербург и забыл, разумѣется, о книжкѣ. Прошло нѣкоторое время — приходит ко мнѣ Вл. Л. Рагозин и говорит — «знаете, — Анна Рудольфовна (моя сестра) стихи помѣстила в Наблюдателѣ!»

— Откуда вы взяли?

— Из объявленій в Новом Времени!

Спрашиваю сестру — никаких стихов она не помѣщала и не писала.

Однофамилец у меня есть только один — двоюродный брат Сергѣй Иванович. Я подумал, что, вѣроятно, это он нагнул что-нибудь по своей юности и даже не поинтересовался заглянуть в «Наблюдатель».

Не помню через сколько времени, натыкаюсь я сам на газетное объявленіе о выходѣ того же журнала; просматриваю и опять вижу свою фамилію, на этот раз уже с совершенно другими инициалами.

Заинтересовало это меня; редакція Наблюдателя помѣщалась поблизости, на Пушкинской ул., и я отправился туда.

Прихожу и спрашиваю — могу ли видѣть г. Пятковского?

Конторщик смотрит на меня, как на сумасшедшаго.

— Нѣтъ, говорит — нельзя.

Послѣ я узналъ причину такого тарашенья на меня глаз конторщиком: Пятковскій был кругом должен, да и по причинѣ разных других «дѣлъ» прятался от публики и изловить его можно было развѣ при помощи гончих.

— Когда же можно застать его?

— Не могу сказать опредѣленно: они рѣдко бывают здѣсь.

— Да вѣдь пріемные дни же у вас есть?

Конторщик тонко улыбнулся.

— Есть, но только они в них не бывают.

— Удивительная редакція, говорю. Впрочем, вы можете дать справку! И рассказал ему в чем дѣло.

Стали мы пересматривать журнал и нашли книжки с моими стихами, перепечатанными из выше упомянутаго сборника.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, — как попали к вам эти стихи?

— Не знаю — это вѣдь дѣло лично редактора!

Вижу — толку не добиться никакого; надежды повидать Пятковского и объясниться с ним нѣтъ тоже. — Ну-с позвольте, говорю, попросить вас о выдачѣ мнѣ гонорара?

Конторщик извлек откуда-то громаднѣйшую книжищу, покопался в ней и выпрямился.

— Гонорара вам не причитается.

— Это почему?

— Вот изволите видѣть?, он указал пальцем на страницу с моею фамиліей: — г. Пятковскій сам дѣлает помѣтки.

Я нагнулся и увидѣлъ, что в графѣ, гдѣ обозначается гонорар, красуется слово «gratis».

— Чисто, говорю, у вас работают! Попрошу у вас в таком случаѣ хоть книги, гдѣ помѣщены мои стихи!

— Пожалуйста. Три рубля семьдесят пять коп. позвольте получить с вас.

— За что?

— За книги.

— Да позвольте: авторам вездѣ бесплатно выдают их!

— У нас г.г. авторы покупают.

Так почему-ж тогда вы считаете за книгу по рублю с четверью, когда 12 книг стоят 12 рублей?

— Так установлено для г.г. авторов. Обратитесь к г. Пятковскому — может, он прикажет выдать бесплатно.

— Да вѣдь его видѣть нельзя?..

— Нельзя.

Плюнул я и ушел.

Попыток узрѣть г. Пятковского болѣе не дѣлал; хотѣлъ учинить ему за такое безцеремонное обращеніе с чужой собственностью скандал в печати, да рукой махнул.

23 с е н т я б р я. В Черниговѣ, осматривая монастыри, услышал, что в ста двадцати верстах от него находится Рыхловскій монастырь, владѣющій единственным в Россіи лѣсом из тысячелѣтних дубов. Отправился в Рыхлы и прожил в монастырѣ нѣсколько дней. Это настоящее трудовое братство, существующее исключительно трудами своих многочисленных сочленов. Одни из них пашут, другіе возятся с обширным скотным двором, третьи на огородах, в садах, на пасѣкѣх и т. д.

Гостиницами завѣдывал невысокій плотный монах — лѣтъ 45, отец Ѳеодор. Я пригласил его к себѣ попить чайку; потом пообѣдали мы вмѣстѣ в его кельѣ, и о. Ѳеодор разговорился.

Много любопытнаго услышал я от него о монастырской жизни; еще болѣе узнал бы поучительнаго из этихъ бесѣд г. премьер — Столыпин, если бы только мог тайком подслушать наши рѣчи. В первый раз в жизни видѣл я монаха, выросшаго в монастырѣ и мало-по-малу, под исключительным вліяніемъ дѣйствій полиціи и собственнаго духовнаго начальства, выработавшаго в себѣ революціонные взгляды. Пропаганды никакой он и не слыхивал.

Верстах в двадцати от монастыря ограбили какое-то волостное правленіе.

— А вы, спрашиваю я о. Ѳеодора — не боитесь экспроприаторов?

— Нѣтъ, мы люди привышные.

— Т. е. как это так?

— А так. Экспроприатели придут раз, ну два,— это уж Божье попущеніе, а полиція грабит нас каждую недѣлю! И пустился он в рассказы.

— Что хочет, то и дѣлает, — царь меньше его у нас в уѣздѣ значит! говорил о. Ѳеодор про мѣстнаго исправника, нѣкоего Хоменскаго.

— Вѣдит всегда с урядниками, лупит кого и гдѣ попало. На-днях ярмарка у нас была; здѣсь, на монастырском дворѣ стражники ни за что, ни про что нагайками мужиков бить стали. А он в номерѣ сидит, чай пьет. Пошел я к нему, прошу унять безобразіе, а он мнѣ в отвѣтъ: «мои люди никого никогда не трогают!» Потом встрѣтил женщину из Новгород-Сѣверска: она взятки ему не дала, когда он еще приставом был, вот он и зол был на нее. Увидал ее — паспорт давай, кричит.

Ну, а какой тут паспорт, на богомолье человек в своих же мѣстах пришел?

— Нѣту паспорта.

Нѣту? Тащи ее!

Ухватили бабу стражники, поволокли в номер к нему и уж бил же он ее там.

— Да вы бы говорю о. Федору, настоятелю пожаловались?

— Жаловался. Да что он может подѣлать — архіерею написать? А тот знай одно пишет — уладьте дѣло миром, не задирайте их. Боятся. Всѣ их боятся! Чистые опричники! Приѣдут в монастырь — сейчас подавай им того, другого, третьяго. Раз, к вечеру приѣхал со станovým: обѣд подавай ему, да мясной, вашей де дряни, пустых щей, не ѣм. Ну, а гдѣ здѣсь мяса достать? Сами знаете — ближайшее село в восьми верстах от нас.

— Нѣту, говорю, мяса!

— Чтоб было! кричит.

— Что тут дѣлать? Взял я и ушел от грѣха, послушники тоже попрятались. Вот они кричали, кричали, ругались, потом побили стекла в номерѣ, да так и уѣхали ни с чѣм. Каждый раз, как приѣдут — овса наберут, сѣна, яблок. Досада меня взяла! Выждал я случая — велѣл он наложить себѣ на подводу овса, я подхожу и спрашиваю у него деньги. А он скрутил дулю да кулак сжал и тычет их мнѣ в лицо.

— Вот тебѣ плата, кричит: — любую выбирай!

— Что же архимандрит на это все говорит?

— Да что ему говорить? — Пушай, твердит: Господь с ними, молчать надо... И молчим!..

А лѣс у них дѣйствительно изумительный!

24 октября. Вчера на углу Невскаго и Надеждинской разыгралась исторія, заставляющая

много говорить о себѣ: столкнулся автомобиль с извозчиком, и ѣхавшій на послѣднем корнет Коваленскій с братом — камер-пажем, вошел в такой раж, что начал рубить и стрѣлять направо и налево ■ ранил тяжело городского, пытавшагося укротить его, студента и еще двух лиц. Братьев арестовали, но папаша этих героев, оказавшійся сенатором, поскакал куда слѣдует и г.г. прокуроры, признавъ, что корнет дѣйствовал «в запальчивости и раздраженіи» освободили его на поруки.

Смертный, не имѣющій тятенки в Сенатѣ и стрѣляющій хотя бы и мимо городского, подлежит на основаніи дѣйствующаго «положенія» смертной казни, и примѣров пощады за это до сих пор не было.

Г.г. же Коваленскіе без суда и слѣдствія мгновенно признаются дѣйствовавшими в раздраженіи и выпускаются на свободу.

26 октября. А. Д. Карышев купил у Василевскаго журнал «Образованіе». Тотоміанц, Носков, Новорусскій, Велихов, Монвиж. Монтвид, Поварнин, Е. Игнатъев и я приглашены членами редакціи; было нѣсколько собраній, на которых установлено «кредо» журнала: прогрессивность, безпартийность и научно-популярность.

Карышев — круглый, скромный человѣчек, уже пожилой — страдает маніей писательства. Ни одна редакція не брала его вещей.

— Ну что вам стоит взять, вѣдь вы редактор? упрашивал бывало он Монтвида, молитвенно сложив ручки.

Но Монтвид — редактировавшій «Всходы», был непреклонен. В талантливости своей Карышев настолько увѣрен, что у него вырывались даже та-

кія фразы: — «что-ж, подождем; Чехова тоже поздно признали!»

Нѣсколько книг напечатаны им на свой счет под всевдонимом «Милин». Сентиментальность его сказалась даже в псевдонимѣ: имя жены, его — Эмилиа, вот он, так сказать по принадлежности ей, и назвал себя так.

В общем он благожелательный и добрый человек. В литературных дѣлах и обхожденіях ничего не знает и дѣлает ряд промахов: то пускается в откровенности с таким типом, с которым дѣлать этого не слѣдует, то чуть было не напиринимал в журнал статей разных литературных хулиганов. Литературный мір, как и всякій в наши дни, кишит проходимцами.

8 н о я б р я. Сегодня хоронят Цусимскаго вел. кн. Алексѣя Александровича.

Еще шестого, вечером, начали затягивать черными и бѣлыми полотнищами Николаевскій вокзал и забор вокруг памятника Александру III. На Невском врыли черныя мачты, увитыя гирляндами из елок; фонари задернуты флером.

Полиція заботливо осмотрѣла и заперла на собственные замки всѣ чердаки домов не только Невскаго, но и ближайших к нему улиц, вродѣ Гончарной; с владѣльцев меблированных комнат и гостиниц взята подписка еще за три дня о несдачѣ никому комнат до окончанія похорон; к окнам квартир рекомендовалось не подходить и не очень выглядывать из них во время церемоніи: за каждое открытое окно, или форточку, — штраф в 500 рублей.

Утром пошел взглянуть на церемонію, но видѣл ее лишь издалека. Не только на Невскій, но и

близко к нему не была допущена ни одна посторонняя душа; весь его заполняли солдаты, дворники и благонадежные «туземцы», изображавшіе «народ»; я дошел до начала ограды церкви Знаменія и дальше пробраться оказалось невозможным: сплошная линія городских и пожарных в мѣдных касках преграждала путь.

Картина все же была любопытная; слѣва над домами сквозь туман багровым пятном свѣтилось солнце; блѣдно и неясно мерцали сквозь креп фонари. Публики поглазѣть собралось очень немного.

Не мало стоят обывателям Невскаго проспекта всякія веселыя и печальныя торжества в царской семьѣ!

9 н о я б р я. Карышев отличается. Хотѣл ѣхать с визитом к цензору и насилу мог понять, что это неприлично.

В концѣ концов, тайно от нас, он все-таки съѣздил «представиться» градоначальнику и затѣм... к нашему приставу!! Заявил послѣднему, что никаких «безпокойств» ему от журнала не будет, что он человек осторожный и благоразумный.

Пристав выпросил себѣ бесплатную высылку журнала, на том основаніи, что жена его любит почитать. Карышев обѣщал «немедленно по выходѣ книжек доставлять их со старшим дворником». Дал приставу еще нѣчто болѣе существенное, «на память» и тот, растрогавшись окончательно, посовѣтовал ему «на всякій случай» завести подставного редактора. Остается еще крестить у старшаго дворника, и дѣло «Образованія» будет окончательно в шляпѣ!

Няньчиться с этим младенцем пятидесяти лѣтъ приходится во всю: то он пишет длиннѣйшія, не-

лѣпыя письма Л. Андрееву и др., которыя мы не даем ему отправлять, или сокращаем на девять десятых, то пускается в откровенности по поводу дѣл журнала и т. д.

17 н о я б р я. Наложили арест на нашу первую книжку «Образованія».

Что за причина — теряемся в догадках. Тотоміанц ручается головой, что не по его винѣ — он редактировал экономическія статьи.

18 н о я б р я. Едва раздобыл № «Образованія». Из типографіи получили их всего десять, остальные захвачены и опечатаны еще в листах у брошюровщиков. Карышев распорядился сдѣлать предварительное объявленіе о выходѣ книги и послал ее в цензуру, т. е. как раз наоборот установившемся порядку: обыкновенно выпускают книгу, рассылают ее и только денька через два-три пускают ее в цензуру и дают объявленія. Полиція является конфисковать и уходит с десятком другим экземпляров и только.

Думаю, что причина ареста книги, неосторожно пропущенная Карышевым фраза в рассказѣ Подъячева, что-то вродѣ «царь-батюшка сам теперь водкой торгует. На совѣсть торгует». Эдакая ерунда и пустяковина, а надѣлала столько переполоха!

Жена Карышева внѣ себя и все твердит, что надо поскорѣй продавать журнал. Карышев с 10 ч. утра ускакал хлопотать. То-то, вспомнил, должно быть, совѣтъ пристава не подписываться в качествѣ редактора?

Был во второй раз в редакціи, видѣл Носкова, Тотоміанца и дождался, наконец, Карышева. Стараются держаться молодцом, хотя, видимо разстроен. Дѣло уже передано Камышанским во 2-е отд.

Палаты. В Подъячевской фразѣ, Камышанскій усмотрѣлъ, конечно, 128 статью.

25 н о я б р я.хлопотали всѣ эти дни об арестованной книжкѣ. Обѣщали выпустить ее, истребив преступныя три строчки в разсказѣ Подъячева. Аллах акбар!

6 д е к а б р я. Вчера вынесен военно-окружным судом приговор по возмутительному дѣлу братьев Коваленских. Старшій, — ранившій выстрѣлами из револьвера четырех человѣкъ, в том числѣ городского — приговорен к трем мѣсяцам гауптвахты, без ограниченія каких-либо прав; младшій — посвящавшій кулаком другого городского в рыцари — оправдан.

8 д е к а б р я. С «Образованіем» идет ерунда. Не везет вообще образованію у нас в Россіи!

Карышев — это милѣйшій обыватель, но отнюдь не редактор. Вышли уже двѣ книжки, одна даже двойная, а фizioноміи у журнала все нѣтъ.

Ведет длиннѣйшіе разговоры со всѣми проходящими, дает обѣщанія печатать статьи, не прочитав их и т. д. В результатѣ непріятности.

29 д е к а б р я. Новый год ознаменуется смертью нѣскольких заслуженных журналов: прекращаются «Минувшіе Годы», Юный Читатель», умрут вѣроятно «Всходы», «Родник» и др.

Народились и новыя; я кромѣ «Образованія» работаю теперь еще в «Мірѣ», журналѣ, двух братьев, Богусевских.

3 января. Был вчера в Литературном Обществе. К. И. Чуковский — нескладный, длинный, встрепанного вида молодой человек — читал свой нѣсколько устарѣлый доклад о Натѣ Пинкертонѣ и современной литературѣ. Доклад поверхностный, но с остроумными мѣстами и задираніями. Докладчик, на основаніи факта существованія Пинкертон и плохих кинематографов, вывел заключеніе, что интеллигенціи уже у нас нѣтъ, что она умерла. Попутно зацѣпил слегка Горнфельда и Пѣшехова, не говоря уже о Каменских и Ко.

Ему аплодировали.

Начались возраженія; бѣднягу Чуковского раздѣляли под орѣх: напомнили ему, что он сам участвовал и участвует в тѣх органах, которые обругал, сам хулиганствовал, что он не смѣет касаться людей, мизинца которых не стоит и т. д., и т. д. в самой рѣзкой формѣ.

Особенно отличился Столпнер, ампула котораго на всѣх собраніях заключается иногда в остроумных, но всегда язвительных походах против референтов.

Аплодировали и им.

Словом вышла почти форменная ругань; председательствовал большой человек, но очень маленькаго роста, слов котораго в общем шумѣ никто разслышать не мог — скульптор Гинцбург.

Послѣ доклада Носков, М. Морозов и я остались ужинать; присосѣживался к нам и опять убѣгал к другим столам и К. Чуковский. Я впервые познакомился с ним; очень в нем много еще ре-

блѣднѣе, но парень он наблюдательный, остроумный и несомнѣнно с искрой Божьей.

Между прочим, он бѣгал между столами и раскладывал на них объявленія о... выходѣ его новой книжки!

4 января. В судейских кругах много толкуют о Леманѣ, знаменитом помощникѣ библиотечкаря Зимняго Дворца, попавшем на скамью подсудимых.

Всѣ распроданныя им гравюры и пр. разысканы даже «до послѣдняго корешка» по образному выраженію Александрова, слѣдователя по этому дѣлу. Курьезнѣе всего, что всѣ украденныя «сокровища» оказались настолько порнографическими, что вызвали даже конфуз и отрицаніе от них со стороны дворцовых властей, когда их привезли, наконец, во дворец на трех подводах.

Только указаніем на императорскіе орлы и штемпеля Александрову удалось убѣдить принять их, что сдѣлано было весьма неохотно.

Такое «безтактное» водвореніе во дворец цѣлаго воза сугубой порнографіи, да еще при подробнѣйшей описи, увѣковѣчившей кромѣ того и содержаніе рисунков, Александрову даром не прошло: полиція и сыщики получили награды, а он, усиленно проливавшій пот на этом дѣлѣ, — ничего.

Не лишены интереса повѣствованія Лемана о его бесѣдах с императором.

Приходит Николай II в библіотеку и говорит, что ему хочется «чтонибудь» почитать; при этом поглаживает и вытягивает вперед рукою бородку.

— Что прикажете, Ваше Величество? Историческаго содержанія, или что-нибудь из беллетристики?

— Да, да... что-нибудь. Из беллетристики...

— Из новѣйшей или из старой?

— Из старой... Послѣ только, потом... и уходит, не взяв ничего.

5 января. В Петербургском градоначальствѣ готовятся открытія и скандалы совершенно в духѣ знаменитых московских. Устранено уже нѣсколько заправил в канцеляріи градоначальника; кн. Урусов рассказывал Дм. М. Бодиско, что он требовал от Столыпина преданія суду самого Драчевскаго, но что премьер огорошил его просьбой, «как монархиста», не подымать исторіи и не дѣлать о Драчевском запросов, так как это единственный человѣкъ, который может охранить жизнь императора.

6 января. Был сегодня В. М. Вышемирскій, исполняющій обязанности слѣдователя 12-го участка. Это молодой, дѣятельный и симпатичный человѣкъ. Рассказывал о слѣдствіи, производящемся у них по дѣлу о бомбѣ, недавно взорвавшейся, если я не спутал, в Кафе-Централь на Невском проспектѣ.

Оказывается, что бомбу эту принес и положил нѣкій сын статскаго совѣтника; по «семейным обстоятельствам» он очень хотѣлъ служить в охранном отдѣленіи и предложил свои услуги, но там его не приняли, предложив сначала чѣм-нибудь рекомендовать себя.

Словом, выясняется, что эта взорвавшаяся рекомендація и другая, невзорвавшаяся и найденная в Кафе de Paris, были подложены по указанію охраннаго отдѣленія как бы в противовѣс запросам о смертной казни, вносившимся в то время в Думу... Разоблаченье не новое: нас теперь рѣшительно ничѣм не удивишь!

Прежде, помню, когда должны были казнить убійцу начальника главнаго тюремнаго управленія;

я чувствовал себя неладно и даже плохо спал в ту ночь, все представляя себѣ разсвѣт и гнусную процедуру приготовленія здороваго челоуѣка к смерти.●

Теперь читаешь и слышишь о ежедневных казнях десятков людей и обращаешь на них столько же вниманія, как на брошенный газетный лист.

19 января. Вчера с огромными предосторожностями арестован бывшій директор Департамента Полиціи Лопухин. Одних городских было прислано до сорока челоуѣк, словом мѣры были приняты такія, как будто предстояло брать штурмом Алексѣевскій раввелин.

Лопухин, послѣ тщательнаго обыска квартиры, взят под стражу. Причины пока неизвѣстны, но ходят слухи, что арест его находится в связи с разоблаченіями, сдѣланными в Парижѣ Бурцевым.

Свѣдѣнія об этом, помимо писем, проникли к нам через иностранныя газеты.

В виду «свободы» печати, Петербургскія газеты с большой осторожностью напечатали выдержки об этой исторіи из иностранных офиціозов. Тѣм не менѣе градоначальник оштрафовал всѣ газеты за распространеніе «ложных свѣдѣній». Через два дня, к большому конфузу скоропалительнаго генерала, штраф пришлось сложить...

20 января. Лопухин арестован за то, что способствовал выясненію революціонерам провокаціонной дѣятельности Азефа.

Газеты сегодня полны статьями об этой исторіи. Интереснѣе всего, что Азеф, выдав по тому или другому случаю своих сотрудников, устраивал партійные суды, на которых выносились смертные приговоры как предателям, тѣм из партійных дѣятелей, которых он хотѣл устранить.

Есть версія, что Лопухин замѣшан и в темную исторію, о которой в свое время глухо поговаривали в городѣ. Говорят, будто готовился дворцовый переворот в пользу Михаила и что Лопухин участвовал в заговорѣ и был сторонником послѣдняго. Ерунда не из послѣдних. Разказов теперь не обобратъся.

2 февраля. Носков ушел из редакціоннаго комитета «Образованія». Наканунѣ ухода и я с Тумимом.

5 февраля. Предстоит выступить на судѣ чести между Карышевым и Носковым в качествѣ свидѣтеля. Всѣх дѣл перваго перечислять не стану, отмѣчу только нѣкоторыя, особенно возмутившія нас.

Такса за лист научных статей в «Образованіи» установлена в 80 руб. В наслѣдство от Василевскаго к Карышеву перешли двѣ рукописи профессора Локтя, бывшаго члена I-ой Госуд. Думы; человекъ этот в настоящее время бѣдствует, так как лишен мѣста и живет в Москвѣ.

Тотоміанц посовѣтовал Карышеву расчитать Локтя по 40 р. за лист, утверждая, что он будет доволен и этим.

Карышев, разумѣется, с радостью ухватился за такую «экономическую» идею и послал Локтю гонорар по сорокарублевой расцѣнкѣ.

Возмутились мы страшно.

С «Образованіем» носится до противнаго: хващается буквально каждому, впервые пришедшему, человеку выпущенными №№ и увѣряет, что никогда и нигдѣ еще не выходило таких замѣчательных, так великолѣпно составленных книг.

— Особенно хороша беллетристика; она в твердых, надежных руках! — добавляет он всегда,

многозначительно подмигивая, и особенно напирая на послѣднюю половину фразы.

Беллетристикой завѣдует он сам. Надо отдать справедливость, и беллетристика в журналѣ из рук вон плоха, да и все остальное под пару, т. к., не смотря на «конституцію», он выѣшивается во всѣ отдѣлы и уродует их по своему усмотрѣнію. Работать при таких условіях, разумѣется, нельзя.

Но какое количество подлецов на свѣтѣ! Цѣлыя толпы их являются по пріемным дням в редакцію и курят ѳиміам Карышеву за его «дивныя книжки», увѣряют в любви (?!), просят руководства и т. д.

14 февраля. Получил очень меня удивившее письмо от Д. Карышева с просьбой пожаловать на общее собраніе сотрудников в понедѣльник, 16 февраля.

15 февраля. Видѣл Н. Д. Носкова и Е. И. Игнатьева.

Послѣдній в большом фаворѣ у Карышева, часто заходит к нему и рассказал великую новость: Тотоміанц ушел из «Образованія».

Чудо настолько большое, что рѣшил побывать у Карышева.

Встрѣтил он меня чуть не съѣзятіями, — знак плохой. Оказалось, что за время моего непосѣщенія редакціи накопилось множество событій и всѣ до нѣкоторой степени были предсказаны ему мною и Носковым.

Еще на самом первом редакціонном собраніи я поднял вопрос — на каком основаніи, без вѣдома всѣх членов редакціи, в список сотрудников попало нѣсколько новых лиц. Пригласил их, как выяснилось, Тотоміанц; Карышев извинился и сказал, что спѣшный выпуск первой книжки не поз-

волил им посоветоваться с нами и что впредь этого не будет.

По выходѣ второй книжки, список сотрудников опять увеличился; на ея обложкѣ очутились уже совсѣм нежелательныя имена. Опять это оказалась дѣлом рук Тотоміанца и попустительством Карышева. Общих собраній у нас болѣе не было, одиночные мои протесты ни к чему не вели, а Тотоміанц все нагонял и нагонял в журнал своих людей.

— Смотрите! — предупреждал я Карышева, — вас заполонят эс-деки и скоро вы очутитесь в плѣну у них. Тотоміанц их застрѣльщик и ведет свою линію неуклонно!

Одновременно с этим Тотоміанц начал поход и против всѣх нас, не принадлежавших к его партіи, членов редакціи.

Носков не выдержал этой марки и ушел, я тоже совершенно отстранился от журнала. Тотоміанц мог бы торжествовать.

И вдруг к Карышеву является литературный «нѣкто в сѣром» — Бонч-Бруевич и заявляет ему, что он не может работать в «Образованіи», т. к. в список сотрудников его значится Изгоев.

Затѣм приходят Финн-Енотаевскій, тот же Бонч, Клейнборт и еще кто-то из столь же знаменитых особ и заявляют, что они явились с «требованіем в качествѣ уполномоченных от партіи эс-деков об удаленіи из состава редакціи... — Тотоміанца, как измѣнника партіи, и всѣх остальных не эс-деков».

Карышев обѣщал им устроить собраніе шестнадцатаго и вот на это-то собраніе я и получил приглашеніе. В «измѣнники» Тотоміанц попал потому, что должен был сдѣлать «Образованіе» чи-

сто эс-декским журналом, но до сих пор не выполнил этого.

Не лишена интереса и отдѣльная сценка с Финном. Е. Тотоміанц, познакомив с сим мужем Карышева, выпросил тут же, аванс для него в 50 р. Финн принес ему потом какую-то статью.

Когда явившаяся депутація в отвѣтъ на свое требованіе услышала отказ, то заявила, что в таком случаѣ всѣ эс-деки уйдут из журнала и, что этот уход будет крахом для него, т. к. их огромное число. Финн потребовал обратно свою рукопись.

— Деньги на стол! — отвѣтил ему Карышев.
— Верните аванс — получите рукопись.

Финн настаивал на немедленном полученіи ея; Карышев твердил свое. Тогда Финн замолчал и через нѣсколько минут сказал: «да, вы правы, конечно. Но, надѣюсь, вы мнѣ не откажете дать рукопись на нѣсколько минут для исправленія конца?»

— На нѣсколько минут?

— Да.

— Пожалуйста!

Карышев вынул рукопись и подал ее Финну. Тот согнул ее пополам и прехладнокровно засунул в боковой карман.

— Больше вы ее от меня не получите! — сказал он — она будет у вас только тогда, когда уйдут всѣ нежелательныя для нас лица!

В результатѣ Карышев пришел к слѣдующему рѣшенію. 16-го он «примет» эс-деков и будет говорить с ними единолично, пообщает им исполнить постепенно их требованіе, чтобы избѣгнуть скандала, вреднаго для журнала и затѣм... «выпрет» их самих.

— Зачѣм же нам приходить — спрашиваю: —

если собранія не будет? В качествѣ чего же мы будем сидѣть тогда у вас за ширмой?

— В качествѣ моих гостей. Послѣ подобнаго объясненія мнѣ необходимо побывать среди таких людей, как вы... Понимаете меня? •

В концѣ концов я согласился придти к нему в качествѣ гостя и вот теперь сижу дома, пишу эти строки и недоволен собою: не нужно было давать этого глупаго общанія. В качествѣ чего мы будем сидѣть у него в столовой? В качествѣ засады дворников для выручки «хозяина», если его бить начнут?

17 февраля. Эс-деки провалились с треском.

Пошел вчера без четверти семь часов вечера в «Образованіе» и почти у подъѣзда встрѣтился с шедшим туда же Кирьяковым.

В редакціи был уже Тумим и еще кое-кто. Тумим не был в редакціи с недѣлю и не знал совершенно ничего; я посвятил его во всѣ тайны.

— Знаете что? — отвѣтил он, глядя на меня круглыми глазами: — у меня совершенно не укладывается в мозгу то, что вы рассказали!

Я засмѣялся. Народа все прибывало. Наконец, между черными пиджаками и сюртуками замелькало розовое лицо Ниночки, дочки хозяина, пригласившей нас в столовую. Я отправился туда с Тумимом. Там уже сидѣли Н. Русанов (Кудрин), старик Бух, Е. Игнатьев и Кирьяков.

Принялись за чаепитіе и конфекты.

Звонки между тѣм раздавались за звонками; взрывы нашего смѣха, несомнѣнно, доносились в редакціонную залу, гдѣ уже начались рѣчи г.г. экспропріаторов. Голоса там все повышались.

Вдруг вбѣгает Ниночка и взволнованно заяв-

ляет, что «там на папу кричат!». Эмилиа Константиновна поблѣднѣла. Я поднялся с мѣста и, сдѣлав вид, что поплевал в кулаки, произнес: — «Ну, ребята, вали; хозяина бьют!» Мнѣ отвѣтили дружным смѣхом.

Через нѣкоторое время к нам явился В. Поссе.

— Черт знает что! Я никогда не слыхал и не видал/ничего подобнаго — была его первая фраза при входѣ. — Это же хулиганы какіе-то!

Поссе — не член редакціи и пріѣхал исключительно затѣм, чтобы быть свидѣтелем того, что произойдет.

Оказалось, что их требованіе «собранія» было в нѣсколько иной формѣ, чѣм мнѣ передал Карышев. Они заявили, что, если К. не желает устроить собраніе, то они вломятся силой и оно все-таки будет. Они распредѣлили уже между собой даже отдѣлы и роли в журналѣ.

Поссе заявил, что Карышев ведет себя не так, как надо, идет на уступки и сказал, что он согласен «выкинуть» нѣсколько неугодных им фамилій из списка, но не всѣ...

— Если будет вычеркнута хоть одна фамилія — мы должны уйти рѣшительно всѣ. Это пощечина для всѣх нас, — заявил я. — Здѣсь не гимназисты и «исключать» кого-либо не имѣют права. Прежде всего у нас конституція и Дм. Ал. ничего не может рѣшать самолично: он должен выслушать эту братію и сказать, что «хорошо-с, я передам все это комитету и там увидим, что рѣшит он».

Всѣ, особенно Тумим и Русанов, встали за меня. Вызвали Карышева и когда он пріѣхал, сказали ему, как он должен держаться с господами, забравшимися к нему в дом.

В 11 часов эс-деки разом бросились в переднюю и стали одѣваться. Вошел, улыбаясь, Карышев и потирая пухлые руки, произнес: ушли!

— То-есть?

— Совсѣм ушли. Из состава сотрудников!

Мы принялись апплодировать.

У Русанова как раз оказалась в карманѣ статья о Жоресѣ. Он ее передал Карышеву и, таким образом, убыль иностраннаго обозрѣвателя — Берлина — разом пополнилась. И это мы встрѣтили апплодисментами.

— А не повредит их уход журналу? — их вѣдь человѣкъ сорок было? справился потрухивавшій в душѣ Карышев. — Они собираются написать письмо в редакція газет!

Мы его успокоили. Пусть попробуют написать: в дураках останутся только они одни.

Поздравил я Карышева с очищеніем атмосферы в редакціи и отправился домой. Невѣроятно, но факт!

На другой день послѣ знаменитаго эс-дековскаго ультиматума зашел я к Карышеву; не успѣлъ пропѣть пѣтух послѣ их отреченія, а уж... утром Берлин запросился обратно... Забѣгал в редакцію и Тотоміанц.

Эс-деки являлись в «Рѣчь» с письмом в редакцію о своем уходѣ, но получили отказ в напечатаніи его.

12 марта. По Петербургу ходят слухи о близкой гибели города à la Мессина. Как это ни странно — к ним прислушивается не только просто-народье, но и многіе из интеллигенціи.

Толкуют о пророчествах какой-то женщины; предсказавшей, якобы, гибель Мессины и еще что-то, наивная вѣра в глупую басню так велика, что нѣ-

которые собираются уѣхать на Пасху из города. Событіе, должно произойти на Пасхѣ.

От землетрясенія осядет полоса земли между морем и Ладожским озером и волны послѣдняго смоют столицу с лица земли. Отмѣченное сейсмографом, неизвѣстно гдѣ происшедшее землетрясеніе, служит как бы первым предостереженіем. Вот вам и XX вѣк!

10 мая. Два мѣсяца не брался за перо, хотя много было, что слѣдовало-бы занести в эту книгу. Отмѣчу кое-что вкратцѣ.

В апрѣлѣ конфисковали очередную книжку (№ 4) «Образованія». Конфисковали за мой рассказ «Тайна»; кромѣ того, за рецензію о книгѣ Ойрсова — «Пугачевщина» градоначальник оштрафовал Карышева на 500 руб.

В редакціи «Образованія» послѣ исторіи с эс-деками я больше не был — опротивѣлъ мнѣ Карышев с его вѣчным враньем и ничемными разговорами; написал из приличія сочувствующее письмо ему из Кемере и ограничился этим.

Больше в «Образованіе» не пойду, пока разумѣется, там Карышев. А сидѣть ему там и изображать из себя литературную персону и судью долго не придется; по слухам, он крѣпко струхнул, приуныл и уже продает журнал.

Привлекают его по 73-ей статьѣ. Что-ж, потѣшился, повеличался, пора и честь знать. Он уже купил себѣ имѣніе гдѣ-то близ Петербурга и это самое лучшее, что мог придумать.

«Образованіе» гибнет; Карышев сдѣлал все что мог, чтобы погубить его, подписка очень невелика и вряд ли найдутся чудачки, желающіе ложиться костями для поддержанія его.

У подъезда моего на Суворовском просп. был арестован Минин; он эс-дек и по разным эс-дековским дѣлам и за изданіе сборника «Вѣянія Времени» должен был превратиться в нелегальнаго челоѡка и жить по чужому виду под фамиліей Шейнина.

Минин *) и раньше говорил мнѣ, что за ним опять начали слѣдить шпики и даже однажды удра-
рал от них через мою квартиру, имѣвшую выход и на 8-ю улицу.

Прекратилось продолженіе «Товарища», «Нашей Газеты»; вообще всюду дѣла идут плохо. Публикѣ, видимо, наскучили всѣ «товарищи» и двуногіе и неодушевленные.

Лопухин приговорен к пяти годам каторги... Процесс был любопытный. Власти так устроили, что главнѣйшіе свидѣтели, вродѣ Рачковскаго отсутствовали — были «нерозысканы».

18 мая. Похоронили О. Пергамента. Покойный был видный член Государственной Думы. Умер от разрыва сердца, но черносотенныя газеты с «Новым Временем» во главѣ заявляют, что он отравился.

Дѣло в том, что в наш вѣк «привлеченій» к суду, собирались привлечь и его с нѣсколькими другими лицами в качествѣ обвиняемаго в пособничествѣ, в бѣгствѣ за границу и укрывательствѣ, извѣстной мазурницы Ольги Штейн.

Трое друзей Пергамента, тоже члены Гос. Думы, отправились в Александроневскую лавру заказывать ему могилу. В конторѣ им сообщили, что могилы отвести не могут: митрополит Антоній чинит препятствіе.

*) Настоящая фамилія его — Свердлов.

Пошли они к Антонію. Митрополит заявил им, что хоронить Пергамент в чертѣ города и по христіанскому обряду, хотя он и православный, нельзя: он самоубійца.

Тогда прїѣхавшіе достали из кармана удостовѣреніе прокурора и полиціи, что препятствій с их стороны к погребенію тѣла не имѣется и, что произведенное слѣдствіе установило факт естественной смерти Пергамента.

Митрополит отвѣтил, что это, конечно, мѣняет дѣло, но что он должен переговорить с обер-прокурором, т. к. наканунѣ по поводу предстоящаго погребенія Пергамента было засѣданіе из пятнадцати владык и один из них, владыка Херсонскій и Николаевскій, сказал, что если бы даже Пергамент умер своей смертью, то его не слѣдует хоронить, в Лаврѣ, т. к. неизвѣстно, был ли он у исповѣди и причастія в текущем году.

Депутація горячо принялась возражать против дикаго мнѣнія, но Антоній сказал, что споры напрасны.

Возмущенные депутаты отправились к предсѣдателю Госуд. Думы, Хомякову. Было девять часов вечера. Хомяков по телефону позвонил к Столыпину и весьма рѣзко пересказал ему содержаніе переговоров с Антоніем, добавив, что он не сомнѣвается, что вся Гос. Дума сочтет исторію с тѣлом выдающагося сочлена ея за личное оскорбленіе и что, кромѣ того, все общество Петербурга сумѣет достойно реагировать на нее.

В 11 час. вечера Столыпин позвонил Хомякову и сообщил, что всѣ препятствія устранены, но только похороны должны произойти на Смоленском кладбищѣ.

Похороны вышли весьма внушительныя; весь Невскій был залит народом; часть публики была обманута публикаціями, гласившими, что погребеніе состоится в Лаврѣ и долго напрасно ожидала у ворот ея приближенія процессіи.

19 мая. Карышев бросил журнал и уѣхал в свое имѣніе, под Бологое.

По городу ходит масса разнорѣчивых толков про смерть Пергамента.

Бесѣдовал сегодня по поводу похорон его с нашим дьяконом. Дьякон дал нѣсколько иное освѣщеніе происшедшему. Оказывается, похороны Пергамента совпали с Духовым днем — престольным праздником в Лаврѣ, по престольным же праздникам церкви похорон не производят.

14 іюля. Много воды утекло и дѣл совершилось за то время, что я опять не прикасался к этой книгѣ. Причина послѣдняго не лѣнь, а то, что книгу эту приходится хранить в безопасном мѣстѣ, не у себя на квартирѣ.

От «Образованія» и Карышева простыл и слѣд: подписчики остались с носом, а Карышев, по слухам, уже за границей.

Кромѣ «Образованія», естественной смертью опочило «Слово» — довольно таки бездарная и пустопорожняя газета; «Новая Русь» дышет на ладан и таким образом к услугам Петербуржцев остается только одна «Рѣчь».

Был, между прочим, сегодня в редакціи журнала «Мір».

В ночь на десятое к ним нагрянули гости — жандармы и полиція. Дѣло в том, что «Мір» первый помѣстил статейку о провокаторѣ Гартингѣ-Ландейзенѣ и теперь, когда дѣло загремѣло

по всему свѣту, на нее обратили вниманіе. Автор статейки — Семенов, настоящее имя котораго Соломон Коган, был арестован, но так как он французскій подданный, то его через сутки выпустили. Дома у него все перевернули вверх дном.

В половинѣ второго ночи компанія нагрянула к Богушевским; был «сам» начальник сыскаго отдѣленія с помощником и, кромѣ того, 14 офицеров полиціи и жандармеріи с приличным количеством нижних чинов.

Перерыли контору, редакцію и помѣщеніе самих Богушевских, забрали портфель с бумагами Семенова, кое-какія рукописи, письма и, по пяти экземпляров всѣх изданій «Міра».

Ничего опаснаго не нашли, да и глупо было и искать что-либо у таких добродушных младенцев, как Богушевскіе. Единственное же к чему могли придратъся — письмо Хрусталева-Носаря лежало в папкѣ с другими письмами, но замѣчено ни одним из 14 офицеров не было.

4 декабря. На днях был в редакціи «Міра» и толстяк, старшій Богушевскій встрѣчает меня и, по обычаю своему, кричит во все горло: — черт знает что! Непріятности у нас, [безобразіе!

— Что такое?

— Да с Тенеромо!

Оказывается, этот толстовец и вегетаріанец устроил такую штуку: уговорил Богушевскаго дать на будущій год в приложеніи к журналу свою «необычайно интересную книгу» — «Живыя рѣчи Толстого».

Получил с него 500 р. в видѣ аванса (продал за 1000 р.); «Васенька» на сумасшедшую сумму накатал объявленій, каталогов и анонсов и вдруг по-

лучил письмо из склада «Посѣв», гласящее, что книга Тенерома уже издана им, совершенно не идет и почти цѣликом лежит в кладовой, а потому журнал «Мір» права издавать эту книгу не имѣет (издана была в 1908 г.).

Между тѣм, Тенеромо увѣрил Богушевскаго, что изданіе давно «расхвачано» и крайне важно для журнала... Васенька разволновался и, когда явился Тенеромо, — а явился он за полученіем остальной суммы, — стал объясняться с ним.

Не вкушающій мяса вегетаріанец признал происшедшее «недоразумѣніем» и предложил весьма простую комбинацію для насыщенія овец и волков: перемѣнить заглавія разсказов, вошедших в книги, или хотя-бы нѣсколько измѣнить их.

«Васенька» рассказывал это при Н. О. Пружанском.

— Разумѣется, я отказался, восклицал Васенька, оттопыривая нижнюю губу и махая руками: благодарю покорно, я в таких продѣлках не участвую!

— О-о! протянул Пружанскій. — Я хорошо его знаю. Он давно живет на счет Толстого и надует публику: это не рѣчи Толстого, а переложеніе Талмуда; он Талмуд обкрадывает!

Богушевскіе — весьма порядочные люди. Васенька — издатель, кромѣ того, чрезвычайно остроумный и добродушный по природѣ человек, но совершенно еще в сыром видѣ. Он, напримѣр, серьезно спрашивал меня, когда Иван Щеглов принес ему весьма глупый разсказ (помѣщенный потом в «Мірѣ») — кто выше и лучше — Щеглов или Чехов? Подобных вопросов он задавал десятки.

6 декабря. Авансов набрала у Васеньки литературная братія без конца; вообще, эта злополучная редакція является мѣстом, куда слетается коршуше, только затѣм, чтобы урвать кусочек.

Тенеромо, вмѣсто того, чтобы обходить за двѣ версты редакцію «Міра», ходит в нее каждый день и все уговаривает Богушевских «не обращать вниманія на претензію «Посѣва».

— А я не сдаюсь! — восклицал, передавая мнѣ это, Васенька. Настоящій он Живокин, только не сознающій своего комизма! — чѣм драматичнѣе положеніе, в какое попадает он, тѣм большій смѣх вызывают его рассказы.

Удержаться от искушенія говорить Васенька рѣшительно не может и выбалтывает все, что только ни сообщают ему. И такому-то человѣку литературная братія повѣряет «по секрету» один про другого, что он бездарен, глуп и т. п. Васенька помирает со смѣху, передавая всѣ эти гнусности, основанныя только на желаніи выпихнуть того или другого из редакціи, чтобы занять больше мѣста под свои статьи.

20 декабря. Для полной обрисовки Богушевских расскажу, как ведут дѣла эти люди.

Левушка — горный инженер по профессіи — очень мало свѣдушій в литературѣ человѣкъ; вдобавок, он глух и упрям, как цѣлая хохлацкая губернія. Задумали эти благодущные обыватели издавать журнал и первым дѣлом устроили контору.

Пригласили за 150 р. бухгалтера, затѣм завѣдывающаго конторой и конторщика. В завѣдывающіе складом добыли откуда-то нѣкоего Гинлейна — лысаго нѣмца; секретарем поступил к ним Ф. Ф. Потѣхин.

Послѣдній «поступил» просто: явился в один прекрасный день без всякаго зова и стал «помогать» в конторѣ, явился и на другой день, и на третій... Богушевскіе радовались. Когда стали выдавать конторѣ жалованье — пришел получать его и Федор Федорович.

— Но вѣдь вы не служите?... осмѣлился сконфуженно возразить Васенька.

— Нѣтъ, служу. Я же работал? Без меня вы не обойдетесь! — твердо возразил Потѣхин. Деньги ему были выданы и, таким образом, он водворился у них явочным порядком.

Подписка шла плохо; работы в конторѣ не было в сущности и для одного человѣка. Васенька и Левушка ворчали и жаловались на расходы, но когда им совѣтовали прежде всего сократить контору — они оглядывались на закрытыя двери, понижали голос и переводили разговор на другія темы.

«Контора» дѣлала, что хотѣла; книгопродавцы открыто говорили, что Гинлейн продает книги, и наконец из области толков дѣло перешло на факты: в кладовой Богушевских обнаружилась пропажа на 3.000 р. книг. Ключ от склада находился всегда у Гинлейна.

Тѣм не менѣе и послѣ этого случая у Васеньки не хватило духа разстаться с ним. Чрезвычайно милая и симпатичная старушка — мать Богушевских — Прасковья Александровна, выходила из себя, но рѣшительно ничего не могла подѣлать со своими обожаемыми телятами.

Наконец, контора дошла до того, что стала не только даром получать деньги, но еще и грубить за это. В один прекрасный день Васенька вышел

из себя и закончил почти, как Агафья Тихоновна в «Женитьбѣ» — вон убирайтесь всѣ! Чтоб духу вашего здѣсь не было!

Я пришел в «Мір» как раз послѣ этой исторіи и Васенька, разгуливая по кабинету в видѣ индѣйскаго пѣтуха, сообщил мнѣ с торжеством, что «слава Богу, выгнал, наконец, всѣх к черту».

Я порадовался за него. Прихожу на другой день, — гляжу — контора вся в сборѣ попрежнему; тишина, всѣ сидят нагнувшись над столами и усиленно что-то пишут. Прохожу к Васенькѣ в кабинет и спрашиваю, что все это значит?

Васенька сконфуженно разводит руками.

— Пришли, — говорит. — Опять работают!

— Да что же вы их не вытурите?

— Пришли! — опять повторяет Васенька. — Что-ж подѣлать? Я им говорю, что они не нужны, а они сидят!

Я чуть не умер от смѣха.

И такая исторія повторялась по сіе время уже трижды: раз выгонял их Васенька, во второй раз, во время отъѣзда его — мать его и в третій раз — Левушка, «а они все сидят»!

1910 год.

4 января. Был сегодня у Н. П. Карбасникова; бесѣдовали с ним о всякой всячинѣ. Пирожков, оказывается, подвел его с «затылками» векселей не на 100, а ровно на 180 тысяч рублей.

— Да, говорил Николай Павлович, — не думал я, что придется на старости лѣтъ попастьъ в такую кашу! — Ему бѣднягѣ пришлось для спасенія дѣла преобразоваться в «товарищество».

Разказал мнѣ слѣдующее.

Был он в судѣ. К предсѣдателю подходит какая-то старуха, кланяется и просит у него билет на каторгу. Тот в недоумѣніи, и отвѣчает ей, что никаких билетов суд не выдает. Та стоит на своем и, в концѣ концов, старуху уводят.

— Екнуло у меня сердце! — говорил Н. П. — Сам только что пережил тяжелую исторію с сыном, жалко мнѣ ее стало. Поманил ее к себѣ пальцем и велѣл придти сюда, в магазин. Явилась она. Разскажи, говорю, что у тебя за дѣло? Так и так, говорит: сын на каторгу сослан, остались мы вдвоем со стариком; его, как забрали сына, паралич разбил; живем в подвалѣ, а теперь для дров он понадобился, так выселяют нас. А пенсіи получаем всего пять рублей в мѣсяц. Мы и рѣшили к сынку ѣхать; помирать вѣдь все равно гдѣ!

— А за что он на каторгу попал?

— Сын то? А за леворверты: леворверты у него нашли!

— Вот что, говорю, старуха.—Иди-ка ты опять сейчас в суд, принеси мнѣ копію с обвинительнаго акта: посмотрим — может быть, как-нибудь помочь твоему сыну можно будет?

Принесла ему старуха копію. Дѣло оказалось такого рода: сын ея служил при мебелированных комнатах гдѣ-то на Фонтанкѣ. В один прекрасный день часто бывавшій субъект — фамилію его забыл и помню только, что она грузинская — обращается к нему и просит его припрятать на нѣсколько дней два револьвера.

Дуралей взял их и даже гордился такого рода довѣренностью к своей особѣ и не только не скрывал этой «тайны», но даже хвастался на кухнѣ этим событіем в свой жизни.

Нашлась баба, которая сказала ему «дурака», напугала и убѣдила вернуть револьверы их хозяину. Умная голова рѣшила исполнить это на другой день, а ночью пришли с обыском и парня забрали с поличным. В сосѣднем домѣ тоже был обыск: там найдены были бомбы.

«Дѣло» этого хранителя пристегнули к дѣлу боевой организаціи, и дурак, вмѣсто штрафа за храненіе оружія без дозволенія попал на каторгу.

Карбасников принял самое горячее участіе в старухѣ; хлопоты его увѣнчались успѣхом, и вот на-днях получена телеграмма, что сына ея возвращают с каторги.

29 января. Видѣл Н. Н. Шаврова, только что пріѣхавшаго из Туркестана, гдѣ он завѣдывает переселеніем. Много рассказывал о безобразіях, творящихся в Туркестанѣ; Кривошеин, министр, встрѣтил его теперь по пріѣздѣ весьма нелюбезно и рѣзко заявил, что его послали в Туркестан «заниматься дѣлом, а не политикой».

Шавров возразил, что он и не думал заниматься ничѣм подобным. Тогда Кривошеин, глядя на него в упор, сказал: «неужели вы так наивны, что думаете, что ваших писем не распечатывают и не читают?».

В Ташкентѣ вышла с перлюстраціей исторія такого рода. Ревизовал этот край граф Пален и ревизовал, судя по отзывам Шаврова, очевидца ревизіи, весьма плохо. Чиновники его шатались по

«заведеніям», опрашивали лакеев, выгнанных чиновников, и вообще старались выуживать всякія свѣдѣнія у самых подонков.

Одному из чиновников Палена потребовалось какое-то дѣло из канцеляріи генерал-губернатора. Дѣло выдали и — о конфуз! в нем оказал~~сь~~ подшитыми письма самого Палена, адресовавшіяся им лично к Столыпину.

Их перехватывали, «пріобщали» к дѣлу и до такой степени просто смотрѣли на такого рода «службу», что даже забыли о них и выдали вмѣстѣ с дѣлом Паленскому же чиновнику.

Скандал вышел грандіозный.

31 января. Заглянул Г. В. Бартенев. Хочет ликвидировать свое участіе в книгоиздательствѣ «Посѣв».

Был у Н. С. Алексѣева — пріятеля, нынѣ покойнаго уже и мало кому извѣстнаго поэта — сатирика Щиглева.

Бартенев прочел мнѣ на память пару стихотвореній послѣдняго и они так мнѣ понравились, что я задумал написать статью о нем. Бартенев потащил меня к Алексѣеву за матеріалами, но их у него оказалось мало и 10 числа мы учиним нашествіе на семью Щиглева.

Кому извѣстно теперь это имя? А вмѣстѣ с тѣм Владимір Романович был весьма одаренный человек; складка ума у него была рѣзко сатирическая и по этой причинѣ огромному большинству его стихов увидѣть свѣта в печати не удалось; теперь много их затеряно и утрачено, а, повторяю, жаль.

Видѣл у Николая Семеновича нѣсколько картин работы того же Щиглева — копію с Рѣпин-

скаго портрета Толстого и стѣну с распахнутой желѣзной дверью. По объясненію Н. С. — это вход в покинутую политическую тюрьму; и вход, и дверь все заросло красными цвѣтами... тюрьма пуста...

Розовое «праздное мечтаніе» сіе и портрет Толстого исполнены очень недурно. Кромѣ них Алексѣев показал нѣсколько картонок, — крышек от коробок с гильзами; на одной из них мастерски написан генерал Дитятин в его классической позѣ.

Человѣкъ Щиглев был нервный, подвижной, кипучій, не терпѣвшій никаких противорѣчій. Умер он мгновенно, ночью, шестидесяти лѣтъ от роду. И что осталось от всей этой кипучей жизни? Нѣсколько стихов, напечатанных в давно исчезнувших и забытых газетах, да водевиль «Помолвка в Галерной гавани». И только небольшой кружок старичков знакомых оживляется теперь, услышав имя Щиглева и начинает вспоминать его мѣткія словечки и хлесткіе стихи.

Послѣ Щиглева осталась незаконченная картина — русскіе писатели в раю.

Ближе к Саваоѹ, в облаках сидит Екатерина II, Державин и др. Всѣ они расположены по рангам от земли до неба; за столиком, на землѣ, обжирается дѣдушка Крылов.

10 февраля. Сейчас вернулся с Большой Болотной ул. от Щиглевых. Очень милая, тихая семья стараго склада; состоит она из двух старушек — жены Щиглева и ея сестры и из дочери первой.

Снабдили меня двумя объемистыми пачками рукописей Владиміра Романовича; писал он в переплетенных тетрадках; к сожалѣнію, многое из этих тетрадок вырвано и уничтожено — он одно время

жил в меблированных комнатах и, боясь обыска, поуничтожил особенно рѣзкія вещи.

Бесѣдовали, конечно, больше о нем; предложеніе мое написать статью о покойном было принято с благодарностью, обѣщали собрать побольше матеріалов. На стѣнах у них висит нѣсколько картин работы его; очень недурна, между прочим, картина, изображающая Николая I, стоящаго во весь рост в халатѣ и ночном колпакѣ Петра I. Халат длинен и лежит частью на землѣ, туфли велики тоже, но вид у Николая прегордый.

— Это он ѣздил ума набираться! — говаривал Щиглев. Дѣло в том, что Николай I в послѣдній год своего царствованія, дѣйствительно ѣздил в Петергоф и там ночевал в комнаткѣ Петра I. Сторож будто бы подглядѣл в щелку и видѣл Николая, надѣвшаго вещи Петра. Разсказ его и вдохновил Щиглева.

Добавлю, что Щиглев был замѣчательный музыкант и композитор-импровизатор.